

Я. А. МЕЛЬКУМОВ

ТУРКЕСТАНЦЫ

Я. А. МЕЛЬКУМОВ »»»

ТУРКЕСТАНЦЫ

Яков Аркадьевич
МЕЛЬКУМОВ
(1935 г.)

В О Е Н Н Ы Е М Е М У А Р Ы

Я. А. Мелькумов

ТУРКЕСТАНЦЫ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА—1960

Воспоминания командира кавалерийской бригады Якова Аркадьевича Мелькумова — это рассказ активного участника борьбы с басмачеством на территории нынешних социалистических республик Средней Азии.

С 1920 по 1932 год автор воспоминаний провел в походах по горам и пустыням Восточной Бухары и Хорезма. Тепло и с любовью вспоминает Мелькумов своих товарищей по борьбе — героев-туркестанцев. Одни из них оставались неизвестными до наших дней, другие были незаслуженно забыты.

Воспоминания Мелькумова строго документальны, и читатель с интересом прочтет страницы, на которых описано крушение Бухарского эмирата, падение Хивинского ханства, борьба с международным авантюристом Энвер-пашой и главарем басмаческих банд Восточной Бухары Ибрагим-беком.

*Товарищам по оружию,
делившим со мной все тяготы
боевой и походной жизни, по-
свящаю эту книгу.*

Двенадцать лет провел я в походах по горам и пустыням Средней Азии, командуя кавалерийскими соединениями. Мне довелось принять участие в крупнейших операциях, развернувшихся против армий эмира Сеид-Алим-хана, Энвер-паши, банд Ибрагим-бека, Курширмата и Джунаид-хана.

Бойцы и командиры, делившие со мной все тяготы походов, не были «туркестанцами» по рождению. Много в быту и жизни местного населения было для них непонятно. Но дух интернационализма, классовое самосознание, единство целей в борьбе помогли им выполнить свой долг перед трудящимися Туркестана.

Ленинская национальная политика нашей партии, проводниками которой мы были, помогла одурманенным и одураченным беками и ишанами массам дехкан сбросить феодальное иго и вступить вместе с другими народами бывшей царской России на путь социалистического строительства.

Части Красной Армии, действовавшие на Туркестанском фронте, сумели оказать решительную поддержку трудящимся Хивинского ханства и Бухары в их борьбе против феодально-ишанской верхушки, поддерживаемой английским империализмом.

Туркестанский фронт занимал особое место среди других фронтов гражданской войны. Горы, стремитель-

ные реки, необходимость действовать небольшими подразделениями — все это требовало от бойцов и командиров величайшего напряжения моральных и физических сил.

Командирам полков и даже эскадронов нередко приходилось решать на своих боевых участках не только военно-тактические, но и политические задачи. Туркестанский фронт явился прекрасной школой для командного состава. И не случайно многие командиры-туркестанцы выросли в крупных военачальников Советской Армии. Командир эскадрона Бальджуанского кавалерийского полка В. К. Баранов во время Великой Отечественной войны командовал 1-м гвардейским кавалерийским корпусом. Путь от начальника полковой школы Алайского кавалерийского полка до командира 7-го гвардейского кавалерийского корпуса прошел ныне Герой Советского Союза генерал-полковник М. П. Константинов. Бывший командир полка 3-й кавалерийской дивизии В. Т. Обухов — ныне генерал-полковник, заместитель командующего бронетанковыми войсками. Старшина технического эскадрона 1-й Туркестанской кавалерийской дивизии В. Г. Позняк в годы Великой Отечественной войны командовал корпусом. В настоящее время Герой Советского Союза генерал-лейтенант В. Г. Позняк возглавляет кафедру в Академии Генерального штаба Советской Армии. Начальник школы 2-го Туркменского кавалерийского полка Я. Кулиев пришел в Красную Армию малограмотным кочевником. За годы Советской власти он вырос до генерала Советской Армии и во время Отечественной войны командовал 21-й кавалерийской дивизией. Я. Кулиев героически погиб в битве под Сталинградом.

Ряды участников великой битвы за Советскую власть редуют с каждым днем, и я посчитал своим долгом оставить живое свидетельство о том, как эта битва развертывалась в Туркестане.

Приношу глубокую благодарность майору запаса Борису Исааковичу Балтеру, принявшему большое участие в создании этой книги.

Я. А. Мелькумов

ОСВОБОЖДЕНИЕ БУХАРЫ

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С М. В. ФРУНЗЕ

В боях под Воронежем я командовал сводной бригадой 8-й армии Южного фронта, был ранен и попал в госпиталь. А когда выздоровел, меня направили в Самару, в штаб Туркестанского фронта. Это было в декабре 1919 года.

Принял меня инспектор кавалерии штаба фронта Юрий Наумович Пальмгрэм, в прошлом полковник старой армии. Как только стала создаваться красная конница, Пальмгрэм добровольно перешел на сторону Советской власти и до конца своих дней неутомимо работал по формированию и обучению кавалерийских частей.

Пальмгрэм заинтересовался моей прежней службой. И когда я сказал, что свой боевой путь красного командира начал в 4-й кавалерийской дивизии, он спросил:

— А полковника Киселева вы знаете?

Киселев был старшим офицером дивизии, в которой я служил. Мне было известно, что он перешел на сторону революции, но я не знал, где он находится. Оказалось, что Киселев служит в штабе фронта в качестве помощника инспектора кавалерии. Пальмгрем тут же пригласил его, и беседа продолжалась уже втроем.

4-я кавалерийская дивизия заслуживает того, чтобы сказать о ней несколько слов. Октябрьская революция застала дивизию на станции Верро, под Псковом, куда ее отвели на отдых с яacobштатского плацдарма, где она в течение 18 месяцев удерживала оборону, ведя непрерывные бои с немцами. Личный состав дивизии, за исключением большинства офицеров, которые под разными предлогами покинули свои полки, перешел на сторону революции. Начальником дивизии солдаты избрали вахмистра Г. В. Жукова. Унтер-офицером дивизионной пулеметной команды был тогда С. К. Тимошенко, ныне Маршал Советского Союза.

В ноябре 1917 года в дивизию приехал комиссар Северного фронта Б. П. Позерн. Он сообщил, что генерал Каледин поднял на Дону контрреволюционное восстание. Начдив Жуков собрал представителей революционных солдатских комитетов. Было принято единодушное решение выступить на подавление восстания, и дивизия погрузилась в эшелоны и отправилась на защиту Советской власти.

8 января 1918 года кавалерийские полки дивизии совместно с латышскими революционными частями, отрядами Сиверса и Саблина освободили Ростов. Позже дивизия была отозвана в Москву и реорганизована в 1-ю Московскую кавалерийскую дивизию. Меня назначили командиром 1-го Московского кавалерийского полка.

Пальмгрем расспрашивал меня о боях, в которых мне довелось участвовать. Я рассказал о действиях 12-й стрелковой дивизии, которой был придан мой полк, об отступлении к Воронежу, о тяжелых арьергардных боях, которые приходилось нам вести. Пальмгрем внимательно слушал, интересовался, как использовалась конница на Южном фронте и как было организовано управление кавалерийскими соединениями.

— Ну что ж, вы вполне можете командовать кавалерийскими соединениями.

лерийской бригадой, — сказал он в заключение и посмотрел на Киселева.

— Вполне, — согласился тот.

Я понял, что наша беседа была для меня своеобразным экзаменом. Ознакомив меня с оперативными сводками, Пальмгрем сказал.

— Через час вас примет командующий фронтом Михаил Васильевич Фрунзе. Будьте готовы к беседе с ним.

Никаких дел у меня в штабе не было, и я решил побродить по городу. Улицы и дома Самары еще сохраняли следы недавних боев с белыми — поврежденные снарядами крыши, обитая пулями штукатурка. Волга уже покрылась льдом, и суда стояли в затоне. Я шел и думал о предстоящей встрече с командующим. До прибытия в Самару я не знал Фрунзе и ничего не слышал о нем.

О командире можно судить по тому, как выглядит его штаб. В штабе Туркестанского фронта, несмотря на то что он был создан недавно, чувствовался образцовый порядок. Честно говоря, это поразило меня, не очень избалованного четкостью штабной службы. По оперативным сводкам я догадывался, что на фронте зревают важные события и что сидеть без дела не придется.

В назначенное время я был у Пальмгрема. Он повел меня к командующему.

М. В. Фрунзе сидел за столом и что-то писал. Когда мы вошли, он поднялся из-за стола и посмотрел на меня умными, пронизательными глазами. После обмена приветствиями Фрунзе сел и Пальмгрем стал докладывать обо мне. А Михаил Васильевич слушал и поглядывал на меня. Все в нем было естественно и просто, располагало к откровенности, и в то же время от него исходила какая-то особенная внутренняя сила, не позволявшая ни на секунду забыть, что перед тобой командующий фронтом.

М. В. Фрунзе был полководцем ленинской школы. В нем счастливо сочетался талант военачальника с качествами крупного государственного деятеля, бесконечно преданного интересам пролетариата, идеям марксизма-ленинизма.

Выслушав Пальмгрема, Фрунзе предложил нам сесть.

— Где вы жили до войны? — спросил он.

— В Средней Азии.

— А точнее?

— В Ашхабаде.

Под усами у Фрунзе промелькнула довольная улыбка, и я понял, что мой ответ чем-то ему понравился.

— Может быть, вы и какой-нибудь местный язык знаете?

Я ответил, что владею узбекским и туркменским языками.

— Замечательно! — воскликнул Фрунзе и тут же заговорил со мной по-киргизски. Правда, между киргизским и узбекским языками есть некоторая разница, но мы понимали друг друга.

Фрунзе превосходно знал обычаи среднеазиатских народов и условия, в которых предстояло действовать войскам фронта.

— Наша задача — разъяснить трудовым массам Средней Азии, что царизм одинаково враждебен как русскому рабочему классу, так и трудящимся массам Туркестана. Русский красноармеец должен на деле доказать, что он друг и товарищ узбекского дехканина и туркмена пастуха в их национально-освободительной борьбе, — говорил Фрунзе.

Выйдя из-за стола, Михаил Васильевич подошел к карте и коротко рассказал о положении на фронте.

Пока Фрунзе говорил, в моей памяти всплывали картины недавнего прошлого Туркестана.

...Колонизаторская политика царизма, наследником и преемником которой стало Временное буржуазное правительство, была ненавистна народам Средней Азии. Эта политика не только разоряла дехкан присоединенной к России во второй половине XIX века части Туркестана, но и способствовала сохранению феодализма и деспотической власти в Бухарском и Хивинском ханствах.

Весть о победе пролетариата в центре России быстро облетела всю Среднюю Азию.

14 ноября 1917 года трудящиеся Ташкента подняли под руководством большевиков восстание, арестовали представителей местного буржуазного правительства,

возглавляемого генералом Кравченко, и провозгласили Советскую власть.

В апреле 1918 года VI Всетуркестанский съезд Советов объявил Туркестанский край Автономной Советской Социалистической Республикой.

С первых дней своего существования единственная в Средней Азии Советская республика подверглась яростным атакам контрреволюции. Обстановка осложнялась тем, что на протяжении 1918—1919 годов Советский Туркестан был отрезан от РСФСР армиями Колчака. Советская власть сохранилась лишь в городах, где была большая рабочая прослойка. Сформированные из рабочих и революционно настроенных семиреченских казаков, а также из преданных Советской власти и наиболее сознательных дехкан войска молодой республики, находясь в полном окружении, вели бои с английскими интервентами, белогвардейскими генералами и местными басмачами.

В июле 1919 года для освобождения Советского Туркестана был создан Туркестанский фронт. Разгромив южную армию Колчака и уральских белоказачков, войска фронта соединились с революционными частями Туркестана. Дорога на Ташкент была открыта.

На всех направлениях Туркестанского фронта шли ожесточенные бои: на закаспийском — против англичан и белогвардейцев; на хивинском и ферганском — против басмачей; на семиреченском — против банд атаманов Анненкова и Дутова, генералов Бакича и Щербакова. А в «нейтральной» Бухаре эмир Сеид-Алим-хан вынашивал бредовые планы захвата Советского Туркестана и сосредоточивал свою армию на советско-бухарской границе.

Обстановка осложнялась тем, что войска, действовавшие на внутренних направлениях и в течение длительного времени оторванные от регулярных частей Красной Армии, были плохо вооружены и организованы. М. В. Фрунзе решил перебросить штаб Туркестанского фронта в Ташкент и реорганизовать войсковую систему Советского Туркестана по принципу регулярной армии.

Я был назначен командиром 1-й бригады 1-й Туркестанской кавалерийской дивизии. Собственно, самой бригады еще не было, формировался только штаб.

Прощаясь, Фрунзе крепко пожал мне руку и сказал: — Начинайте сколачивать штаб. Порядок и дисциплина зависят от организованности и работоспособности штаба. Желаю вам успеха.

КРУШЕНИЕ ЭМИРАТА

В мае 1920 года штаб 1-й Туркестанской кавалерийской дивизии прибыл в Самарканд.

Военная и политическая обстановка в Средней Азии продолжала оставаться сложной, несмотря на взятие частями Красной Армии Красноводска и разгром белогвардейских банд атаманов Дутова, Анненкова и генерала Бакича.

Главарь басмачей в Ферганской долине Мадамин-бек подписал в городе Скобелеве (ныне Фергана) с начальником 2-й стрелковой Туркестанской дивизии Н. А. Вережкиным-Рахальским соглашение о переходе всех отрядов басмачей на сторону Советской власти. Но вскоре Мадамин-бек был убит, и уже в июле 1920 года подстрекаемые интервентами басмачи Ферганы вновь развернули боевые действия. Была создана «мусульманская армия» во главе с Курширматом. В нее входили шайки таких курбашей¹, как узбеки Исламкуль, Хал-Ходжи, Нурмат-Минбаши, Юлчи, киргиз Муэтдин-бек и другие. Всего в «мусульманской армии» насчитывалось около 30 000 вооруженных всадников. Басмачи готовились к нападению на крупные административные центры. Одновременно с этим войска эмира бухарского закончили подготовку удара в тыл Советскому Туркестану.

Бухара в это время формально считалась самостоятельным государством. Но по существу бухарский эмир Сеид-Алим-хан был марионеткой в руках американо-английских империалистов и русских белогвардейцев. Соотношение сил складывалось явно не в нашу пользу. Эмир располагал регулярной армией численностью в 8745 штыков и 7580 сабель при 23 легких орудиях и 12 пулеметах и иррегулярным ополчением беков — 27 000 сабель и штыков при 32 орудиях.

Командование Туркестанского фронта могло выставить против армий эмира не более 6—7 тысяч штыков и

¹ Курбаш и — главарь басмаческой шайки.

2,5 тысячи сабель при 32 легких и 5 тяжелых орудиях, 8 броневедомостей, 5 бронепоездов и 11 аэропланов.

Решить задачу защиты Советского Туркестана одними военными средствами нечего было и думать.

Для помощи трудящимся и укрепления Советской власти в Туркестане ЦК РКП(б) и ВЦИК РСФСР направили в Среднюю Азию специальную комиссию в составе М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышева, Я. Э. Рудзутака, Ш. З. Элиава и П. А. Кобозева.

Комиссия проделала в Туркестане большую работу. С помощью комиссии началось решительное исправление ошибок и перегибов, допускаясь на местах. Так, например, бывший председатель Совнаркома Туркестанской республики Ф. И. Колесов нарушал национальную политику партии, не занимался политическим воспитанием масс. С помощью членов комиссии удалось установить тесную связь с партийной организацией Бухары, которая насчитывала в своих рядах около пяти тысяч коммунистов и готовила массы к свержению эмира.

По указанию Владимира Ильича Ленина комиссия рекомендовала бухарским коммунистам установить временный блок с буржуазно-националистической партией младобухарцев (джадидов). Блок этот был возможен потому, что партия младобухарцев, выступая против деспотической власти эмира, была заинтересована в ликвидации феодализма. Заключая этот временный союз, коммунисты Бухары понимали, что после свержения эмира предстоит еще жестокая борьба за социалистическую революцию. Коммунисты Бухары учитывали оппортунистическую сущность партии младобухарцев и взяли на себя основную тяжесть подготовки восстания.

Комиссия в своей деятельности руководствовалась письмом В. И. Ленина.

«Установление правильных отношений с народами Туркестана, — писал Владимир Ильич, — имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое.

Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам.

Я очень прошу вас обратить на этот вопрос сугубое внимание, приложить все усилия к тому, чтобы на примере, делом установить товарищеские отношения к народам Туркестана, — доказать им делами искренность нашего желания искоренить все следы империализма великорусского для борьбы беззаветной с империализмом всемирным...»

Строго следуя ленинским указаниям, комиссия морально поддерживала революционное движение в Бухаре, не вмешиваясь во внутренние дела Бухарского государства.

К августу 1920 года в Самарканде закончилось формирование 1-й Туркестанской кавалерийской дивизии. В нее вошли: 1-я бригада (комбриг Я. А. Мелькумов) в составе 1-го кавалерийского полка, бойцы которого являлись мобилизованными в армию рабочими железнодорожных мастерских и хлопкоочистительных заводов, и 2-го кавалерийского полка (бывшего лейб-гвардии драгунского полка, прибывшего с Восточного фронта); 2-я бригада (комбриг Сусанин), прибывшая из Семиречья, в составе 3-го и 4-го кавалерийских полков и переброшенная из Сибири 3-я бригада (комбриг Марсов¹) в составе 5-го и 6-го кавалерийских полков.

В середине августа в Самарканд приехал Михаил Васильевич Фрунзе, в связи с чем штаб дивизии собрал совещание старшего командного состава. В Самарканде было много эмирских шпионов, поэтому совещание проводилось в строгой тайне. Когда мы вошли в кабинет начальника дивизии Евгения Николаевича Швецова, Фрунзе был уже там.

— Товарищи командиры, — обратился Фрунзе к собравшимся, — прошу слушать внимательно и ничего не записывать. В Старой Бухаре подготовлено восстание против эмира. Восстание возглавляют коммунисты. Однако, ввиду ненадежности младобухарцев, а также наличия у эмира крупных воинских сил, руководители восстания обратились к Реввоенсовету фронта с просьбой оказать вооруженную помощь восставшим. Это наш интернациональный долг. Мы должны выполнить его еще и потому, что эмир закончил подготовку к нападе-

¹ По утверждению генерал-майора в отставке И. Ф. Куца, фамилия командира 3-й бригады была Марсаков,

нию на Советский Туркестан и в случае поражения восстания обрушит на нашу республику все свои силы. По данным, которыми располагает Реввоенсовет, создается блок Персии и Бухары. Враги хотят нанести удар по всей нашей южной границе одновременно и, опираясь на басмаческое движение в Фергане, снова разжечь в Советском Туркестане пожар гражданской войны.

Фрунзе подошел к карте и продолжал:

— Основные силы эмира располагаются в трех районах: Бухара, Хатырчи — Кермине, Китаб — Шахрисябз. Приказываю: командиру 3-й бригады 1-й Туркестанской стрелковой дивизии занять город Кара-Куль, взять под свою охрану железную дорогу до станции Якка-Тут включительно, перехватывать перебежчиков из Старой Бухары и в случае бегства эмира не пропустить его. Начальнику Каганской группы товарищу Клементьеву по получении известия о революционном перевороте в Старом Чарджуе немедленно двинуть свои части на Бухару и уничтожить силы эмира. Начальнику Катта-Курганского отряда товарищу Кужелло занять города Хатырчи и Зиаэтдин и в дальнейшем выйти к Кермине. Самаркандскому отряду, возглавляемому товарищем Швецовым, в составе 1-й Туркестанской кавалерийской дивизии, Тюркской конной бригады и 3-го Туркестанского стрелкового полка разбить войска эмира на шахрисябз-китабском направлении и овладеть районами Гузара и Карши, расположенными вдоль реки Кашка-Дарья. Действовать надо быстро и решительно.

После совещания Фрунзе подошел ко мне, и я убедился, что он помнит нашу беседу в Самаре. Михаил Васильевич заговорил со мной так, будто мы только вчера расстались, а до этого хорошо знали друг друга.

— Как вы оцениваете обстановку? — спросил он меня. — Ведь вы почти коренной житель Туркестана. Вам лучше нас всех должна быть понятна психология народа и его национальные чаяния.

Я сказал, что считаю правильными меры по исправлению ошибок, допущенных Колесовым, который пытался только с помощью армии, без участия трудовых масс, присоединить Бухару к Советскому Туркестану. Говоря о создании национальных частей, я заявил, что считаю особенно удачным политическим шагом привлечение на сторону Советской власти племен джамшидов,

хозарийцев и тайменов, населявших южную часть республики. Эти племена в любой момент готовы были восстать против Персии и ожидали лишь сигнала.

— Вы хорошо связали руки Персии. Пусть теперь попробуют оказать помощь эмиру, — сказал я.

— Вы и это знаете? — Фрунзе улыбнулся. — Значит, зря времени вы не теряли. Как говорится, с головой окунулись в дела. А ведь обстановка сложная, и, к сожалению, не все это понимают.

Я ответил, что постоянно общаюсь с местным населением, стараюсь быть в курсе его настроений, знать, как в кишлаках относятся к нашей политике.

— Правильно, — одобрил Фрунзе. — Сейчас самое главное — знать настроение масс. Долг каждого командира — изучать население, его обычаи и нравы, исторические устремления. Мы не захватчики, а освободители. Наши интересы и цели совпадают с интересами и целями самих угнетенных народностей.

Когда я вышел от Фрунзе, другие командиры уже разъехались и у штаба, в тени тутовника, скучал в одиночестве мой коновод.

Начались последние приготовления к операции. Велись они в строгой тайне. Передача распоряжений по телефону была запрещена. Железнодорожные служащие не знали о маршрутах эшелонов. Время отправки поездов менялось. В Самарканде полки дивизии с утра в полном боевом снаряжении уходили на учения по разным дорогам, а к вечеру возвращались в лагеря и казармы. Приказания командирам частей и подразделений передавались только лично или через связных. Кроме командиров групп, никто не знал точно времени начала операции.

Было около пяти часов утра 28 августа, когда меня разбудил связной и передал приказание начальника дивизии явиться в штаб, который располагался в старых царских казармах.

— Восстание в Бухаре началось, — сказал Швецов, когда я вошел к нему в кабинет. — Получен приказ командующего фронтом. — Швецов протянул мне отпечатанный на машинке приказ.

«В ряде местностей Бухары вспыхнуло революционное движение, — читал я. — Настал час решительной схватки подавленных и поработанных трудящихся масс

Бухары с кровожадным правительством эмира и беков. Полки нарождающейся Бухарской Красной Армии двинулись на помощь родному народу. Красные полки рабоче-крестьянской России обязаны стать подле них. Приказываю всей нашей вооруженной мощью прийти на помощь бухарскому народу в этот час решения.

Командиры и комиссары! На вас смотрит сейчас вся Советская Россия и ожидает от каждого исполнения его революционного долга!

Вперед за интересы трудящихся Бухары и России!

Да здравствует возрождающийся бухарский народ!

Да здравствует нарождающаяся Бухарская Советская Республика!»

— Через час выступаем в направлении перевала Тахта-Карача. Ваша бригада идет в авангарде. Боевую задачу и все изменения в обстановке уточню на марше. Действуйте, — сказал Швецов, когда я возвратил ему приказ.

Так началась моя боевая жизнь на Туркестанском фронте.

* * *

Часов в семь из лагеря выступил головной полк бригады.

Эскадроны шли переменным аллюром, выдерживая положенную дистанцию. Появление конницы на тенистых улицах города было столь обычным, что не могло вызвать у кого-нибудь удивления или тревоги, даже если среди прохожих и были агенты эмира. Только мальчишки выбегали из всех дворов и, как обычно, бежали вдоль арыков, провожая конников.

Позади остался утопающий в садах пригород Самарканда. Копыта коней с мощеных мостовых ступили на мягкий грунт большака. Вправо и влево от дороги лежали сады, поля, кишлаки. Впереди синели вершины гор Зеравшанского хребта. Где-то там, в горах, прятался охраняемый противником перевал Тахта-Карача.

Километрах в семидесяти правее нас, по дороге на Сараган, шла вторая колонна дивизии под командованием комбрига Марсова. Бригаде была поставлена задача перейти на рассвете бухарскую границу и овладеть кишлаком Чиракчи, прикрывая правый фланг дивизии.

Дорога все круче поднималась вверх, к перевалу.

Головной полк подошел к кишлаку Багрин, в котором был назначен большой привал. Мелководный ручей пересекал дорогу, извиваясь между хорошо возделанными полями. На холме за кишлаком белели европейские постройки почтовой станции. Такие станции строились царской администрацией по всем трактам в русской части Туркестана. Каждая такая станция выглядела как небольшая крепость. Две ее кирпичные башни были расположены по диагонали четырехугольного двора, обнесенного стеною.

В Багрин приехал командир дивизии Швецов. Он сообщил, что войска чарджуйской группы овладели городами Чарджуй и Кара-Куль, захватив на Аму-Дарье переправы Наразым и Бурдалык. Швецов приказал идти к перевалу форсированным маршем, сбить охранение противника и вступить в бой с пограничными войсками эмира, которыми командовал китабский бек.

До Аман-Кутана, расположенного в четырнадцати километрах от Багрин, шли походной колонной, без охранения, так как в Аман-Кутане стояла наша пограничная застава.

Позади нас лежала пустынная цепь предгорий. А впереди поднимались крутые склоны лесистого хребта. У подножья хребта виднелись кибитки небольшого кишлака, а над ним в горах, между зарослями карагачей и тутовника, белели домики санитарной станции. Станцию эту построили по распоряжению наместника Туркестана для больных малярией, которых было много в русских войсках.

За Аман-Кутаном наших частей уже не было. Головной полк выслал к перевалу разведку. Бригада выступила из кишлака, готовая вступить в бой.

Впереди слышалась ружейно-пулеметная стрельба. От головной заставы прискакал красноармеец и доложил, что с перевала заставу обстреливают засевшие среди скал и камней эмирские сарбазы¹.

Следовавший с авангардом начальник дивизии Швецов приказал конно-артиллерийскому дивизиону Ионина открыть огонь по перевалу. 2-й полк бригады под командованием Семена Петровича Дмитриева спешил и под прикрытием артиллерийского огня начал продвигаться

¹ Сарбаз — солдат.

к перевалу. В течение получаса противник был сбит со своих позиций.

Ночь застала бригаду на перевале. Пришлось заночевать. От холода не попадал зуб на зуб. Не верилось, что мы совсем недавно оставили внизу теплые, цветущие долины и что днем на марше люди изнывали от жары.

Всю ночь красноармейцы не выпускали из рук поводья. Разведка донесла, что противник спустился в долину. Наконец наступил долгожданный рассвет. Вскоре лучи солнца согрели землю. Кавалеристы повеселели.

Я с головной походной заставой начал спускаться в долину. Впереди, метрах в двухстах, ехали дозорные. Всадники скрылись за поворотом, но не прошло и двух минут, как один из них уже мчался нам навстречу. Осадив коня, он показал условным знаком, что впереди противник. Обогнув выступ скалы, я увидел внизу ровную долину и километрах в трех от нас окопы противника, вытянутые в линию орудия, а на флангах, в садах кишлака, конницу.

Подъехавший ко мне командир головного эскадрона Германович сказал:

— Что же это они — на парад выстроились?..

Мой коновод пошутил:

— Это их английские спецы научили.

Действительно, линейная тактика в XX веке выглядела смешно. Но позиция противника имела и свои сильные стороны: она запирала выход на равнину, сковывая в горах действия конницы. А шестнадцать орудий могли причинить большие неприятности.

Решение нужно было принимать быстро, пока нас не обнаружили. Я попросил начальника дивизии Швецова огнем конно-артиллерийского дивизиона рассеять конницу противника на флангах. А тем временем полки бригады скрытно рассредоточились по лощинам. Сигналом к атаке условились считать огонь наших орудий.

Когда первые снаряды разорвались в садах кишлака, оба моих полка пошли в конную атаку. Появление нашей конницы перед окопами было для противника настолько неожиданным, что артиллерийский залп не причинил нам вреда, так как снаряды разорвались далеко позади атакующей линии.

Когда начальник дивизии Швецов спустился с главными силами на равнину, все было уже кончено. Кавалеристы, спешившись, осматривали в окопах орудия, которые бросили насильно взятые в эмирское ополчение дехкане окрестных кишлаков. На горизонте стояла пыль, поднятая удиравшей конницей бека и преследовавшим ее 1-м кавалерийским полком. К орудиям, брошенным на позициях, наши красноармейцы подводили упряжки.

Главные силы дивизии разделились так: 1-я бригада была брошена в направлении Яр-Тепе, 2-я бригада — на Яккабаг, Лянгар, 3-я бригада к этому времени заняла Чиракчи и выслала для связи со мной разъезды.

К исходу дня 29 августа части дивизии овладели Китабом и Шахрисябзом, разгромив группировку противника. Дивизия захватила много обмундирования, сапог английского образца и продовольствия. Отнятое у врага имущество раздавали на китабских и шахрисябзских базарах нищим и беднякам. Распределением риса, халатов, сапог занимались политработники, которые привлекли к этому делу представителей местного населения из числа сочувствующих Советской власти. Тут же проводились митинги, на которых всем объявлялось, что отныне земля и вода принадлежат тем, кто трудится.

Базары в Средней Азии — это своеобразные клубы. Сюда приходили весело провести время и узнать новости. Особенно многолюдно бывало на базарах Китаба и Шахрисябза — административных центров богатейших бекств Средней Бухары. Разгром в этих районах войск эмира не помешал в пятницу, в базарный день, десяткам тысяч шахрисябзцев и китабцев собраться на базарных площадях этих крупных по тому времени городов.

На базар в Китаб съехалось множество людей. Возле лавок купцов, в мясных и фруктовых рядах толпились дехкане. В толпе мелькали островерхие шапки дервишей. Лавки мгновенно пустели, продавцы и покупатели окружали «провидцев», внимательно прислушиваясь к их иступленным крикам. Люди, плохо знающие Среднюю Азию, склонны сравнивать дервишей с нашими юридивыми. Это глубокое заблуждение. Дервишизм — это хорошо организованное, с железной дисциплиной религиозное течение. Главари дервишских сект—

мюриды — обладали большой политической силой и подчинялись только верховному правителю своей организации, чем-то напоминая ордена иезуитов. Влияние дервишей на темные, неграмотные массы дехкан было огромным. Еще до революции появление в каком-либо районе большого числа дервишей говорило о том, что здесь готовится выступление против русской администрации.

В первые дни революции дервиши выступили против Советской власти, и нетрудно было догадаться, с какой целью они появились на базаре Китаба на следующий же день после вступления в город наших войск.

Но не дремали и наши политорганы. На базар были направлены коммунисты и наиболее развитые политически бойцы, владевшие узбекским языком. Они должны были разъяснить дехканам задачи революции, рассказать о правах, которые дает беднякам Советская власть.

Мой ординарец узбек Усманов оказался неплохим политбойцом.

Вот он подошел к толпе, окружившей дервиша. Глубокий старик с изможденным лицом, одетый в лохмотья, горячо говорит о том, как тяжело жилось узбекам под властью царских чиновников и генералов. Усманов пробрался в первые ряды слушателей и, дождавшись, когда дервиш на секунду замолчал, чтобы перевести дух, громко крикнул:

— Правильно говорит старик!

Красноармейская форма и то, что Усманов говорил по-узбекски, привлекли к нему внимание толпы. Дервиш принялся выкрикивать стихи корана, призывающие к борьбе с кафирами — «неверными». А Усманов в тон ему стал перечислять преступления царской администрации в Средней Азии. А когда Усманов произнес имя царского генерала Абрамова, подавившего восстание в Китабе, дервиш умолк, недоверчиво и враждебно поглядывая на бойца. Усманов же, воспользовавшись наступившей тишиной, сказал:

— Все правильно говорил старик. Поэтому великий пророк Ленин сказал: долой белого царя, пусть сами дехкане управляют своей страной. Но у белого царя есть друг — эмир Бухары. Он не хочет, чтобы дехкане управляли страной, не хочет, чтобы они забрали у баев

землю и воду. Кызыл-аскеры пришли в Китаб помочь бухарцам прогнать эмира, как прогнали русские дехкане своего царя.

Возбужденная толпа застыла в напряженном молчании. Кто-то схватил Усманова за плечо и крикнул:

— Не слушайте его, правоверные, он кафир!

Но никто не обратил на этот выкрик внимания.

Усманов почувствовал, что его прием удался, и, спокойно кинув в рот щепотку наса¹, стал рассказывать о революции в России, о том, что дехканам надо немедленно поделить бекскую землю, создать в кишлаках Советы и начать новую жизнь.

Примерно так же действовали и другие политбойцы. Но утверждать, что в этот день нам удалось привлечь на свою сторону всех, кто был на базаре, — значит говорить неправду. Так или иначе, работа наших политбойцов не прошла бесследно. Дехкане поняли, что ненавистной народу колониальной политике царизма уже нет возврата, что части Красной Армии пришли в Китаб с единственной целью помочь дехканам освободиться от гнета ишанов и беков.

Мы и впредь часто использовали базары для массовой работы среди населения. Все, что дехкане слышали на базаре, становилось известно в кишлаках тысячам людей.

В день вступления наших частей в Китаб мне довелось быть свидетелем того, как разбуженное самознание народа проявлялось в действии.

Китабский и шахрисябзский беки бежали столь поспешно, что не успели захватить с собой свои гаремы. И произошел такой любопытный случай. Проезжая по окраине Китаба, мы увидели у арыка, в тени карагачей, группу женщин. При нашем приближении женщины поспешно закрыли лица чадрой. По парандже, шелковым шальварам и дорогой обуви я понял, что эти женщины принадлежат к богатому сословию. Спрашиваю по-узбекски:

— Кто такие?

Молчат. Повторяю вопрос. Наконец одна из женщин заговорила. Оказалось, что это жены бека. Они решили вернуться к родителям. Красноармейцы оживились,

¹ Нас — разновидность жевательного табака.

стали задавать женщинам вопросы. Я выступал в роли переводчика. Женщина, заговорившая первой, спросила:

— Правда, что русские будут снимать с нас паранджу?

Я сказал, что насильно никто паранджу снимать не будет. Но хорошего мало носить на лице сетку, под которой можно задохнуться.

— Ведь вы не прокаженные, — сказал я. — Зачем же вам прятать лицо?

Женщины засмеялись.

Та, с которой я разговаривал, слегка приподняла край чадры. Один из красноармейцев вслух заметил:

— Красивая, дьявол!

Я перевел его слова, и женщина не осталась равнодушной к комплименту.

Меня стали спрашивать, кто я такой, откуда знаю узбекский и правда ли, что русские женщины сами выбирают мужей.

Эти вопросы заинтересовали всех женщин. Но вдруг заговорила женщина, одетая наряднее других. Она начала стыдить остальных. Я понял, что это старшая жена. Между женами вспыхнула перебранка.

— Если жены беков стали заниматься политикой — эмиру труба, — сказал мой коновод.

Оказалось, что бекских жен просвещал поливальщик бекского сада. Он заинтересовал меня, и я решил разыскать его. У входа в сад мы увидели толпу дехкан, среди которых выделялся молодой красивый узбек.

— Не дам воды, пока сад не полью! — кричал он.

— Бекский пес, открывай воду! — неслось со всех сторон.

— Я не пес, — отвечал парень. — Бека нет — сад остался. Зачем саду пропадать?

Мы приблизились к толпе, и дехкане окружили нас. Размахивая кетменями¹, они стали дружно жаловаться на поливальщика, который не давал им воды. Сквозь толпу ко мне пробился молодой узбек.

— Нехорошо они говорят, — сказал он, глядя на меня снизу вверх и придерживая рукой повод моего коня. — Мой, твой... Все сейчас мой, твой. Такого сада в Китабе больше нет. Зачем же ему пропадать?

¹ Кетмень — разновидность мотыги.

— Правильно, — сказал я. — Пропадать саду нельзя. Но надо дать сначала воду беднякам, а потом поливать сад.

Дехкане тут же стали разбирать запруды, и поливальщик с огорчением махнул рукой. Я разговорился с ним. В голове у него царила страшная путаница. Наряду со здоровыми мыслями в ней уживались самые нелепые предрассудки.

— Зачем ты сказал бекским женам, что с них будут срывать чадру? — спросил я его.

Он засмеялся и сказал:

— Мало-мало пугал их... Они не хотели уходить из гарема.

Умаров (так звали поливальщика) сообщил нам, что главари эмирского ополчения бежали в Лянгар, Кошуль и Ташкурган, откуда легко было уйти в Восточную Бухару через Сангардакский перевал.

Поливальщик очень сочувственно относился к Красной Армии и охотно согласился остаться при штабе бригады проводником.

Конфликт из-за воды, который произошел на наших глазах, был очень характерен для Бухары того времени. Поливальщик слышал, что Советская власть объявила все богатства общим достоянием, но не учитывал психологии дехкан, которые прежде всего беспокоились о собственном хозяйстве и стремились использовать свои новые права в личных интересах.

Али Умаров стал одним из активнейших организаторов Советской власти в Китабе. Неграмотный, но наделенный ясным умом, он сумел возглавить борьбу дехкан с эмирскими чиновниками, ишанами и муллами. Вокруг Умарова образовался крепкий актив бедняков. После гибели Умарова, убитого басмачами во время антинародного восстания в Восточной Бухаре, созданная им коммунистическая ячейка продолжала успешно бороться с врагами Советской власти, с врагами узбекского народа.

* * *

30 августа 1920 года части 1-й Туркестанской кавалерийской дивизии пошли на Гузар — один из самых крупных городов Бухары. Тому, кто первый раз приехал в Гузар, казалось, что он попал не в город, а на огром-

ный базар, раскинувшийся на несколько верст. Сотни лавок под общей крышей, десятки караван-сараяв, заваленных всевозможными товарами, оживление на дорогах и в узких городских улицах, крики зазывал поражали путника уже у городских ворот.

Река Гузар-Дарья делит город на две части. На заречной стороне находилась крепость — резиденция гузарского бека. Стены крепости, являясь как бы продолжением отвесного берега, возвышались на тридцать метров. Крепость была взята нами штурмом после нескольких артиллерийских залпов, разрушивших ворота и часть стены.

Из Карши на помощь Гузару шла конница каршинского бека с приказом отбросить «неверных» за перевал Тахта-Карача.

Город Карши занимал в Бухаре особое положение. Это была родина эмиров из династии мангитов. С тех пор как первый эмир этой династии Музафер-хан вступил на бухарский престол, беком Карши назначался наследник эмира. В ожидании царского престола наследники (ката-тюря) учились на каршинском бекстве искусству управлять государством. Большинство населения Карши принадлежало к роду мангитов и поэтому считало себя в родстве с царствующей династией. Этим объяснялась преданность населения эмиру.

Конница каршинского бека была разгромлена во встречном бою частями 1-й Туркестанской кавалерийской дивизии, а сам бек 31 августа бежал из Карши. В тот же день Карши был занят нашими войсками.

Половину задания дивизия выполнила. Осталось не допустить отхода противника из Старой Бухары на юг и восток. Но сделать это оказалось не так-то просто. Связь с остальными группировками наших частей мы поддерживали кружным путем, через Самарканд, и к 31 августа не знали, как развиваются операции под Старой Бухарой. Это и заставило нас беспокоиться, так как по приказу командующего фронтом М. В. Фрунзе Старая Бухара уже должна была быть в наших руках.

На совещании у начальника дивизии я предложил выслать в направлении Старой Бухары усиленный эскадрон. Но Швецов не согласился, так как это ослабило бы дивизию, и без того растянувшуюся тонкой цепочкой. Начались томительные дни ожидания. Личного

состава едва хватало для несения караульной службы и ухода за лошадьми. Красноармейцам, утомленным переходом по страшной жаре, удавалось спать не больше трех — четырех часов в сутки. Крайнее переутомление людей и лошадей позволяло вести разведку только в близлежащих кишлаках. О глубокой разведке нечего было и думать.

Без связи, не зная, что делается вокруг в радиусе десяти — пятнадцати километров, дивизия 1 и 2 сентября ожидала сведений о том, что происходит под Старой Бухарой.

А события там развивались не так быстро, как это планировало командование. Эмиру Сеид-Алим-хану удалось стянуть к городу войска, которые по численности во много раз превосходили наступавшие на Старую Бухару красноармейские части. Войска эмира укрепились на заранее подготовленных рубежах. Глинобитные стены Старой Бухары достигали толщины пяти метров и высоты десяти метров, имели около 130 крепостных башен и 11 ворот, восемь из которых были весьма прочными. Войска Сеид-Алим-хана, поддерживаемые артиллерией, сохраняли возможность широкого и скрытного маневра. Снаряды нашей артиллерии увязали в толще стен не разрываясь, поэтому артиллерийский огонь мы направляли главным образом на ворота.

Каганская группировка наших войск рассчитывала отбросить противника фронтальным наступлением и, разбив его в уличных боях, занять Старую Бухару. Главным недостатком этого плана было то, что противник сохранял возможность отхода на север. Однако из-за крайней малочисленности наших войск командующий группой не мог применять обходы и охваты. Главные силы группировки должны были ворваться в город с запада через разрушенные артиллерийским огнем Каракульские ворота. Вспомогательные удары наносились через Каршинские и Самаркандские ворота.

Части каганской группировки начали наступление на рассвете 29 августа от станции Каган. Атака была проведена быстро и решительно.

Сарбазы эмира, снабженные английским оружием, дрались с редким упорством. Пушки Гочкиса и афганская скорострельная батарея задерживали наши броневики. Артиллерии у нас было мало, и к тому же она

имела другие задачи. Одна из них сводилась к тому, чтобы рассеять кавалерию эмира, готовившуюся нанести фланговый удар по нашим атакующим войскам. С этим наша артиллерия справилась успешно. И лишь бронепоезд со станции Каган поддерживал огнем наши броневики и пехоту. Значительную помощь наступающим частям оказала авиация. Несколько аэропланов, взлетая с площадок, расположенных в непосредственной близости от поля боя, на бреющем полете расстреливали противника из пулеметов. Правда, потери противника от их огня были незначительны, но частое появление аэропланов над полем боя оказывало на сарбазов огромное моральное воздействие.

К вечеру 29 августа атакующие части находились в четырех — пяти километрах от городских стен и овладели полосой арыков. Противник отошел в район кладбищ и пригородных кишлаков. 1-й Восточный мусульманский стрелковый полк ворвался в пригородные сады, но контратакой противника был оттуда выбит.

30 августа наступление возобновилось. В бой были введены резервы.

М. В. Фрунзе, лично следивший за ходом операций, заблаговременно направил под Бухару части 1-й армии. Но еще до подхода этих частей он приказал Чарджуйской группе начать 30 августа наступление на Бухару с запада, чтобы заставить противника выделить заслон и этим ослабить свою оборону на направлении главного удара.

31 августа бой начался под стенами Бухары. К вечеру сюда подошли части 1-й армии. Артиллерия заняла позиции, чтобы прямой наводкой бить по Самаркандским и Каршинским воротам.

Все части, принимавшие участие в атаке города, М. В. Фрунзе подчинил командующему 1-й армией Г. В. Зиновьеву. В приказе, продиктованном по прямому проводу, говорилось:

«Товарищи красноармейцы! Ваши геройские усилия уже дали свои результаты: почти вся Северная Бухара занята нами и красными бухарскими отрядами. Только в стенах Бухары держится эмир с самыми яростными врагами трудового народа.

Выражая именем республики признательность за вашу героическую борьбу под стенами Бухары, я

уверен, что не сегодня-завтра этот последний оплот бухарского черносотенства будет разрушен».

В ночь на 1 сентября была произведена перегруппировка войск. По новому плану главный удар наносился не с запада, а с востока через Каршинские и Самаркандские ворота силами трех пехотных и трех кавалерийских полков, а также трех легких и двух тяжелых батарей и 53-го бронепоезда при поддержке 28-го бронепоезда. Вспомогательный удар наносила колонна в составе стрелкового и кавалерийского полков, сводной роты курсантов и двух орудий через Кара-Кульские ворота.

Утром 1 сентября войска начали решительный штурм и ворвались в город через разрушенный взрывом участок стены и разбитые артиллерией Каршинские и Самаркандские ворота. В узких кривых улицах города закипел упорный бой. Противник использовал для обороны мечети и медресе¹ и поджег склады хлопка. Едкий дым застилал улицы города. Бороться с огнем было крайне трудно, так как эмирские мирабы² отвели из городских арыков воду. На помощь нашим частям пришли жители Бухары. Они проникли в район распределительных каналов, и арыки города снова наполнились водой.

2 сентября пала внутренняя крепость Старой Бухары — Арка, а вместе с ней и столица эмирата, оплот феодально-монархической деспотии, — город Старая Бухара. Захваченные в крепости пленные сообщили, что эмир Сеид-Алим-хан еще 31 августа бежал из осажденного города через Северные ворота.

Эти известия дошли до штаба дивизии к вечеру 2 сентября через Самарканд. А еще на рассвете один из жителей соседнего кишлака сообщил мне, что ночью южнее Карши на восток проследовала большая конная группа бухарцев и с ними караваны верблюдов.

Сведения эти передавались от кишлака к кишлаку по цепочке, и мы получили их уже через два часа, хотя находились от того места, где проследовал караван, на расстоянии более чем семьдесят километров. Вот насколько близко принимало к сердцу местное население происходившие события.

¹ Медресе — религиозная мусульманская школа.

² Мираб — смотритель оросительной сети.

Сразу мы не догадались, что замеченная южнее Карши группа всадников и караваны верблюдов и есть конвой и обоз эмира. Нас ввело в заблуждение то, что эмир ушел из Бухары на север. Оказывается, дойдя до Гиждувана, эмир повернул на юго-восток, обошел стороной наши части, действовавшие под Бухарой, пересек дорогу между Карши и Каганом и направился на восток. Но все это стало нам известно значительно позже. А в ту ночь мы решили, что на восток уходили остатки какой-то воинской части эмира.

В погоню был выслан сводный эскадрон. Южнее Карши разъезд этого эскадрона встретил кавалеристов, которые преследовали эмира от Старой Бухары. Опередив на два дня погоню, эмир шел, сжигая за собой мосты и разрушая дороги. 3-й отдельный кавалерийский полк, выделенный для преследования из фронтового резерва, эмира не догнал. 3 августа эмир скрылся в направлении Гиссара, и это удалось ему только потому, что у нас было слишком мало сил, чтобы контролировать огромные пространства, к тому же участвовавшие в операции войска не имели между собой ни радио-, ни телефонной связи.

Взятие Старой Бухары и разгром войск эмира на китаб-шахрисабзском направлении решающим образом изменили положение во всей Западной Бухаре. Точно определив направление для нанесения ударов и искусно маневрируя в ходе операции ограниченным количеством войск, М. В. Фрунзе сумел оказать неоценимую помощь восстанию бухарских трудящихся. Разгром армии эмира и победа бухарской революции ликвидировали опасность нападения на Советский Туркестан.

14 сентября 1920 года 1-й Всебухарский курултай¹ провозгласил образование независимой Бухарской Народной Советской Республики. Съезд избрал руководящие органы республики — Центральный Исполнительный Комитет и Совет народных назиров². Эта, тогда еще новая, переходная форма государственной власти отражала особенности бухарской революции, в которой наряду с трудовым дехканством принимала участие и национальная буржуазия. В состав первого бухарского

¹ Курултай — съезд.

² Назир — комиссар.

правительства вместе с коммунистами вошли и представители партии младобухарцев.

Правительство Бухарской Народной Советской Республики обратилось к правительству РСФСР с предложением заключить договор, по которому советские войска должны были оставаться на территории Бухары в течение года и помочь молодой национальной армии БНСР очистить пределы республики от войск эмира.

БОИ С КУРШИРМАТОМ В ФЕРГАНЕ

Взятие Старой Бухары и установление в ней Советской власти позволило усилить борьбу с басмачеством в Фергане.

Командование Туркестанского фронта по-прежнему имело в своем распоряжении ограниченное количество войск. Приходилось все время маневрировать резервами. Чтобы предельно сократить воинские перевозки, к местам нового сосредоточения перебрасывались обычно только штабы, которым придавали войска, расположенные в этих районах. Таким образом, состав соединений часто менялся, менялась и нумерация полков, но зато достигалась оперативность и большая экономия в средствах. Кроме того, изменение нумерации частей вводило в заблуждение разведку противника.

В сентябре я получил приказ Реввоенсовета фронта следовать со штабом бригады в Андижан в распоряжение командира 3-й Туркестанской кавалерийской дивизии Тимофеева. Прежние полки бригады остались гарнизонами в Китаб-Шахрисябзском районе.

Штаб бригады погрузился в эшелон на станции Карши. Ехали быстро, останавливаясь только для того, чтобы взять для паровоза воду и саксаул. На станции Горчаково в штабной вагон зашел военный комендант и сообщил, что получено распоряжение задержать эшелон. О причине задержки он не знал, а может быть, не хотел говорить.

В полдень на станцию прибыл поезд, состоявший из трех вагонов, и вскоре ко мне зашел адъютант Фрунзе.

— Вас ждет командующий, — сказал он.

Проводив меня в салон-вагон, адъютант попросил подождать в салоне и пошел доложить о моем прибы-

тии. Этот салон-вагон раньше принадлежал эмиру. В нем правитель Бухары ездил в Петербург и в Крым, где у него в Ливадии был дворец — подарок Николая II. Я смотрел в окно на перрон, когда за спиной у меня раздалось приветливое:

— Селям алейкум¹, товарищ Мелькумов.

Я не слышал, как вошел Фрунзе.

— Товарищ командующий, прибыл по вашему приказанию, — доложил я.

Адъютант принес и поставил на стол поднос с чайником, лепешками и изюмом. М. В. Фрунзе предложил сесть и, разливая чай в пиалы, сказал:

— Привык я к кок-чаю². Не знаю, как буду обходиться без него.

Тогда я не понял значения этих слов, так как не знал, что Фрунзе получил новое назначение.

Фрунзе сообщил мне, что в Андижане в бригаду войдут 15-й и 16-й кавалерийские полки. Оба полка имеют славное революционное прошлое. Возникли они в первые дни гражданской войны. Костяком для их формирования послужили партизанские отряды, состоявшие из уральских рабочих и казаков, которыми командовали Василий Константинович Блюхер, братья Николай Дмитриевич и Иван Дмитриевич Каширины и Николай Дмитриевич Томин. Партизанские отряды были развернуты в 4-й и 1-й полки оренбургского трудового казачества. К моменту создания Туркестанской армии оба полка, получившие номера пятнадцатый и шестнадцатый, вошли во 2-ю бригаду 3-й Туркестанской кавалерийской дивизии. Бригада эта под командованием И. Д. Каширина принимала участие в организованном М. В. Фрунзе контрударе против левого фланга наступавших к Волге корпусов адмирала Колчака. Во время ликвидации оренбургской пробки конники первыми прорвались в Туркестан, а затем успешно действовали на ферганском и красноводском направлениях.

— Эти полки — лучшие среди частей фронта, — сказал М. В. Фрунзе. — Вы понимаете, почему я даю их именно вам? В Фергане на стороне басмачей огромный численный перевес. Крупнейшие курбаши — Курширмат,

¹ Здравствуйте.

² Зеленый чай.

Туйчи, Хал-Ходжи, Парпи — имеют в своем распоряжении до 30 тысяч джигитов. Ликвидировать басмачество необходимо в кратчайший срок, пока эмир не укрепился в Восточной Бухаре и не начал оказывать басмачам помощь. Сделать это можно. Нужно только изолировать басмачей от мирного населения, которое истощено поборами курбашей. Однако сделать это, разумеется, нелегко. Авантюристы и проходимцы, используя ошибки таких людей, как Колесов, подбирались к власти, рассчитывая половить рыбку в мутной воде. Вместо того чтобы защищать мусульманское население от баев, над ним чинили неслыханные надругательства. К сожалению, силу басмачества составляют сотни и тысячи тех, которых так или иначе задела или обидела прежняя царская власть. Они ушли к басмачам и тем придали движению массовый политический характер. Как видите, операция предстоит сложная. И вы — самая подходящая кандидатура для ее осуществления. Поэтому вам и выделены лучшие полки.

Далее Фрунзе сказал, что мне предоставляются большие полномочия и самостоятельность действий, что командование дивизии не будет стеснять меня мелочной опекой.

— Но и ответственность на вас возлагается большая, — добавил Фрунзе.

Я сказал, что постараюсь оправдать доверие.

— Всегда помните, в какое бы положение вы ни попали, ваша задача — привлечь на нашу сторону дехкана, доказать ему, что между колониальной политикой царизма и задачами Советской власти нет ничего общего, что Красная Армия — друг трудящихся и преследует единственную цель: обеспечить дехканам свободу и независимость, помочь вырваться из-под гнета беков, ишанов и мулл, — сказал Фрунзе в заключение.

В вагон вошел комендант станции и спросил, можно ли отправить поезд. Фрунзе разрешил. Это была моя последняя встреча с Михаилом Васильевичем в Туркестане: он был назначен командующим Южным фронтом и совершал свою последнюю инспекторскую поездку.

10 сентября 1920 года М. В. Фрунзе подписал прощальный приказ войскам Туркестанского фронта. Желая своим боевым товарищам успешно завершить борьбу, Фрунзе писал:

«До сих пор попытки удушения нашей Революции кончались крахом. Иначе и быть не могло, ибо безмерны запасы энергии, таящиеся в недрах народа, борющегося за свою свободу и лучшую жизнь».

* * *

Я приехал в Фергану, твердо помня напутственные слова М. В. Фрунзе. Мне, как жителю Туркестана, хорошо было известно, что такое басмачество.

Слово «басмач» (басмачество) получило широкое распространение и известность со времени завоевания царизмом Средней Азии. Это слово происходит от глагола «басмак», что значит насиловать, убивать, грабить.

До революции гнездами басмачества являлись Китабское и Шахрисябзское бекства. Беки Шахрисябза и Китаба, не желая признавать эмира бухарского, претендовали на полную независимость от остальной части Бухары. Во второй половине XIX века правители Китаба и Шахрисябза не раз восставали против владычества Бухары, но каждый раз эти восстания подавлялись эмиром с помощью царских войск.

На первый взгляд может показаться, что многочисленные восстания против эмира и его сильного союзника — царизма — имели характер национально-освободительной борьбы. Но это далеко не так. Главной целью всех подобных восстаний была присущая феодальным государствам борьба за власть между феодалами. И эту борьбу всячески разжигала и поддерживала Англия, боявшаяся проникновения России на Восток. О том, что эти восстания не были национально-освободительными, говорит и название, данное им народом, — басмачество.

В предреволюционные годы басмаческие выступления прекратились. Ишаны и беки отлично поладили с царской администрацией. Но как только в Бухаре началось революционное брожение, клерикальная верхушка Бухары, опасаясь за свою власть, вновь стала разжигать басмаческое движение.

В основе тактики басмачей лежали внезапные налеты на слабо защищенные пункты и уклонение от боя с регулярными частями. Обычно конная банда врыва-

лась в кишлак, убивала представителей Советской власти и активистов, после чего рассеивалась, чтобы вновь собраться уже в другом месте. Такая тактика требовала тесной связи с населением, поддержки и сочувствия с его стороны. К концу 1920 года благодаря правильной национальной политике Советской власти не только трудовое дехканство, но и средние слои стали отходить от басмачества.

Тактике басмачей мы противопоставили свою тактику. Она заключалась в привлечении на сторону Советской власти большинства населения. Политотделы частей распространяли в кишлаках и на базарах листовки, в которых разъяснялись задачи бухарской революции. Листовки призывали бедняков отнимать у баев землю и воду, создавать в кишлаках Советы. Вокруг наших частей создавался преданный Советской власти актив. У нас всюду были друзья, которые извещали штабы о всех передвижениях басмачей. В тактически важных пунктах мы разместили гарнизоны, в кишлаках создали отряды самообороны. Басмачи уже не могли свободно и безнаказанно останавливаться в любом населенном пункте, каждый кишлак мог оказаться для них ловушкой. Чтобы занять кишлак, басмачам теперь приходилось вступать в бой с его защитниками, а тем временем подходил маневренный отряд и окружал шайку.

В течение октября — ноября бригада разгромила банды курбашей Туйчи, Хал-Ходжи, Парпи и стала готовить операцию против руководителя ферганского басмачества — Курширмата.

Нам стало известно, что Курширмат избрал своей базой кишлак Язаван. К этому кишлаку мы начали стягивать небольшие отряды с тем, чтобы они перехватили пути отхода. Когда эта часть операции была завершена, к Язавану пошел 15-й полк бригады под командованием Красильникова. Полк должен был нанести главный удар, и Красильников, чтобы не раскрыть преждевременно наши планы, вел полк в обход кишлаков. Но это затрудняло снабжение полка продовольствием и фуражом. Необходим был небольшой подвижный обоз, которого бригада не имела. А прибегнуть к обычной мобилизации обывательского транспорта не хотелось, так как об этом через лазутчиков мог узнать Курширмат.

И пока мы думали, как же быть, помощь пришла совершенно неожиданно.

У штаба бригады остановилась арба. Молодой арбакеш¹ в рваном халате потребовал у часового, чтобы его пропустили к Якуб-тюря (так прозвали меня в Фергане: Якуб — Яков, тюря — начальник).

Арбакеша привели ко мне. Был он высокого роста, с открытым лицом и смелым взглядом умных глаз. Он сообщил важные сведения: Курширмат стягивает в Язаван всю свою банду. Трудно было выбрать более подходящий момент, чтобы покончить со всей шайкой.

Я не решился сразу довериться незнакомому арбакешу и спросил, не может ли он раздобыть десяток арб с надежными людьми, чтобы отправить в Коканд некоторые грузы (Коканд был в противоположной от Язавана стороне). Арбакеш с готовностью согласился.

Арбакеша звали Юлдаш Ахунбабаев...

В 1930 году я отдыхал в Кисловодске. В это время здесь отдыхал и председатель ЦИК Узбекистана Ахунбабаев. Как он узнал, что я в Кисловодске, не помню. Помню только, что я был приглашен на плов. Когда все уже сидели за столом, Ахунбабаев улыбаясь обратился ко мне:

— Скажи, Якуб-тюря, Курширмата помнишь?

И рассказал своим гостям о нашей первой встрече. О своей роли в борьбе с Курширматом он умолчал.

* * *

Операция против Курширмата прошла успешно, и этому во многом способствовали Ахунбабаев и его товарищи. К вечеру груженные продовольствием и боеприпасами арбы подкатили к штабу бригады, откуда под охраной взвода кавалеристов направились к Коканду, а в это время полк поэскадронно выступил на юг. Этим маневром нам удалось обмануть лазутчиков Курширмата. И до тех пор, пока обоз, отъехав километров двадцать, не свернул на другую дорогу, никто, в том числе и Ахунбабаев, не догадывался о наших истинных намерениях.

¹ Арбакеш — возчик.

За два ночных перехода полк подошел к Язавану. На арбы навалили клевер, и Ахунбабаев поехал в кишлак. Заставе басмачей он сказал, что привез курбашам селяу¹. Его беспрепятственно пропустили: с фуражом у басмачей было плохо.

В кишлаке Ахунбабаев пробыл часа три, и я уже начал было волноваться. Но вскоре он вернулся и сообщил важные сведения о расположении банды.

Решено было атаковать кишлак с двух сторон. Пока эскадроны занимали исходное положение, Ахунбабаев приказал арбакешам, которые слушались его беспрекословно, распрягать лошадей. Мне он заявил, что пойдет в атаку вместе с полком. И действительно, во время боя его рваный халат то и дело мелькал среди гимнастеров атакующих красноармейцев. Банда Курширмата была разбита. Полк захватил до 500 лошадей. Однако самому Курширмату с большой группой басмачей удалось уйти, и 15-й кавалерийский полк Красильникова начал преследование.

14 ноября ко мне пришли несколько дехкан узбеков и сообщили, что в кишлаке Горбуа идет сильный бой. По рассказам дехкан, шайка Курширмата численностью 2000 всадников окружила какую-то нашу часть, которой командовал «хромой командир».

Я сразу догадался, что речь шла о командире 1-й бригады 3-й Туркестанской кавалерийской дивизии Константине Петровиче Ушакове, который хромал после ранения, полученного 2 сентября 1919 года во время боя за Актюбинск. В том бою Ушаков, командуя бригадой, с головным эскадром 13-го кавалерийского полка атаковал тюрьму, которая находилась в руках у белых егерей. Егеря встретили атакующих сильным огнем, и атака захлебнулась. Ушаков был ранен и упал с коня. Он отстреливался из нагана, пока на помощь головному эскадрону не подоспели главные силы полка. Батальон егерей был разгромлен, мы заняли тюрьму. За этот бой Ушаков был награжден орденом Красного Знамени.

Дехкане показали нам кратчайшую дорогу к кишлаку Горбуа. Шли мы переменным аллюром. Проводники рассказывали подробности боя.

¹ Подарок.

Дело обстояло так: к кишлаку Горбуа шло около трехсот кавалеристов во главе с Ушаковым (это был 13-й кавалерийский полк 1-й бригады). Кругом лежали убранные поля хлопка и джугары. Видимость была хорошая, и разведку полк не выслал. Вдоль дороги тянулись дувалы¹, которыми в Средней Азии обычно огораживают поля и сады. На окраине кишлака из-за дувалов неожиданно открыли по красноармейцам сильный огонь. Однако Ушакову удалось прорваться в центр кишлака и занять там круговую оборону.

«Только бы не опоздать», — думал я и торопил Красильникова.

Вскоре мы услышали ружейно-пулеметную перестрелку. Находившиеся впереди разъезды встретили два эскадрона 14-го кавалерийского полка. Командиры эскадронов Зорников и Андерсон также спешили на помощь своему комбригу. Я принял общее командование.

Эскадроны Зорникова и Андерсона галопом по полям пошли в обход кишлака. 15-й кавалерийский полк развернулся и с пулеметным эскадроном в центре устремился в конную атаку, полукольцом охватывая кишлак.

Как только басмачи услышали красноармейское «ура», они в панике побежали из кишлака. Перед самым кишлаком эскадроны Плотникова и Тартышева налетели на большую группу басмачей, пытавшихся прорваться на запад. На головы басмачей обрушились клинки. Потерявшие всадников лошади металась по дороге. В это время из кишлака на басмачей бросилась группа конников: это был эскадрон Шарабурки, впереди я увидел Ушакова. Он, как всегда, шел в атаку во главе своих бойцов.

Я подскакал к Ушакову, и мы, не слезая с коней, расцеловались.

— Ну, спасибо, Яша, — сказал Ушаков, — выручил...

Эскадроны преследовали басмачей до тех пор, пока кони не начали спотыкаться от усталости. Курширмат, потеряв много всадников, ушел в горы.

В декабре 1920 года штаб 1-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригады вместе с 15-й кавалерийским полком прибыл на станцию Андижан, погрузился в эшелон и направился в Самарканд. Эта переброска

¹ Дува л — глинобитный забор.

вызывалась тем, что штаб Туркестанского фронта готовил операцию по освобождению Восточной Бухары и приводил в порядок предназначенные для этой цели войска.

В Фергане для окончательной ликвидации банд Курширмата были оставлены 3-я кавалерийская и 2-я стрелковая Туркестанские дивизии.

ГИССАРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Восточная Бухара — огромная область, которую от Бухарского эмирата отделяла высокая цепь гор. Население Восточной Бухары составляли главным образом таджики, но в XIV веке она была завоевана Тамерланом, и с тех пор здесь установилось узбекское господство.

Бездорожье, множество горных рек и перевалов затрудняли доступ в Восточную Бухару. Царские войска во время Туркестанского похода не заходили в Восточную Бухару, и здесь в неприкосновенности сохранялся феодальный уклад жизни.

Бежав в Восточную Бухару, эмир избрал своей резиденцией Дюшамбе (нынешнюю столицу Таджикистана — Сталинабад). Сюда стекались нукеры, которым эмир начал щедро раздавать должности. К эмиру потянулись беки, напуганные размахом бухарской революции. Гиссарский бек Овлия-Кули привез в жены эмиру свою двенадцатилетнюю дочь, которая должна была стать звездой гарема. Эмир милостиво принял этот дар своего вассала, изъявлявшего этим свою покорность и преданность побитому владыке.

К эмиру в Дюшамбе явился и бежавший из Ферганы с остатками своей банды Курширмат. Привели свои шайки также курбаши Восточной Бухары Ходжа-Алимбаи и Ибрагим-бек. Последний стал вскоре одной из главных фигур басмачества в Восточной Бухаре, и рассказать о нем следует подробнее.

Существует много версий о происхождении Ибрагима и дальнейшем его возвышении. Приведу одну из них, на мой взгляд наиболее достоверную.

Отец Ибрагима, эмирский чиновник из кишлака Кок-Таш, был прозван «галмо», что значит вор. Это прозвище он получил за конокрадство, которым безнака-

занно занимался, пользуясь неприкосновенностью как представитель власти. За крупную взятку Ибрагим был произведен в сотники эмирской армии. Честолюбивый и смелый, он сумел войти в доверие к эмиру и был назначен начальником дворцовой стражи. Одна из жен эмира приглянулась Ибрагиму, и он, нарушив обычай Востока, проник в гарем своего повелителя. По доносу евнуха Ибрагим был схвачен и приговорен к смерти, но ему удалось бежать.

Ибрагим скрылся в Локае — труднодоступном горном районе Восточной Бухары. Узбекское племя локай, давшее имя всему району, занимало господствующее положение в Восточной Бухаре. Локайцы, считая себя прямыми потомками Чингис-хана, долгое время не признавали власти эмиров бухарских. Позднее, подчинившись формально Бухаре, локайцы по-прежнему сохраняли независимое положение: вначале правитель Локая (бий¹) избирался из числа старейшин племени, а в дальнейшем эта должность стала наследственной. Все другие беки Бухары назначались эмиром. Эмир не мог не считаться с локайцами, так как они оказывали ему огромную услугу, держа в повиновении многочисленные племена таджиков. Подробнее о Локае будет рассказано в третьей части моих воспоминаний.

Бежав в Локай, в свой родной кишлак Кок-Таш, Ибрагим собрал шайку головорезов, с которой совершал налеты на купцов и таджикские кишлаки. Шайка Ибрагима совершала также грабительские набеги и в приграничные районы Афганистана.

Дерзость Ибрагима, посягнувшего на честь самого эмира, создала молодому курбаши славу удальца. Но безнаказанность, с которой Ибрагим совершал грабежи, объяснялась также тем, что правитель Локая Абду-Рашид-бий получал от него половину добычи.

Когда Ибрагиму стало известно, что эмир объявил «газо» — священную войну — и собирает под зеленое знамя ислама всех правоверных, он явился к эмиру с повинной. Эмир простил Ибрагиму грехи молодости и присвоил ему почетное звание бека, поставив во главе армии ислама. Так сын локайского конокрада, курбаши бандитской шайки стал крупной политической фигурой.

¹ Бий соответствует узбекскому бек.

Одновременно с формированием армии ислама эмир совершил кабальную сделку с англичанами и реакционными правителями Персии: за оружие и боеприпасы, получаемые от англичан, эмир отдавал Англии нефтеносные районы Туркестана.

* * *

В конце 1920 года в Восточной Бухаре были сосредоточены значительные силы контрреволюции. Главным опорным пунктом армии ислама стала крепость Гиссар. Здесь формировались и направлялись на территорию Советского Туркестана с диверсионными заданиями шайки басмачей. Через Сангардакский перевал басмачи врывались в мирные районы Шахрисябза, проникали до Гузара, грабя население и сжигая все на своем пути. Жители Тенги-Харама и Акробата — кишлаков, расположенных по Термезскому тракту, — вынуждены были бежать в глубь республики.

Чтобы защитить Бухарскую республику от контрреволюционных шаек и создать условия для социалистических преобразований в республике, бухарское правительство обратилось к командованию Туркестанского фронта с просьбой принять участие в подавлении контрреволюционного очага в Восточной Бухаре.

Однако проникнуть в Восточную Бухару было не так-то просто. Крупные отряды эмира защищали Сангардакский перевал на самаркандском направлении и Железные ворота, прикрывающие подступы к Дербенту.

В начале декабря 1920 года по Термезскому тракту выступила из Китаба 3-я бригада 1-й Туркестанской кавалерийской дивизии. Бригада должна была пройти Железные ворота и овладеть Дербентом. Вслед за 3-й бригадой шел 2-й кавалерийский полк (бывший 16-й полк) 1-й бригады. Полку была поставлена задача овладеть Байсуном. Конечной целью экспедиции был Гиссар.

Термезский тракт — старая военная дорога. По этой дороге через Восточную Бухару вторгся в Среднюю Азию Александр Македонский. Этой же дорогой проходил Чингис-хан. Воспользовался этой дорогой и Тамерлан. Улучшенная и расширенная русскими войсками, эта

дорога соединила Самарканд с русской пограничной крепостью Термез. По имени крепости дорога и получила название Термезского тракта.

Широким действиям наших частей в Восточной Бухаре предшествовала подготовительная операция по овладению Дербентом и Байсуном — кишлаками, расположенными на границе Восточной Бухары, за высоким горным перевалом Кара-Биткак. Дорога с перевала входила в узкое ущелье Бузгана — Железные ворота. В том месте, где протекающий по ущелью Бузгана ручей Хана-Булак впадает в Ширабад-Дарью, когда-то Тамерланом действительно были сооружены огромные ворота, помогавшие отражать попытки неприятеля проникнуть в шахрисябзскую долину. Ворота эти в наше время были разрушены, однако проникнуть в Восточную Бухару представляло большую трудность, так как ущелье Бузгана защищали около трех тысяч эмирских нукеров.

Наша батарея в течение десяти минут вела огонь по ущелью, после чего головной полк 3-й бригады в конном строю пошел в атаку и выбил противника из ущелья. В этой короткой, но кровопролитной атаке был убит командир бригады Марсов.

Пройдя ущелье, конники устремились на Дербент и овладели им.

Когда-то Дербент был богатым городом, которым управлял наследственный эмир (правитель). Но после смерти последнего правителя, Сафир-бека, Дербент был присоединен к владениям Бухары. Грозную дербентскую крепость по приказу эмира разрушили, а город включили в состав Байсунского бекства.

2-й кавалерийский полк 1-й Туркестанской кавалерийской бригады, пройдя ущелье, повернул на Байсун и после короткого боя овладел им. Таким образом, подступы к Восточной Бухаре оказались в наших руках.

В Байсуне сосредоточивался экспедиционный корпус в составе 8-го Туркестанского стрелкового полка под командованием Мартыновского и 1-й Туркестанской кавалерийской дивизии, командир которой Владимир Михайлович Ионов был назначен командиром экспедиционного корпуса.

До первой мировой войны Ионов служил в Туркестане, где он командовал отдельной конно-горной

батареей. Когда началась война, батарея Ионова была направлена на Карпаты, где Ионов прославился как хороший артиллерист. За храбрость, честность и справедливость Ионова любили и уважали солдаты.

После революции Ионов привел свою батарею в Туркестан и был назначен начальником артиллерии Закаспийского фронта. Ионова знал и высоко ценил Михаил Васильевич Фрунзе.

Выполняя приказ командования фронта, штаб 1-й бригады с 1-м кавалерийским полком Дмитрия Евстигнеевича Красильникова выступил из Самарканда. Шли походным порядком через Шахрисябзс, Китаб и далее по Термезскому тракту на Байсун. У Железных ворот увидели свежую могилу командира бригады Марсова. У могилы провели короткий митинг. Обнажив головы, бойцы слушали речь комиссара полка Ивана Ивановича Жукова.

— Товарищи бойцы, — говорил он, — перед нами Восточная Бухара — последний оплот эмира. Лучшие сыны нашего народа отдали свою жизнь за освобождение трудящихся Бухарской республики. Поклянемся же, что не дрогнем в бою, что будем достойны славной памяти погибших товарищей...

— Клянемся! — дружно подхватили бойцы.

Еще не замерло эхо в горах, как командир полка скомандовал:

— Рысью, ма-а-а-рш!

И по каменистой дороге зацокали сотни кованых копыт.

Пока бригада шла из Самарканда в Байсун, который удерживал 2-й полк, там произошло событие, чуть было не погубившее всю экспедицию.

В конце декабря 1920 года в Байсун прибыла Диктаторская комиссия Бухарской республики¹. Председателем комиссии был Усман Ходжаев — матерый националист и предатель. Вместе с комиссией в Байсун пришел хорошо вооруженный бухарский отряд численностью в 700 сабель. Командовал отрядом лезгин Данияр. До революции он занимался в Старой Бухаре мел-

¹ Известная под таким названием комиссия была назначена правительством БСНР в Восточную Бухару в качестве исполнительного органа власти.

кой торговлей и, плохо разбираясь в политике, попал под влияние Усмана Ходжаева. Диктаторская комиссия должна была заняться созданием в городах и кишлаках Восточной Бухары органов Советской власти.

Сразу же по прибытии в Байсун Усман Ходжаев вызвал к себе командира 2-го кавалерийского полка Михаила Ефимовича Роганова и комиссара полка Леонида Львовича Раппопорта и приказал в случае столкновения с войсками ислама первыми оружия не применять. Усман Ходжаев мотивировал свой приказ тем, что большинство солдат эмира — люди темные и идут против Советской власти не по своей воле.

Роганов и Раппопорт не увидели в этом приказе ничего подозрительного. А тем временем байсунский бек уже подходил к кишлаку во главе пятнадцатитысячного отборного отряда.

Выйдя от Ходжаева на улицу, Роганов услышал на окраине Байсуна перестрелку и в сопровождении конновода поскакал на выстрелы. В узких и кривых улицах он встретил отходивших бойцов охранения. Положение создавалось серьезное. Противник плотным кольцом окружил Байсун и уже ворвался на его северо-восточную окраину. Потеря Байсуна была бы равносильна провалу всего дела, так как противник снова оказывался хозяином Железных ворот и отрезал 3-ю кавалерийскую бригаду, занявшую Дербент.

Положение осложнялось тем, что приказ Усмана Ходжаева «Противника не рубить и не стрелять, а брать в плен» сковывал боевую инициативу полка. И Роганов принял единственно правильное решение: вместе с комиссаром полка Раппопортом он собрал коммунистов, которые единогласно решили, что в создавшихся условиях приказ Ходжаева равносильен самоубийству и поэтому не может быть выполнен.

Раппопорт заявил Диктаторской комиссии, что полк будет драться до победы над противником. Усман Ходжаев понял, что зашел слишком далеко и, отменив свой приказ, передал отряд Данияра в распоряжение Роганова.

Роганов решил контратаковать противника на северо-восточной окраине кишлака и, ворвавшись ему в тыл, заставить отойти. Не посвящая никого в свой план, он приказал взводу Нестерова в пешем строю сдержи-

вать противника с фронта, а эскадрон Панкеева под прикрытием садов сосредоточил на левом фланге. На правый фланг был переброшен эскадрон Ломакина. Круговую оборону Байсуна держали жиденькие цепочки спешенных бойцов. Отряд Данияра оставался в резерве.

Перегруппировка не ускользнула от внимания противника, и, когда эскадроны вышли на исходный рубеж, противник бросил в атаку против жиденьких заслонов спешенных бойцов до 500 джигитов. Положение спас оренбургский казак пулеметчик Литвинов. Фланговым огнем он остановил, а затем обратил в бегство атакующих.

Получив приказ начать контратаку, эскадроны Панкеева и Ломакина ворвались в расположение противника и, не давая возможности басмачам добежать до лошадей, погнали их под огонь наших пулеметов. В стане врага началась паника. Байсунский бек снял осаду. После двенадцати дней упорных боев, не имея хлеба и воды, полк Роганова одержал победу над превосходящим по численности противником. Жители окрестных кишлаков стали обращаться в Диктаторскую комиссию с просьбой взять их под защиту Бухарской республики.

К началу января 1921 года вся 1-я бригада в составе двух кавалерийских полков (1-го и 2-го) и 1-я конногорная батарея Владимира Григорьевича Дьяконова сосредоточились в Байсуне. Вскоре сюда подошли также 8-й стрелковый полк и 2-я бригада. Таким образом, сосредоточение в районе Дербент — Байсун частей экспедиционного корпуса было успешно завершено, и командир корпуса Ионов отдал приказ готовиться к выступлению.

* * *

Снабжение корпуса боеприпасами и снаряжением осуществлялось из Карши. Такой отрыв от своей тыловой базы создавал дополнительные трудности. С проникновением в глубь Восточной Бухары эти трудности должны были возрасти. Поэтому было принято решение выдать каждому бойцу по 200 патронов и иметь на каждый пулемет по пять лент. Бойцы получили новое обмундирование и сапоги.

В феврале подготовка к экспедиции была закончена. Командир корпуса Ионов проводил смотр.

Полки 1-й кавалерийской бригады стояли в конном строю. Нельзя было не залюбоваться выправкой бойцов, прославившихся во многих боях. Личный состав бригады — оренбургские и уральские казаки семь лет назад покинули родные хутора и станицы и с тех пор, почти не слезая с лошадей, прошли по полям империалистической и гражданской войн.

Большинство эскадронов имели в списке своих побед особо славные дела, в честь которых каждый год проводились эскадронные праздники.

Так, например, 2-й эскадрон 1-го кавалерийского полка 2 августа 1919 года отбил батарею у генерала Дутова, 3-й эскадрон 15 августа того же года лихой атакой овладел станцией Донгузская, а 4-й эскадрон 25 августа взял у белых хутор Вознесенский в Оренбургской губернии.

1-й эскадрон 2-го кавалерийского полка праздновал 2 сентября 1919 года. В этот день эскадрон отличился в бою под Актюбинском; 2-й эскадрон отмечал 9 июня 1919 года, когда была осуществлена переправа через реку Белую под сильным огнем противника; праздник 3-го эскадрона проводился 10 ноября. В этот день в 1919 году эскадрон захватил на станции Вознесенская батарею белых.

Глядя на полки бригады, я невольно вспомнил боевую характеристику, которую дал им Михаил Васильевич Фрунзе во время нашей последней беседы. И мною овладело чувство гордости за то, что мне выпала честь командовать бригадой, бойцы которой прошли такой славный боевой путь.

После смотра состоялось партийное собрание бригады. В своем коротком докладе комиссар бригады Логинов говорил о том, что каждый коммунист в предстоящем походе должен быть не только отличным бойцом, но и агитатором, нести в среду трудового дехканства Бухары горячее слово большевистской правды.

— Помните, товарищи, против врагов Советской власти — клинок и пуля. Для одураченных муллами и беками бедняков — партийное слово и братская ласка, — закончил Логинов свое выступление.

На общебригадном митинге Логинов рассказал бойцам о решении, которое приняла партийная организация. Выступавшие на митинге коммунисты призывали всех красноармейцев выполнить свой революционный долг.

Выступил на митинге и я. Напомнив бойцам бригады их боевые дела, я закончил свое выступление такими словами:

— У каждого из вас, товарищи красноармейцы, за плечами немало славных походов. Красные знамена ваших полков овеяны пламенем побед. Впереди вас ждут новые бои. Пройдут годы, и ваши внуки и дети с гордостью будут вспоминать поход на Гиссар! Вперед за нашу победу!

Громкое «ура» долго перекатывалось над рядами и было слышно далеко за Байсуном.

Утром 15 февраля 1921 года части корпуса выступили в поход. Четыре тысячи бойцов уходили в труднодоступную горную страну, где в каждом ущелье, на каждом перевале их подкарауливали отряды сорокатысячной армии эмира. И хотя об этом знали все, в эскадронах пели революционные и казачьи песни. Красноармейцы смело шли навстречу боям, уверенные в правоте своего дела.

Несмотря на десятикратное численное превосходство, армия эмира по своим морально-боевым качествам и по вооружению намного уступала нам. Лозунг священной войны «газо», на который эмир возлагал все свои надежды, провалился. Большинство населения Восточной Бухары не выступало открыто против эмира и его беков только потому, что было терроризировано и одурманено агитацией мулл. Насильно взятые в армию ислама дехкане бросали оружие и разбегались при первой возможности. И мы не сомневались, что экспедиционный корпус в короткий срок и без труда дойдет до Гиссара. Но это нас не удовлетворяло. Отряды эмира, не вступая в решающие бои, рассеивались, а затем снова собирались за спиной ушедших вперед частей. Таким образом, после прохода наших войск беки по-прежнему могли контролировать «освобожденную» территорию, грозя отрезать нашим малочисленным частям пути отхода. Это была типичная тактика басмачей. Чтобы очистить от басмачей Восточную Бухару, необходимо было орга-

низовать планомерное наступление, закрепляя за собой освобожденные районы и создавая в них органы Советской власти.

Командир корпуса Ионов решил прежде всего отрезать басмачам путь к отступлению в Среднюю Бухару. С этой целью на Сангардакский перевал была направлена 2-я кавалерийская бригада, которой командовал товарищ Сусанин. Для закрепления в освобожденных районах предназначались подразделения 8-го стрелкового полка. 3-й батальон полка выступил из Байсуна одновременно с конницей, получив задачу овладеть кишлаком Халкоджар и прикрыть горный проход у кишлака Карлюк. 1-й и 2-й стрелковые батальоны во главе с командиром полка Мартыновским двинулись кратчайшей дорогой на кишлак Ак-Кабат, чтобы выйти на соединение с конной группой у кишлака Ак-Капчигай.

Обеспечив себя с флангов и тыла, главные силы корпуса пошли вперед в направлении Байсун-Кафрун и далее на Банды-хан.

К вечеру 15 февраля 1-я кавалерийская бригада, идя в авангарде, достигла Бандыханского ущелья и остановилась на ночлег. Всю ночь шел мокрый снег, и до рассвета никто не уснул. Казаки сидели у костров и, коротая время, вспоминали далекие бои, родные хутора, станицы. Выступили в 6 часов утра. Шли переменным аллюром, чтобы лошадей согреть, да и самим погреться.

Головной отряд 1-го кавалерийского полка под командованием помощника командира полка Кравцова прошел ущелье и в кишлаке Миршаде наткнулся на противника. Эмирские вояки отсиживались в кибитках, прячась от ненастной погоды, и не подозревали о приближении красной конницы. Едва головной отряд появился в кишлаке, как противник в панике бежал. Казакам досталось пять котлов горячего плова, много фуража и продовольствия.

Высланные в долину разъезды сообщили, что конные группы противника стягиваются в направлении Дейнау, где, по сведениям нашей агентурной разведки, находился резерв и главный продовольственный пункт басмачей. От кишлака Миршаде до Дейнау 28 километров. Покинув Миршаде, части корпуса сосредоточились у кишлака Джанды-Булак. Головной отряд был встре-

чен сильным ружейным огнем у кишлака Дегрес. Все окрестные высоты оказались в руках противника.

Командир корпуса приказал Мартыновскому под прикрытием артиллерийского огня начать наступление. Готовые к атаке кавалерийские полки стояли в резерве.

В бою за Дейнау 8-й стрелковый полк, наступая с фронта, начал теснить противника с высот. Я получил приказ ИONOва начать атаку и вывел бригаду с отрядом Данияра и батареей Дьяконова на равнину. 2-й кавалерийский полк Роганова должен был нанести удар противнику в районе кишлака Сайрак, овладеть кишлаком Кизил-Джар и оседлать дорогу Дейнау — Юрчи. 1-му кавалерийскому полку Красильникова была поставлена задача атакой через Дегрес и Хазарбаг овладеть Дейнау. Батарея, оказав помощь 1-му полку, должна была держать под огнем проход к Амбар-Саю, глубокому оврагу с крутыми берегами высотой 8—12 метров, промытому весенними водами. Отряд Данияра оставался в резерве в готовности атаковать отходящего противника. Я находился в головном эскадроне 1-го полка.

Противник вел сильный, но беспорядочный ружейно-пулеметный огонь. 1-й кавалерийский полк развернулся и, набирая скорость, пошел в конную атаку. 1-й эскадрон Тартышева сбил заслон противника и устремился к реке Сурхан-Дарья, отрезая противнику путь к отходу вдоль берега. 2-й кавалерийский полк прорвался на дорогу Дейнау — Юрчи, не пуская противника на северо-восток. Наступавшие с фронта батальоны 8-го стрелкового полка гнали противника под удары казаков. Войска эмира общей численностью до двенадцати тысяч человек оказались зажатыми в тиски. Введенный в бой бухарский отряд Данияра усилил панику в стане врага. Нукеры эмира бросались в реку с высоты двенадцати метров и тонули в мутных волнах; остальные, бросая оружие, сотнями сдавались в плен. Большинство пленных оказались жителями ближайших кишлаков, насильно мобилизованными эмиром.

К вечеру 16 февраля 1921 года части бригады овладели Дейнау. Войска ислама лишились продовольственной базы и значительной части территории. 1-я кавалерийская бригада за два с половиной часа прошла с боями около двадцати километров.

В Дейнау части корпуса остановились, чтобы отдох-

нуть и создать в освобожденных районах органы Советской власти. Не доверяя Усмону Ходжаеву и его людям, большую часть этой работы проводил политсостав корпуса.

Усман Ходжаев требовал расстрела значительной части пленных. Однако комиссар бригады Логинов не согласился с этим и решил произвести проверку. Проверка показала, что почти все пленные являются дехканами-бедняками. Политработники разъяснили пленным, что отныне земля и вода принадлежат им, что баи и беки лишены власти и что все свои дела теперь должны решать сами дехкане. И пленных отпустили по своим кишлакам. Буквально на следующий день по всей освобожденной территории стали возникать ревкомы. Расчет Усмана Ходжаева на то, что расстрел дехкан вызовет ненависть к частям Красной Армии, провалился. Но это была не последняя попытка матерого предателя-националиста подорвать доверие трудящихся масс к бескорыстной помощи, которую оказывала бухарскому народу Красная Армия.

Отдых, полученный частями корпуса в Дейнау, был относительным. По всей долине действовали разъезды, которые должны были установить пункты сосредоточения противника и направление отхода остатков дейнаузской группировки басмачей.

В истории Гиссарской экспедиции долина Дейнау получила название «долины смерти». Так прозвали ее бойцы за ужасные климатические условия. Заброшенные рисовые поля, залитые водой, превратились в болота. Заросли камыша по берегам Сурхан-Дарьи и стоячие заводи в пойме явились рассадником малярийных комаров. Потревоженные разъездами комары тучами поднимались в воздух. Комаров было так много, что от них не спасал ни дым костров, ни кибитки. К этому надо добавить еще сырую зиму с резкой сменой температур. Особенно страдали от этого непривычные к местному климату бойцы 8-го стрелкового полка. Уже в Дейнау в частях корпуса появилось много больных малярией. Случалось, что заболевшие малярией умирали.

Большую работу в освобожденном районе проделал бухарский отряд Данияра. Он проникал в самые глухие кишлаки, вылавливая укрывшихся баев и помогая бедноте организовывать ревкомы и местные отряды

самообороны. Приходится только сожалеть, что Данияр не сумел вовремя разгадать двуличную политику Усмана Ходжаева.

* * *

Пока части корпуса находились в Дейнау, эмир не терял времени. На всей подвластной ему территории Восточной Бухары была объявлена поголовная мобилизация в войска ислама. По агентурным данным, в Гиссаре и Каратаге формировались и вооружались новые части. Наши разъезды то и дело сталкивались с отрядами противника на правом берегу Сурхан-Дарьи.

19 февраля 1921 года части корпуса выступили из Дейнау. Противник, почти не оказывая сопротивления, отходил в направлении Гиссар — Каратаг. К исходу дня головные полки корпуса достигли Регара.

На следующий день 1-й и 2-й эскадроны 1-го кавалерийского полка, которыми командовал начальник штаба Корюков, между Шахринау и Гиссаром были остановлены огнем противника. Эскадроны спешили и повели наступление. Противник упорно сопротивлялся, не отходя ни на шаг. Только подход главных сил бригады вынудил его оставить свои позиции. Преследуя противника, эскадроны Корюкова захватили большую группу пленных. Среди них оказался курбаши Довлят, который пытался покончить жизнь самоубийством, но ему помешали красноармейцы. Во время допроса Довлят вел себя вызывающе. Когда я заговорил с ним по-таджикски, он долго и внимательно смотрел на меня, а потом сказал:

— Вот ты какой, Якуб-тюря... Мало тебе жить осталось. — И он жестом показал, что меня повесят.

В представлении мусульман самое страшное — быть повешенным, так как при этом, согласно толкованию корана, «душа» умершего уходит через пятки и попадает в ад, тогда как «душа» расстрелянного вылетает изо рта прямо в рай. Я знал об этом предрассудке и не обратил внимания на слова Довлята, но меня удивило, откуда Довлят знает мое прозвище, полученное мною в Фергане. Однако отвечать на вопросы Довлят отказался.

Другие пленные разговаривали охотно и дали очень ценные показания. От них мы узнали, что эмир, не

доверяя насильно мобилизованным бухарцам, все операции на важнейших направлениях поручал отрядам ферганских басмачей Курширмата, усиленным двумя тысячами афганских добровольцев и полутора тысячами локайцев Ибрагим-бека. После разгрома в Фергане Курширмат еще несколько месяцев скрывался там в кишлаках, чиня зверские расправы над населением. Преследуемый частями 3-й Туркестанской кавалерийской дивизии в Фергане, Курширмат незадолго до организации экспедиционного корпуса бежал в Восточную Бухару к эмиру. В бою под Дейнау участвовал ферганский отряд курбаши Довлята. Басмачи узнали 1-й полк, который был со мною в Фергане. Казаки этого полка носили разные головные уборы — кто шлем, кто кубанку, кто папаху, — и поэтому 1-й кавалерийский полк басмачи прозвали «разные шапки». Теперь мне стало ясно, откуда Довляту известно и мое прозвище.

Пленные подробно рассказали о расположении войск эмира между Каратагом и Гиссаром. Отряды Курширмата с афганскими добровольцами прикрывали дорогу на Дюшамбе, где была резиденция эмира. Подступы к крепости Гиссар обороняли локайские басмачи Ибрагим-бека и кунградцы Хурам-бека. Пленные сообщили также, что между эмиром и главным образом ферганскими курбаши возникли противоречия. Эмир распустил слух, что собирается в Куляб на богомолье, а курбаши не без основания заподозрили, что он просто решил бежать в Афганистан, и в связи с этим выразили ему свое неудовольствие. Обстановка для действий наших войск складывалась благоприятно, и командир корпуса решил немедленно атаковать позиции эмира.

Части корпуса наносили одновременно удар по двум пунктам — Каратагу и Гиссару. 1-я кавалерийская бригада встретила под Каратагом ожесточенное сопротивление ферганских басмачей Курширмата. Особенно тяжело пришлось 3-му эскадрону 2-го кавалерийского полка и 3-му эскадрону 1-го кавалерийского полка, вырвавшимся вперед. Командиры эскадронов Панкеев и Плотников вынуждены были спешить своих бойцов и отразить несколько контратак противника. Конные басмачи выскакивали из укрытий и беспорядочной массой устремлялись на казаков.

Старшина эскадрона Панкеева Федор Дезов с отделенным командиром Андреем Щербиной и красноармейцем Иваном Литвиновым пробрались на окраину кишлака и во время очередной контратаки басмачей открыли огонь из пулемета во фланг и тыл атакующим. Басмачи под перекрестным огнем повернули влево и с ходу врзались в другую группу басмачей, контратаковавшую эскадрон Плотникова. Создался исключительно благоприятный для атаки момент. Командир взвода Радченко с красноармейцами Виниченко и Шереметьевым втроем бросились на басмачей, увлекая за собой весь эскадрон. Вслед за эскадроном Плотникова в атаку пошел эскадрон Панкеева. Зажатые с двух сторон, басмачи гибли под клинками казаков. Многие, слезая с коней и садясь на землю, поднимали руки.

2-й кавалерийский полк Роганова овладевал главным опорным пунктом позиции — Гиссаром. Крепость Гиссар расположена в отрогах хребта Бабатага. Река Кафирниган и отвесные горные кручи надежно прикрывали крепость с тыла и флангов. Создавая в крепости базу снабжения всей своей армии, эмир надеялся, что природные условия помогут удержать крепость.

2-й кавалерийский полк, прорвав полевые позиции противника, круто повернул вправо. Приданная полку батарея Дьяконова, заняв нависавшие над крепостью высоты, открыла по внутренним крепостным сооружениям сильный огонь. Под прикрытием артиллерийского огня, подавившего сопротивление защитников крепости, полк подошел вплотную к глинобитным стенам, взорвал динамитом крепостные ворота и ворвался в крепость. Несколько часов внутри крепости продолжался ожесточенный рукопашный бой, который с наступлением темноты закончился полной капитуляцией защитников крепости.

Тем временем главные силы корпуса прорвались на дорогу к Дюшамбе.

К исходу 20 февраля 1921 года стратегическая цель Гиссарской экспедиции была достигнута. За два дня (не считая двухдневной остановки в Дейнау) части корпуса в невероятно трудных климатических условиях с непрерывными боями прошли около 150 километров и очистили от басмачей всю западную часть Восточной Бухары. На рассвете 21 февраля части корпуса без боя

овладели Дюшамбе — резиденцией эмира. Таким образом, сорокатысячная армия эмира была разбита и ее опорные пункты оказались в наших руках. Чтобы помочь трудящимся Восточной Бухары установить на своей территории Советскую власть, необходимо было очистить всю Восточную Бухару от басмаческих шаек, на которые распалась армия эмира в результате поражения под Гиссаром.

В ГЛУБЬ ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ

Эмира в Дюшамбе не оказалось. Прибывший в штаб корпуса Усман Ходжаев заявил, что, по сведениям агентурной разведки, эмир, собрав в долине Кафирнигана верблюдов, 19 февраля отправился в Куляб. Командир корпуса Ионов поверил Усману Ходжаеву и приказал мне перехватить эмира в Кулябе. Времени для проверки сообщения Усмана Ходжаева у меня не было.

21 февраля 2-й кавалерийский полк выступил из Дюшамбе. Достигнув Янги-Базара (ныне город Орджоникидзеабд), командир полка Роганов увидел, что мост через Кафирниган сожжен. Местные жители сообщили, что эмир пошел по направлению к реке Вахш. Таким образом, данные, полученные от Усмана Ходжаева, подтвердились, и это усыпило бдительность Роганова.

К исходу дня полк достиг Нурека. Но и Пули-Сангинский мост через Вахш оказался разрушенным. Эмир повторял тактику, которую применил при бегстве из Старой Бухары: сжигал и разрушал за собой мосты, чтобы затруднить преследование. Высоты на противоположном берегу реки занимали басмачи Ибрагим-бека, и как только наши разъезды подошли к реке, басмачи открыли по ним ружейный огонь. Всю ночь полк навел переправу, собирая материалы по окрестным кишлакам. Работу саперов прикрывали выдвинутые к реке пушки и пулеметы.

На рассвете полк прошел по новому мосту и достиг Тут-Каула. Против кишлака сосредоточивались локайские басмачи Ибрагим-бека, банды Тугай-Сары и 3000 всадников Еганберды. Однако эта сильная вражеская группировка под нажимом полка медленно отходила на Куляб через горы Гули-Зиндака. В Куляб

уходил и глава бальджуанских басмачей Довлятман-бий с 1800 всадниками.

К вечеру 24 февраля после упорного боя огнем артиллерии удалось сбить противника и очистить путь на Куляб. Спротивление, оказанное полку басмачами, еще больше укрепило Роганова во мнении, что эмир в Кулябе.

Высланные вперед разъезды донесли, что Довлятман-бий в Куляб не пошел. Не желая оставить без прикрытия Бальджуанский район, он отступил на Кангурт и далее на Бальджуан. В это же время Ибрагим-бек, подчинив себе остальных курбашей, отходил к Кулябу. Роганов принял решение ускорить наступление.

К исходу дня полк достиг кишлака Пушион и заночевал здесь.

25 февраля на подступах к Кулябу завязался бой в кишлаке Кзыл-Мазар. По показаниям пленных, в этом бою был ранен предводитель кулябских локайцев курбаши Тугай-Сары. Только 26 февраля полку удалось овладеть Кулябом. Здесь выяснилось, что эмир в Кулябе не был и, где он, неизвестно. Вернуться тут же в Дюшамбе Роганов не мог, так как оказался втянутым в бой с превосходящим по численности противником, оторваться от которого было не так-то просто. Необходимо было прежде всего окончательно разбить банды Ибрагим-бека.

После остановки в Кулябе полк приступил к ликвидации в районе этого населенного пункта басмаческих шаек. В ходе боевых действий вскрылось еще одно обстоятельство, заставившее Роганова задержаться в Кулябе.

Английский разведчик генерал Маллесон переправлял через афганскую границу мелкие банды, которые грабили местное население и вели разведку, следя за передвижениями советских частей. наших пограничников на афганской границе в то время не было. Создалось сложное положение. 2-й кавалерийский полк оказался окруженным многочисленными басмаческими шайками. Связь с Дюшамбе осуществлялась по цепочке через преданных нам людей из местного населения, так как связные красноармейцы не могли проникнуть через басмаческие заслоны.

Посоветовавшись с комиссаром полка Раппопортом, Роганов решил до получения распоряжений из Дюшамбе взять на себя охрану границы с Афганистаном.

Первым столкнулся с афганским отрядом 3-й эскадрон Панкеева. В районе Сары-Чашма тридцать вооруженных афганцев открыли по эскадрону огонь. Несколько наших бойцов было ранено. Панкеев атаковал афганцев в конном строю и взял их в плен.

Начальник афганской пограничной стражи прислал к Роганову своего представителя с предложением встретиться. Роганов вместе с Раппопортом прибыли в пограничный населенный пункт Саят. От афганского берега отчалил каюк, на котором на нашу сторону переправился начальник афганской пограничной стражи в сопровождении восьми офицеров. Афганцы преподнесли Роганову в качестве селяю рис, сушеные фрукты, баранину. Роганов преподнес афганцам голубые чалмы и халаты. Начались переговоры. Начальник афганской пограничной стражи сказал:

— Люди, которых вы задержали, не наши. Их завербовали англичане. Мы не любим англичан и не хотим, чтобы они оставались в нашей стране. Но почему вы не разрешаете мирным афганцам ездить в Куляб на базар? Повелитель Бухары — эмир Сеид-Алим-хан подписал договор, по которому наши люди могут ходить в Бухару. Где сейчас эмир и почему русские нарушают его волю?

— Во всей Бухаре, — ответил Роганов, — есть единственно законное правительство — правительство Бухарской Народной Советской Республики. Где сейчас эмир, я не знаю. Сам ишу его целую неделю. А раз нет эмира, значит, все договоры его недействительны. Мирных людей мы рады бы пропустить, но как узнать — мирный он или не мирный? Вы же сами говорите, что англичане вербуют афганцев и посылают их на нашу сторону. Афганскому правительству необходимо вступить в переговоры с правительством Бухарской республики. А до тех пор граница объявляется закрытой и проникновение в Бухару будет рассматриваться как враждебный акт.

Затем гостей накормили пловом и с почетом проводили домой.

Через два дня в Куляб прибыла 3-я кавалерийская бригада. 2-й кавалерийский полк перешел в оперативное подчинение командования бригады. Граница с Афганистаном была прочно закрыта. Началась ликвидация басмачества в Кулябском и Бальджуанском районах.

* * *

Где укрылся эмир?

Этот вопрос сразу встал перед командованием корпуса, когда стало известно, что в Кулябе эмир не был. Вскоре удалось установить, что эмир покинул Дюшамбе 20 февраля и с большим караваном, в котором находился гарем, направился в Янги-Базар. Но, узнав о падении Гиссара и опасаясь погони, эмир пошел на Яван, приказав Курширмату сжечь мост через Кафирниган. Решение эмира идти на Яван, столицу Локая, рассеяло у басмачей все сомнения насчет истинного намерения Сеид-Алим-хана. «Повелитель» Бухары уже не скрывал, что решил бежать в Афганистан.

Курширмат с курбашами ферганских басмачей организовали заговор против эмира. Они захватили часть каравана с ценностями и лишь после этого подожгли мост, а сами ушли на Оби-Гарм и далее в Гарм, не желая покидать территорию Бухары.

Когда командир и комиссар корпуса сказали Усмону Ходжаеву о том, что им удалось узнать, где эмир, тот спокойно заявил:

— Мне тоже известно, в каком направлении бежал эмир, и я еще 21 февраля направил в погоню за ним отряд Данияра.

Данияру было сказано, в каком направлении шел эмир, и он имел все возможности догнать его, так как, обремененный большим караваном, эмир двигался очень медленно. В погоне за эмиром отряд Данияра прошел весь Локай. И все время Данияр всячески сдерживал порыв преданных Советской власти бойцов бухарского отряда. Эмира удалось настигнуть лишь у Сангтудинской переправы. Увидев погоню, эмир со свитой ускакал через мост, который тут же был подожжен. На глазах у подоспевшего к переправе отряда Данияра эмир уходил по дороге в Афганистан, бросив на этой стороне караван и свой гарем, в котором находилось сто двадцать женщин.

Ионов потребовал, чтобы Усман Ходжаев объяснил, почему он скрыл от командования корпуса направление, по которому ушел эмир.

Но Усман Ходжаев ответил, что не он прислан нам на помощь, а мы должны помогать ему и что, следовательно, он не обязан отчитываться в своих действиях перед командованием корпуса.

— Бухарскому отряду легче было преследовать эмира, чем русским красноармейцам, — заявил Ходжаев. — И если Данияр не сумел взять эмира, то Роганов и подавно не взял бы его. А золото, которое захватил бухарский отряд, в конце концов ценнее самого эмира.

В составе первого правительства Бухарской Народной Советской Республики партия националистов-младобухарцев была достаточно сильной, и Усман Ходжаев вел себя вызывающе. Через несколько дней после этого разговора он демонстративно женился на первой красавице эмирского гарема, дочери гиссарского бека, которую Овлия-Кули два месяца назад отдал в жены своему повелителю в знак признания его власти.

Бегство эмира в Афганистан лишало басмачество на всей территории Средней Азии единого руководства. И если бы не предательство младобухарцев, с басмачеством как с массовым политическим движением на территории Средней Азии было бы покончено еще в 1921 году. Но двурушническая политика младобухарцев в правительстве Бухарской республики сильно тормозила борьбу.

В 1921 году басмаческое движение в Средней Азии распалось на отдельные очаги. Наиболее сильным движение басмачей было в Хорезме, Фергане и Восточной Бухаре. В своей тайной борьбе за власть младобухарцы рассчитывали на басмачей и не были заинтересованы в быстрой ликвидации бандитских шаек. Продолжая выдавать себя за сторонников Советской власти, младобухарцы всячески срывали ее политику.

В то время как Коммунистическая партия прилагала все силы к тому, чтобы наладить в Бухаре мирную жизнь и приступить к социалистическому строительству,

младобухарцы разжигали национальную рознь между народами Средней Азии и пытались вызвать ненависть местного населения к русским.

Во главе ревкомов, создаваемых в кишлаках, Усман Ходжаев старался поставить людей из зажиточной части населения. И нередко председателями ревкомов здесь оказывались бывшие курбаши и эмирские чиновники. Политсостав корпуса разъяснял дехканам задачи Советской власти и в ряде случаев удачно разоблачал предательскую политику младобухарцев. Однако полностью очистить советский аппарат политработники корпуса не могли.

Чем глубже Красная Армия проникала в Восточную Бухару, тем труднее было обеспечить наши части продовольствием и фуражом. База снабжения, расположенная в Карши, осталась далеко в тылу. Полки 2-й кавалерийской бригады, охранявшие коммуникации в Карши и на Сангардакском перевале, не в состоянии были организовать надежную охрану обозов. Части корпуса получали только боеприпасы, фураж же и продовольствие должны были заготавливать на месте.

Правительство республики обязанности по обеспечению частей корпуса продовольствием и фуражом возложило на Диктаторскую комиссию. Но Усман Ходжаев поручил самим частям эту трудную работу. Командование корпуса, не имея наличных денег, продовольствие и фураж брало у дехкан под расписки. Но неграмотному дехканину эти клочки бумаги ничего не говорили. Используя это, реакционные элементы повели бешеную агитацию, обвиняя нас в грабеже. Нередко контрреволюционную работу в том или ином кишлаке возглавляли председатели ревкомов — ставленники Усмана Ходжаева.

Чтобы парализовать действие враждебной агитации, комиссар бригады Логинов принял контрмеры. В полках и эскадронах выбирались политбойцы из числа наиболее сознательных красноармейцев и коммунистов. Как только подразделение занимало кишлак, политбойцы расходились по кибиткам и как бы случайно заводили разговоры на политические темы. Выяснив настроение хозяина, политбоец начинал беседу. Эта форма работы очень быстро оправдала себя, тем более что в качестве политбойцов обычно назначались представители мест-

ных национальностей либо русские, владеющие местным языком (таких было довольно много, и это не удивительно, если учесть, что многие красноармейцы прожили в Средней Азии по нескольку лет). Индивидуальная агитация оказалась более действенной, чем массовые собрания местного населения. На собрании соседи, опасаясь друг друга, обычно молчали. Зато в личной беседе люди охотно высказывали свои самые сокровенные думы. Изучив таким образом настроение жителей кишлака и выявив наиболее сознательную и активную часть бедняков и середняков, старший политработник назначал общее собрание.

Ленинская национальная политика нашей партии, бескорыстная помощь Советской России народам Средней Азии, а также умелая работа коммунистов и политработников в значительной степени парализовывали предательские действия младобухарцев и давали возможность частям корпуса решать поставленную перед ними задачу.

* * *

Одновременно со 2-м кавалерийским полком, отправленным в погоню за эмиром, из Дюшамбе выступил штаб 1-й бригады с 1-м кавалерийским полком и полубатареей Дьяконова, преследуя ушедшего в Оби-Гарм Курширмата.

27 февраля 1921 года 1-й кавалерийский полк занял Файзабад. Отсюда дорога на Оби-Гарм проходит по узкой долине Дашти-Бидана. Басмачи Курширмата, отходя на Оби-Гарм, последовательно располагались на высотах, завязывая короткие бои. Кавалерии приходилось идти по узкому дефиле и быть всегда готовой отразить нападение.

Пока 1-й кавалерийский полк медленно продвигался к Оби-Гарму, основная группировка басмачей во главе с Курширматом уходила из Оби-Гарма на Гарм.

Дорога на Гарм проложена по искусственному горному карнизу. С одной стороны — почти отвесная стена, с другой — обрыв, а внизу несет свои бурные воды Вахш. Басмачи, отходя из Оби-Гарма, разрушили дорогу.

Думая только о личном благополучии, Курширмат бросил на произвол судьбы басмачей, оборонявших

подступы к Оби-Гарму. В бою за этот крупный кишлак 1-й кавалерийский полк взял в плен главу оби-гармской банды Нурулу-тохсабы¹.

В кишлаке не оказалось ни одного котла, в котором красноармейцы могли бы сварить пищу. Политбойцы немедленно приступили к своей обычной работе. Через некоторое время мне уже было известно, что по приказу Нурулы у населения отобрали все котлы и утопили их в хаузе².

На берегу хауза собрались жители кишлака. Хауз был глубокий, и вода в нем холодная. Жители выкрикивали проклятия в адрес Нурулы. Его обвиняли в зверствах и насилиях, которые учиняли в кишлаке басмачи Курширмата и сам Нурула.

Посоветовавшись с комиссаром бригады Логиновым, я принял решение наказать Нурулу на глазах у жителей. Когда его и с ним еще нескольких басмачей привели на берег хауза, я приказал им раздеться и достать со дна котлы.

Около часа посиневший от холода Нурула нырял в воду. На берегу, поблескивая мокрыми боками, лежали извлеченные из воды котлы. Появление каждого котла жители встречали дружным смехом, выкрикивая имя владельца, у которого котел был изъят Нурулой.

Подготовка к выступлению на Гарм заняла несколько дней. Большую помощь оказал нам аксакал³ Ахназар. Он собрал семьдесят дехкан с кетменями, и они под охраной 2-го эскадрона Ложкина восстанавливали и ремонтировали карниз, по которому проходила дорога.

Ахназар пользовался в кишлаке глубоким уважением за свой ясный ум и справедливость. Он принадлежал к людям, память о которых долго живет в сердцах тех, кто их знал.

Преклонный возраст Ахназара не мешал ему лично следить за ремонтом дороги и одновременно помогать командиру батареи Дьяконову сооружать носилки, на которых предстояло нести части орудий, так как пройти

¹ Т о х с а б а — воинское звание в армии эмира, соответствующее полковнику.

² Х а у з — искусственный пруд.

³ А к с а к а л — староста кишлака.

по карнизу на колесах пушки не могли. В конце 1921 года банда Ишан-Султана, на короткое время захватившая Оби-Гарм, зверски убила Ахназара.

Движение конницы по узкому карнизу, к тому же в дождь и слякоть, до предела изнуряло бойцов. Ночью и во время коротких остановок командиры и политработники пробирались по колонне, следя за тем, чтобы бойцы не дремали, — в сонном состоянии легко было сорваться в пропасть. Особенно тяжело было артиллеристам, которым приходилось нести части орудий на носилках. Лишь 2 марта с большим трудом мы достигли кишлака Мужи-Харва. Люди настолько измучились, что пришлось сделать дневку.

3 марта бригада заняла Гарм.

В Гарме были сосредоточены значительные силы басмачей. Кроме банд Курширмата и его курбашей Нурмат-Минбаши и Аскер-Палвана, здесь находился каратегинский бек Максум-Фузайль. Но басмачи, увлеченные разбоем в окрестностях Гарма, не ожидали, что нашим частям удастся пройти по разрушенной дороге. Этим и объяснялось, что победа под Гармом была одержана сравнительно легко.

Потерпев поражение, ферганские басмачи бежали в Алайскую долину, а Максум-Фузайль увел свою банду в Дарваз.

1-й кавалерийский полк разбил в Каратегине местных басмачей и захватил в плен 18 курбашей — инициаторов и организаторов басмаческого движения. Пленных я отправил в Дюшамбе к председателю Диктаторской комиссии Усману Ходжаеву. Но скоро мы узнали, что он без ведома командования корпуса освободил курбашей, объясняя свой поступок тем, что курбаши поклялись аллахом не выступать против Советской власти. Некоторых курбашей Усман Ходжаев сделал своими уполномоченными. Последствия этого нового предательства сказались очень скоро. С помощью освобожденных Усманом Ходжаевым курбашей дарвазский бек вместе с прибывшим к нему Максум-Фузайлем организовал крупную басмаческую шайку, захватил несколько кишлаков и овладел Дарвазским ущельем. Чтобы еще больше затруднить передвижение частей Красной Армии, Максум-Фузайль сжег в окрестностях все мосты.

Каратегин — один из красивейших районов Таджикистана. Города Гарм, Оби-Гарм, Калаи-Хаит и Калаи-Ляби-Об утопали в садах. Карагачи закрывали сверху своими могучими ветвями узкие улицы. Столетние чинары окружали глубокие родники с прозрачной и холодной водой. В долинах рек раскинулись ореховые рощи. А над всем этим в синем небе возвышались белоснежные вершины гор.

Гарм — старинная крепость на берегу глубокой и быстрой реки Сурх-Об. Дороги к Гарму проходили по кручам гор и труднодоступным перевалам. Расположенный в центре Каратегина, Гарм был удобным опорным пунктом боерайона. В крепости разместились штаб 1-й кавалерийской бригады, тылы и бригадный лазарет. Из Гарма части бригады уходили для проведения операций.

В 1921 году весна пришла в Каратегин удивительно рано. В полукилометре от стен Гарма, у подножья высокого холма, с которого видна была вся крепость, раскинулся огромный сад. Оттуда по вечерам ветер доносил в крепость запахи цветущего миндаля и урюка. Пригодных для сельского хозяйства земель в Каратегине было мало, и все они находились в руках у беков. Дехкане же вынуждены были арендовать у амлякдаров¹ за высокую цену жалкие наделы. Но даже и таких наделов не хватало, и многие каратегинцы уходили на хлопкоочистительные и маслобойные заводы Ферганы.

В эту весну впервые в истории Каратегина дехкане работали на собственной земле. В свободное от службы время красноармейцы помогали дехканам привести в порядок гармский сад. Однажды, когда я с красноармейцами был в саду, ко мне подошел комиссар бригады Логинов и сказал, что со мной хочет поговорить какой-то слепой каратегинец.

— Пусть идет сюда, — сказал я.

Ко мне привели огромного роста мужчину с широкими плечами и красивым, несмотря на слепоту, лицом. Такие могучие люди встречаются очень редко, и забыть их трудно. Я сразу вспомнил, где я видел этого

¹ Амлякдар — помещик.

человека. Его подобрали наши санитары после боя под Гиссаром. Он был ранен в голову и вскоре ослеп. Я разговорился с ним в лазарете, где его лечили, и он рассказал мне тогда о себе.

Было их пять братьев, и всех до одного Максум-Фузайль мобилизовал в армию эмира. Младшие братья хотели бежать в горы, но он, как старший, их не пустил, опасаясь, что Максум-Фузайль расправится со всей семьей, которую взял в качестве заложников.

Я поздоровался с каратегинцем по-таджикски. Довлят-Ша узнал меня по голосу и стал благодарить за то, что ему спасли жизнь и отпустили домой, хотя знали, что он убил в бою двух красноармейцев.

— Как это случилось, я и сам не знаю, — говорил он. — Я много лет работал в Фергане вместе с русскими. Ничего, кроме хорошего, от них не видел. Когда однажды меня обсчитал хозяин, все русские рабочие потребовали уплатить мне что положено. От русских рабочих я узнал, за что борются большевики.

Довлят-Ша просил меня сказать, что он должен сделать, чтобы искупить свою вину. Узнав об избрании его в кишлаке аксакалом, я сказал ему, что искупить свою вину он может только при условии, если будет продолжать дело, за которое отдали жизнь два красноармейца, погибшие в борьбе за освобождение бухарского народа. Я объяснил ему, что мы не мстим беднякам, обманутым и одураченным беками, если они по-настоящему поняли свои ошибки.

Призывая в свидетели работавших в саду местных жителей, Довлят-Ша сжал огромный кулак и, потрясая им в воздухе, сказал:

— Я потерял глаза, но теперь стал видеть лучше, чем когда был зрячим...

Население Каратегина всеми условиями материальной жизни было прочно связано с промышленным пролетариатом Ферганы. Политическая работа, которая проводилась в Каратегине комиссаром бригады Логиновым, давала прекрасные результаты. Большинство каратегинцев поддерживало Советскую власть и давало отпор проидам младобухарцев и их союзников — басмачей. Этим и объяснялось, что главари басмачей бросили большие силы для того, чтобы терроризировать мирное население Каратегина.

В конце марта 1921 года 1-й кавалерийский полк, разгромив местные шайки басмачей, выступил из Гарма и, преследуя разбитых под Гармом басмачей Курширмата, догнал их в горах.

Горные тропы, ведущие в Фергану, были завалены глубоким снегом. Курширмат собрал пастухов киргизов и заставил их с яками¹ идти впереди и прокладывать ему дорогу. Таким образом была проложена тропа от урочища Катта-Карамык до Дараут-Кургана.

Кавалеристы 1-го полка, пройдя за два дня 130 километров, догнали басмачей в урочище Катта-Карамык. От полного разгрома их спасли только глубокие снега, мешавшие обходным маневрам. Басмачи оставили в урочище около пяти тысяч баранов, все отнятое у населения имущество и 40 кожаных сундуков, похищенных из каравана эмира. Остатки банд налегке уходили к ферганской границе.

Командир полка Д. Е. Красильников послал в Шахимардан двух местных жителей (в Шахимардане стоял 13-й полк 3-й Туркестанской кавалерийской дивизии), чтобы предупредить гарнизон о том, что шайки Курширмата направляются из Каратегина в Фергану.

1-й кавалерийский полк преследовал басмачей почти до самого перевала, где их перехватили бойцы 13-го полка. После этого полк остановился в становище алайской царицы, которая являлась потомком древних ханов. Не играя особой роли в политической жизни Киргизии, царица не представляла никакой опасности и даже сама просила Красильникова защитить ее от набегов басмачей. Полк Красильникова пошел в Калаи-Хаит, где и стал ждать дальнейших приказаний.

Восстание, поднятое дарвазским беком Ишан-Султаном, тем временем разрасталось. Союзником его выступал уже битый нами Максум-Фузайль, у которого было около 800 всадников. Шайки мелких курбашей-уголовников росли как грибы.

Кавалеристы Красильникова быстро рассеяли мелкие басмаческие банды в Калаи-Хаите. 3-й эскадрон под командованием Плотникова, находившийся в головном отряде, подошел к реке Сурх-Об. С противоположного

¹ Як — горный бык.

берега басмачи открыли по эскадрону ружейный огонь. Головной отряд спешил и завязал перестрелку.

Тем временем помкомвзвода Кротов с красноармейцами Царицыным, Матвеевко и Кохановым отыскивали брод против Калаи-Ляби-Об. Прискакавший к реке начальник штаба полка Корюков вывел скрытно пулеметный эскадрон Самойленко. Пулеметчики переправились через реку и фланговым огнем отрезали путь басмачам.

Подъехавший Красильников быстро организовал переправу полка. В этом бою была разгромлена банда в двести человек.

Овладев Калаи-Ляби-Об, Красильников начал преследование главной группировки басмачей и, сильно потрепав, вынудил ее уйти в Дарваз через Люли-Харвинский перевал. Дарвазский бек из остатков этих банд сформировал новые шайки. Оружие они получили от англичан через афганскую границу.

* * *

В начале июня 1921 года входивший в состав корпуса 8-й стрелковый полк располагался в кишлаках и крупных населенных пунктах, 3-я кавалерийская бригада продолжала оперировать в Кулябском районе и на афганской границе, 2-я кавалерийская бригада охраняла коммуникации.

Боерайон 1-й кавалерийской бригады охватывал Каратегин и Дарваз. Здесь деятельность басмачей особенно активизировалась, и 1-й кавалерийский полк один не мог контролировать огромную горную территорию с небольшим количеством дорог. По приказу командира корпуса в бригаду возвращался из Куляба 2-й кавалерийский полк Роганова. Кроме того, в мое оперативное подчинение поступил 3-й Семиреченский кавалерийский полк 2-й бригады, прибывший из Карши.

По пути из Куляба 2-й кавалерийский полк разгромил в Файзабаде басмаческие банды, остатки которых бежали в район Джаргетая, где действовал Максум-Фузайль. По агентурным сведениям, шайка Максума выросла до 1000 всадников.

Группировка дарвазского бека и Ишан-Султана (700 всадников) сосредоточилась на перевале Камчирак, на обратных скатах которого были вырыты окопы полного профиля.

Судя по этим приготовлениям (басмачи очень редко сооружали окопы), главари банд намеревались оказать бригаде серьезное сопротивление. И я решил, не дожидаясь, пока подойдет 2-й кавалерийский полк, нанести удар одновременно по двум группировкам.

1-й кавалерийский полк Красильникова получил задачу уничтожить банду Максум-Фузайля в Джаргетале. 3-й кавалерийский полк должен был в это же время разгромить дарвазского бека Ишан-Султана и занять Чиль-Дора и Товиль-Дора.

В Гарме оставался штаб бригады, полубатарей Дьяконова и 50 больных малярией красноармейцев. 18 июня полки выступили для выполнения задачи, а 20 июня местные жители сообщили мне, что матчинский бек Абду-Хафиз с 2500 джигитами идет вниз по течению реки Дидежи к Гарму.

Не прошло и часа после получения мною тревожных сообщений, как часовые со стен крепости заметили, что конные банды окружают Гарм. Басмачи переправились через реку Сурх-Об, обложив крепость кольцом. Чтобы проверить плотность окружения, я выслал из крепости троих красноармейцев, но они всюду натыкались на заставы басмачей. На холме, у подножия которого был сад, находился наш наблюдательный пункт. Он был захвачен противником, и вершина холма оказалась в руках басмачей.

Положение создалось очень тяжелое. С появлением басмачей под стенами Гарма крепость оказалась отрезанной от внешнего мира. Снабжение продовольствием прекратилось, воду доставали с большим трудом. На холме, с которого просматривалась внутренняя часть крепости, расположились басмаческие стрелки, которые не давали возможности выйти из укрытий. Лишь по ночам с огромными предосторожностями красноармейцы спускались к реке за водой. Большинство защитников крепости днем страдало от приступов малярии. Их лечили полынным настоем. Благо, полынь росла в изобилии у крепостных стен. Это народное средство немного помогало, и с наступлением вечерней прохлады малярики возвращались в строй.

Обороне крепости способствовало ее расположение на крутом, обрывистом берегу реки Сурх-Об. Стоявший здесь пулемет прикрывал подступы с южной стороны.

Обслуживали его работники штаба. Северную часть крепости обороняли артиллеристы и больные малярией бойцы с тремя пулеметами. Никакой связи с полками и со штабом корпуса у нас не было.

В этих условиях малочисленный гарнизон Гарма отбил несколько атак басмачей, нанеся им большие потери. Матчинский бек Абду-Хафиз прислал нам ультиматум, требуя, чтобы мы немедленно сдались. Принес ультиматум старик из соседнего кишлака, которого я знал. Он сообщил, что Абду-Хафиз взял в качестве заложников семьи преданных нам людей. Из кишлаков никого не выпускают: боятся, что кто-нибудь сообщит ушедшим полкам о положении в крепости.

Это навело меня на мысль попробовать связаться с полками. В крепости находились председатель каратегинского ревкома Умаров, председатель продовольственной комиссии Нусратулла-Максум и с ним работники ревкома и упродкома. Кроме них, в крепости укрывалось от басмачей несколько семей местных жителей. Попытка проникнуть сквозь басмаческие заслоны была очень рискованной, но другого выхода не было. Уже несколько дней мы питались одной кониной без соли. От такой пищи даже здоровые начали слабеть, а о больных и говорить нечего — каждый день кто-нибудь умирал.

При штабе бригады в качестве проводника находился молодой таджик Израэль, которого я хорошо изучил за время его службы в бригаде. На нем остановился мой выбор. Второго связного — Мамеда — порекомендовал председатель ревкома Умаров. Было решено, что Израэль пойдет в 1-й кавалерийский полк, а Мамед — в 3-й. Связные получили подробную информацию о расположении басмачей, о чем должны были рассказать командирам полков.

С наступлением темноты было сооружено два плота, каждый на четырех бурдюках. Плоты бесшумно спустили на воду. Я стоял на берегу. Внизу билась о камни бурная и стремительная Сурх-Об. В плавнях на все голоса стонали лягушки. На противоположном берегу басмачи жгли костры. Израэль и Мамед попрощались и скользнули вниз, в темноту. Через несколько минут вернулись красноармейцы, провожавшие их.

— Уплыли, — сказали они.

Еще с полчаса стояли мы над рекой, прислушиваясь,

не раздастся ли с того берега выстрел. Это означало бы, что все наши надежды оказались тщетными. Время тянулось очень медленно. Наконец кто-то сказал:

— Линию охранения миновали.

Мы вернулись в крепость и стали ждать...

Позже Исраэль рассказал, как им удалось выбраться из басмаческого кольца и найти полки.

Плоты были пущены с интервалом метров в тридцать. Темь была такая, что не видно было вытянутой перед собой руки. Плоты стремительно неслись вперед, раскачиваясь на волнах. Управлять плотом, не видя берега, было невозможно, и плот Исраэля снесло к левому берегу. Он понял это, когда у самой воды увидел костер и вокруг него нескольких басмачей. Один из них играл на дутаре¹. Остальные слушали, время от времени поглядывая на реку. Но вот один басмач встал и с винтовкой в руках подошел к самой воде. Однако после яркого огня костра он ничего не увидел и вернулся к товарищам...

Километрах в пятнадцати от Гарма, миновав линию охранения, плоты пристали к берегу у кишлака Намданек. Исраэль и Мамед пришли к аксакалу. Аксакал сказал, что всех лошадей забрали басмачи, и послал куда-то своих людей. Вскоре к кибитке подвели оседланного коня. Исраэлю путь предстоял более долгий, и он взял лошадь себе. Мамед пошел через горы пешком.

Уже на следующий день Исраэль разыскал Красильникова и передал ему мое приказание. За сутки этот мужественный человек без отдыха и пищи преодолел расстояние в 140 километров!

На рассвете 25 июня я, как обычно, перешел на дневной наблюдательный пункт на крепостной башне. Считая, что 1-й кавалерийский полк может прибыть не ранее завтрашнего дня, я был поражен, когда на дороге к кишлаку Науды увидел колонну кавалеристов. Один из эскадронов (позже выяснилось, что это был 3-й эскадрон Плотникова) отделился от общей колонны и поспекал в кишлак Шуле. Остальная колонна двигалась к кишлаку Видаки-Поен, где находился сам матчинский бек. До слуха донесся сигнал атаки, эскадроны на ходу перестраивались. Послышалось «ура», и конники ворвались в кишлак.

¹ Д у т а р — музыкальный инструмент.

Я приказал Дьяконову выкатить орудия. Заработали крепостные пулеметы. Басмачи в панике кинулись к кишлаку Шуле, чтобы уйти через горный проход в Матчу. Но в Шуле их встретили пулеметный огонь и клинки красноармейцев 3-го эскадрона Плотникова. Немногим басмачам удалось уйти в Матчу. В этом бою был взят в плен сам матчинский бек Абду-Хафиз.

В бою с матчинскими басмачами особо отличились командир 3-го эскадрона Плотников, командир пулеметного эскадрона Самойленко, командир батареи Дьяконов, помкомвзвода Кретов, отделенный командир Киселев, красноармейцы Сафиев Хамид, Файзулин Хабибула, наводчик Ковалев.

Но главным героем боя был каратегинский бедняк дехканин Исраэль. Своим спасением гарнизон Гарма был обязан ему.

* * *

Расчеты младобухарцев на победу басмачей в Каратегинском районе провалились. Усман Ходжаев снова стал продвигать на ответственные посты курбашей и бывших чиновников эмира. Но и мы многому научились и во время выборов в местные советы отводили, разоблачали на собраниях дехкан — ставленников Усмана Ходжаева.

Один из таких ставленников Усмана Ходжаева Нурмат-тохсаба приехал с пышной свитой ко мне в Гарм. Бывший полковник армии эмира долго в цветистых выражениях, типичных для дипломатов Востока, восхвалял меня и подвиги бригады, а потом спросил:

— Якуб-тюря, почему ты не хочешь, чтобы я был советским аксакалом?

Я ответил, что советских аксакалов выбирает народ.

— Как ты можешь быть советским аксакалом, если твой сын Абдулла — курбаши и воюет против Советской власти? — спросил я.

Нурмат ответил, что непослушный сын — не сын и что он сам готов поймать и выдать Абдуллу.

Главарь небольшой шайки Абдулла причинял много вреда, грабя и убивая советских работников. Я не верил Нурмату, но возможность взять Абдуллу казалась очень заманчивой. Ничего определенного не обещая Нурмату, я сказал, что приеду к нему.

Каменный дом Нурмата со множеством пристроек, окруженный садами и травянистыми полянами, напоминал богатое поместье. Меня и моих спутников встретили многочисленные слуги. Нурмат-тохсаба приказал постелить ковры от дороги до порога дома.

За традиционным пловом в присутствии многочисленных гостей Нурмат вновь завел разговор о том, что хочет служить Советской власти, и ругал своего сына, обещая заставить его прийти в Гарм.

Один из слуг, подносивший чай и сладости, шепнул мне:

— Абдулла здесь, в доме. Не верь Нурмату...

Когда после плова Нурмат пошел показывать мне свой сад, я приказал уполномоченному особого отдела Морозову окружить дом и никого не выпускать. Но уполномоченный был молод и неопытен. Заметив, как красноармейцы окружают дом, Нурмат что-то тихо сказал одному из наших спутников, и тот ушел.

К вечеру мимо уполномоченного особого отдела с женской половины дома прошли две закутанные в паранджу женщины. На поляне перед домом паслась привязанная на длинной веревке лошадь. Женщины подошли к ней и отвязали ее. Затем одна из женщин проворно вскочила в седло и ускакала. Как потом оказалось, это был переодетый Абдулла.

Морозов оправдывался тем, что ему было строго приказано с женщинами в разговоры не вступать. А Нурмат клялся, призывая в свидетели аллаха, что не знал о пребывании в доме сына.

Так не удалась наша попытка захватить Абдуллу. Но и Нурмату не удалось втереться в доверие к командованию бригады. Комиссар Логинов использовал этот случай, чтобы повысить бдительность личного состава бригады.

* * *

В течение всего лета 1921 года то в одном, то в другом районе Восточной Бухары вспыхивало басмаческое движение, искусно разжигаемое младобухарцами. И ошибка командования экспедиционным корпусом заключалась в том, что правобережный Локай в самом начале экспедиции не контролировался нашими частями. Туда уходили разбитые банды и, получив оружие

и лошадей, вновь выходили в экономически развитые районы Восточной Бухары.

3-я кавалерийская бригада действовала в Кулябском боерайоне и охраняла афганскую границу. Жара и малярия выводили из строя многих красноармейцев, непривычных к климату Средней Азии. Более 30 процентов личного состава бригады болело. Командир корпуса Ионов отозвал 3-й кавалерийский полк Лопатина и передал его в оперативное подчинение командира 3-й бригады в Кулябе.

К этому времени в Гарме сосредоточилась вся 1-я кавалерийская бригада. Но недолго пришлось нам быть вместе. Тяжелое положение в Кулябском районе вынудило Ионова направить на Файзабад — Куляб 1-й кавалерийский полк Красильникова, передав его в оперативное подчинение 3-й бригаде.

Дарвазский бек с Ишан-Султаном, воспользовавшись тяжелым положением наших частей в Кулябе, появились с 1000 всадников на левом берегу Сурх-Об и заняли кишлаки Лянгар, Махале и Хост.

Я решил раз и навсегда покончить с этой бандой. В моем распоряжении был 2-й кавалерийский полк и прибывший в Гарм батальон 8-го стрелкового полка под командованием Абрамова.

3 августа назначенные в операцию части бригады сосредоточились в саду гармского бека. Отсюда стрелковый батальон 3 августа вышел к мосту в восьми километрах западнее Гарма. Перейдя на левый берег Сурх-Об в полночь и миновав кишлак Чагдыбиен, батальон стал подниматься в гору на линию кишлаков Лянгар — Хост. В трех километрах от Лянгара в небольшой гранатовой роще бойцы увидели костер, вокруг которого сидя дремали басмачи сторожевой заставы. Сняв заставу, бойцы остановились в ожидании сигнала к общей атаке.

2-й кавалерийский полк под командованием Панкеева (сменившего раненого Роганова), перейдя мост, вошел в реку и двигался по воде вверх по течению Сурх-Об. У кишлака Тугак полк вышел на берег и скрытно охватил полукольцом позиции противника. Все это происходило ночью, незаметно для противника. К трем часам части были готовы к атаке. Дорогу на Дарваз перехватил 1-й эскадрон, закрыв басмачам единственный удобный для отхода путь.

По моему сигналу — трем разноцветным ракетам — части пошли в атаку. Зеленоватый воздух раннего рассвета еще не успел окраситься в голубые тона и темные вершины гор едва отделились от светлого неба, как, будоража предутреннюю тишину, по долинам прокатилось громовое «ура». Захлопали выстрелы, зацокали по камням подковы коней. Сонные басмачи, бросая оружие и лошадей, пытались выскользнуть из окружения. Когда долину осветили первые лучи солнца, все уже было кончено. Лишь немногим басмачам удалось укрыться в окрестных садах и кишлаках. Все утро бойцы стрелкового батальона, прочесывая местность, вылавливали беглецов. Главаря банды — Ишан-Султана не оказалось ни среди пленных, ни среди убитых.

Мы подозревали, что курбаши удалось добраться до кишлака и спрятаться в какой-нибудь кибитке на женской половине (позже мы узнали, что это было именно так), но приказ строго-настрого запрещал нам переступать порог ичкари¹. С Ишан-Султаном нам пришлось встретиться еще раз. Произошло это в районе Куляба.

В бою под Хостом особо отличились временно командовавший 2-м полком Панкеев, помкомвзвода Шестаков и красноармейцы Литвинов, Мешков и Даюба.

В Каратегине наступила пора относительного спокойствия. Население, особенно беднейшее, хорошо относилось к мероприятиям Советской власти. Политсостав бригады не только проводил широкую агитационно-массовую работу, но и участвовал практически в социалистических преобразованиях. Коммунисты и политработники следили, чтобы при разделе земель эмира и беков не была обижена беднота. Когда по всем крупным кишлакам снова открылись базары, политработники устраивали в базарные дни на площадях кишлаков митинги, на которых стали выступать местные жители, активно помогавшие нашим частям в борьбе с басмачами. Это была уже большая победа, ибо в те дни каждый дехканин, рискнувший открыто, во всеуслышание заявить о своем сочувствии Советской власти, рисковал быть убитым при первом же налете басмаческой шайки. С каждым днем все больше и больше людей становилось на нашу сторону, и это говорило о том, что труды

¹ Ичкари — женская половина дома.

политработников бригады во главе с комиссаром Логиновым не пропали даром.

К сожалению, сам Логинов этого уже не видел, так как после боя у Хоста уехал в Дюшамбе на лечение.

Мне хочется рассказать о таджике Довляте, любимце всей бригады. Ловкий и сильный воин, он не раз спасал нас от опасности, вовремя предупреждая о появлении банд. Довляту приходилось дважды переплывать реку Сурх-Об, течение которой настолько стремительное, что сбивает с ног коня.

Я обязан Довляту тем, что в бою под Хостом остался жив. Во время конной атаки басмач прицелился из винтовки мне в спину, но выстрелить не успел: подоспевший Довлят на скаку сразил его клинком.

Славный сын таджикского народа дехканин-бедняк Довлят был зверски замучен басмачами после нашего ухода из Гарма.

* * *

Положение в Кулябской долине на участке 3-й кавалерийской бригады продолжало оставаться напряженным. Басмачи Куляба распустили слух, что им на помощь идет турецкий генерал Сами-паша с офицерами и афганскими добровольцами. Слухи эти подтвердились. С Памира действительно спустился отряд в 1200 всадников и сосредоточился в Товиль-Дора.

Сами-паша разрушил карнизы у Чилдара, занял перевал Камчирак и оставил здесь 750 всадников под командованием Ишан-Султана. Таким образом он хотел сохранить для себя пути отхода.

Отряд Ишан-Султана оборудовал позиции на обратных скатах перевала. К позициям противника вел километровый спуск, на котором негде было укрыться от пуль обороняющихся басмачей.

Остальные силы Сами-паши сосредоточились в кишлаке Педау-Ду, где басмачи, ожидая наступления наших войск с юго-запада, также возводили укрепления.

Получив эти сведения, я приказал Панкееву с одним эскадронном и четырьмя пулеметами овладеть перевалом Камчирак. В течение четырех дней эскадрон вел упорный, но безуспешный бой.

В Гарм прибыл командир корпуса Ионов. Он сообщил нам, что в Кулябской долине сложилось крайне

тяжелое положение. Необходимо как можно быстрее закончить с противником на перевале Камчирак и направить 2-й кавалерийский полк с батареей Дьяконова на помощь 3-й кавалерийской бригаде.

Направив на перевал остальные эскадроны 2-го кавалерийского полка и полубатарею, штаб бригады также направился туда. Пошел на перевал и Ионов со своим комендантским эскадроном. На перевале нас встретил Панкеев и доложил обстановку. Было принято решение немедленно начать атаку.

Под прикрытием огня батарей эскадроны спешили в атаку. Ионов и Панкеев шли в первых рядах, в самом начале боя были ранены и скатились вниз под откос, почти к самой линии окопов противника. Чтобы спасти их, эскадроны бросились вперед. Басмачи, не приняв рукопашного боя, оставили окопы, бросив своих раненых и убитых. Эскадроны преследовали басмачей в пешем строю, не ожидая, пока коноводы подадут лошадей. Ишан-Султан успел перейти через Оби-Хингоу у кишлака Товиль-Дора и поджечь мост.

Ночь застала бригаду в кишлаке Чиль-Дора. Эскадроны заготавливали лес для наведения нового моста.

Ишан-Султан тем временем сообщил Сами-паше о потере перевала. Над всей группировкой басмачей, ожидавших наши части с юго-востока, нависла угроза с северо-запада. Сами-паша оставил в Педау-Ду ненужные ему больше укрепления, продовольствие и фураж и бежал в Калаи-Хумб.

На рассвете бригада переправилась по новому мосту и быстро прошла вдоль реки Як-су в Бальджуанский район. В кишлаке Педау-Ду усталые бойцы нашли много фуража и продовольствия, собранного басмачами.

Не задерживаясь в Педау-Ду, бригада форсированным маршем пошла в Бальджуан и ночью достигла кишлака Ховалинг. На рассвете ко мне привели двух стариков таджиков. Один из них подал мне записку от Красильникова. Командир полка писал: «Местные жители сообщили мне, что в Ховалинг пришла какая-то часть Красной Армии. Не могу понять, откуда она могла прийти. Прошу командира сообщить, что это за часть». Таким образом, наш стремительный переход оказался неожиданным не только для Сами-паши, но и для Красильникова.

Я передал приказание Красильникову к 10 часам прибыть в кишлак Джахли на соединение с главными силами бригады.

Появление в Кулябском районе еще одной бригады резко изменило обстановку. В течение нескольких дней полки 3-й и 1-й кавалерийских бригад разгромили басмаческие банды.

* * *

В конце августа я получил приказ командующего Туркестанским фронтом М. М. Лазаревича, в котором мне предписывалось вступить в командование экспедиционным корпусом (Ионов находился в госпитале).

Выезжая в Дюшамбе, где стоял штаб корпуса, я думал о том, что пора позаботиться о запасах продовольствия и фуража на зиму, причем сделать это нужно было заблаговременно, до наступления дождей.

Организационные мероприятия заняли весь сентябрь. В Восточной Бухаре было спокойно, но я знал, что спокойствие это относительное: эмир за границей продолжал сколачивать басмаческие банды и тайно засылал на нашу территорию оружие своим сторонникам.

В конце сентября командующий фронтом приказал мне вывести 1-ю Туркестанскую кавалерийскую дивизию из Восточной Бухары, так как-де на смену ей из Дюшамбе подошла 3-я стрелковая бригада. Приказ этот был ошибочным. В условиях маневренной партизанской войны стрелковые части не могли заменить кавалерию. И, пожалуй, в результате именно этой ошибки командующего фронтом, а также предательства младобухарцев еще на несколько лет затянулась кровопролитная борьба, разгоревшаяся в Восточной Бухаре после ухода кавалерийских бригад.

Выполняя приказ, дивизия походным порядком выступила на Байсун и далее по Термезскому тракту на Самарканд. Здесь на основании приказа штаба Туркестанского фронта от 4 августа 1921 года за № 972/525 1-я Туркестанская кавалерийская дивизия была расформирована и из части ее сил сформирована 1-я отдельная Туркестанская кавалерийская бригада.

5-й и 6-й кавалерийские полки дивизии целиком вошли в состав бригады под номерами 1-й и 2-й. Из конно-

артиллерийского дивизиона была создана 1-я отдельная конно-горная батарея под командованием Дьяконова.

3-й и 4-й кавалерийские полки (2-я бригада дивизии) были направлены в Хорезм и сведены в один кавалерийский полк 2-й Туркестанской стрелковой дивизии.

Приказом Народного комиссара по военным и морским делам РСФСР я был назначен командиром 1-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригады.

В сентябре в бригаду прибыл военком Николай Дмитриевич Ратников — человек огромной воли и энергии.

Так закончились Гиссарская экспедиция и освободительный рейд в Восточную Бухару.

1-й и 2-й кавалерийские полки 1-й Туркестанской кавалерийской бригады за 1920—1921 годы прошли с боями через Фергану и Восточную Бухару. Преодолевая горные перевалы, переправляясь через стремительные реки, стойко и самоотверженно перенося лишения и тяготы походной жизни, бригада с честью выполняла все задачи, которые перед ней ставились. Полки бригады вступили в Восточную Бухару как освободители трудящихся масс от гнета эмира и его беков и прошли по ней как проводники великих идей Коммунистической партии и ленинской национальной политики.

За особо успешные действия в борьбе за освобождение Алайской долины 1-му кавалерийскому полку было присвоено наименование Алайский. Полк был награжден почетным Революционным Красным Знаменем.

За проявленную стойкость и мужество при обороне Байсуна и взятие крепости Гиссар 2-й кавалерийский полк был также награжден почетным Революционным Красным Знаменем. Полку было присвоено наименование Гиссарский.

1-я конно-горная батарея 1-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригады за успешные действия в операциях Гиссарской экспедиции, в частности в боях 16 февраля 1921 года близ кишлака Миршаде и 24, 26 и 28 мая того же года у Пвли-Сангинского моста, Гули-Зиндака и Гарма, была награждена почетным Революционным Красным Знаменем.

8-й Туркестанский стрелковый полк за боевые отличия в успешно проведенной Гиссарской экспедиции, в частности в боях 19 декабря 1920 года у Як-Кабада и

21 февраля 1921 года у Дюшамбе, был награжден почетным Революционным Красным Знаменем.

За мужество и стойкость, за умелые действия в операциях Гиссарской экспедиции Советское правительство наградило высшей боевой наградой — орденом Красного Знамени: командира 1-го кавалерийского полка Красильникова, комиссара полка Жукова, командиров эскадронов Тартышева, Сгибнева, Плотникова, Кравцова, начальника штаба полка Корюкова, командиров взводов Ермолаева, Киселева, помкомвзвода Кротова, красноармейцев Батурина, Коханова, Цырана, Файзулина, Софиева, Виниченко, Шеметова.

Во 2-м кавалерийском полку орденом Красного Знамени были награждены: командир полка Панкеев, комиссар полка Раппопорт, командиры эскадронов Ломакин и Нестеров, командир отделения Щербинин, красноармейцы Литвинов, Мешков, Дзюба, Дедов, помкомвзвода Шестаков.

Орденом Красного Знамени были награждены: Дьяконов, чья батарея сопровождала полки во всех боях и на всех переходах, командир орудия Криницын и наводчик Ковалев.

Правительство РСФСР и правительство БНСР сочли возможным отметить и мои заслуги, наградив меня орденом Красного Знамени и орденом Бухарской республики I степени.

Всего в бригаде было награждено 43 человека.

Революционный Военный совет Туркестанского фронта присвоил частям 1-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригады за боевые подвиги по разгрому эмира и его банд в Гиссарской экспедиции новую форму — малиновые чикчиры с желтым кантом и малинового цвета головные уборы: для командного состава — фуражки, для красноармейцев — бескозырки.

В канун нового, 1922 года 1-я отдельная Туркестанская кавалерийская бригада сосредоточилась в Самарканде, готовая выступить для выполнения новых боевых заданий.

ВТОРОЙ ПОХОД В ВОСТОЧНУЮ БУХАРУ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО МЛАДОБУХАРЦЕВ

К началу 1922 года войска Туркестанского фронта продолжали подавлять очаги басмаческого движения. 1-я Туркестанская стрелковая дивизия вела босвые действия в Хорезме и Кара-Кумах против банд Джунаид-хана. Части 2-й Туркестанской стрелковой дивизии и 2-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригады (бывшая 3-я кавалерийская дивизия) вели ожесточенные бои с Муэтдин-беком в Алайских горах, с Рахманкулом в горах Ангрендау и с курбашами Юлчи, Ярмат-Максумом, Исламкулем и Парпи — в Ферганской долине. В Западной Бухаре против Абдукагара оперировали 10-й Уманский, 17-й Нижегородский и 1-й Бухарский отдельные кавалерийские полки. В Самаркандском боерайоне 4-я Туркестанская

стрелковая дивизия и 1-я отдельная Туркестанская кавалерийская бригада громили банды Халбуты и матчинского бека.

Общая политическая обстановка — переход на сторону революции подавляющего большинства трудящихся Средней Азии — позволила сократить численность советских войск: кавалерийские дивизии были реорганизованы в отдельные кавалерийские бригады, в стрелковых дивизиях стало по три полка (до этого в дивизии было девять стрелковых полков), не считая артиллерийского полка и отдельного кавалерийского эскадрона. И если бы не двурушническая, предательская политика младобухарцев, с басмачеством можно было бы покончить в течение одного года, что позволило бы приступить к социалистическому строительству. Но это не входило в планы буржуазных националистов.

В правительстве Бухарской Народной Советской Республики по-прежнему было засилие буржуазных элементов, которые продолжали разрушительную работу, начатую ими с первых же дней прихода к власти. Среди одиннадцати членов бухарского правительства не было ни одного рабочего или дехкана. В таких условиях представителям молодой Коммунистической партии Бухары было трудно бороться с сильной буржуазной оппозицией, которая для достижения своей цели — отторжения Бухары от Советской власти — не гнушалась никакими средствами вплоть до кровавого террора и политического предательства.

Младобухарцы вели тонкую игру, которую не всегда удавалось вовремя разгадать. С одной стороны, младобухарцы не хотели полной реставрации монархического строя во главе с эмиром, так как это лишило бы их власти, с другой стороны, они продолжали тайно поддерживать басмачей, надеясь их руками подавить пробудившееся революционное самосознание народа.

Младобухарцы всячески стремились оградить коренное население от общения с русскими. Политическая работа, которую вели советские войска среди трудовых масс дехкан, пугала младобухарцев куда больше, чем басмачи, которых можно было привлечь на свою сторону, хорошо заплатив им или предоставив высокие должности. Именно так и пытались сделать Аминов и

Файзулла Ходжаев. В письме к представителю крупной национальной буржуазии Кары-Абдулле и его сообщникам они писали буквально следующее: «Вы с начала бухарской революции много работали, но в тот момент, когда предполагалось выдвинуть вас на весьма важный пост по военным делам, вы, обманываясь уговорами некоторых бессовестных лиц, расстались с нами. Приезжайте, ваши заблуждения вам будут прощены».

В своем ответе младобухарцам Кары-Абдулла сетовал на то, что большевики уничтожили «достояние золота» и начали осуществлять идеи «большевизма и коммунизма». А это, конечно, не нравилось Кары-Абдулле. Из этой переписки, захваченной нашими частями при разгроме басмаческих шаек, видно, какими методами действовали младобухарцы, чтобы привлечь на свою сторону преступные элементы.

Бухарская революция, проведенная под руководством Коммунистической партии Бухары при помощи русского народа, поведение наших войск в Восточной Бухаре оставили в умах населения Туркестана неизгладимый след. Трудовые массы дехкан увидели, что дала им революция и кто им настоящий друг, а кто враг. Обманывать народ младобухарцам становилось все труднее. Из памяти народа невозможно было вытравить сердечные встречи с красноармейцами, совместную борьбу против банд эмира во время Гиссарской экспедиции. И младобухарцы разработали новый план, к осуществлению которого они приступили сразу же после вывода наших войск из Восточной Бухары.

В первые дни революции под напором коммунистов Бухарское правительство приняло декрет о земле и воде. Этим декретом земля и вода передавались в руки народа. Опираясь на декрет, наши войска разъясняли дехканам их права. Но как только части Красной Армии покинули пределы Восточной Бухары, ставленники младобухарцев в ревкомах стали нарушать декрет. Баи и ишаны вернулись в свои поместья и при помощи басмачей начали вершить кровавые дела. На дорогах стояла пыль, поднятая шайками басмачей, пылали кишлаки, корчились в муках на виселицах лучшие сыны таджикского народа. Дехкан, которые сочувственно относились к Советской власти, басмачи пытали и казнили. Стон стоял над долинами Восточной Бухары. И этот стон

муллы пытались заглушить молитвами, угрожая проклятиями тем, кто поднялся на борьбу за свою свободу.

Терроризируя и убивая дехкан, басмачи пытались доказать, что сила на их стороне, что от Красной Армии нельзя ждать помощи. Во время казни на базарной площади в Оби-Гарме аксакала Ахназара мулла говорил: «Где же твои русские друзья? Почему они не идут к тебе на помощь? Они смутили умы правоверных богопротивными речами, а сами ушли, испугавшись гнева аллаха...» А в это время басмачи, пытая аксакала, кричали: «Земли тебе?» — и набивали его рот землей. — «Воды захотел?» — и полуживого старика бросали в хауз. И в завершение истерзанного пытками аксакала повесили. На казнь было согнано все население Оби-Гарма. Люди стояли, опустив головы, и, вероятно, у многих мелькала мысль: «В самом деле, почему ушли русские? Почему они не захотели защищать нас?»

Младобухарцы скрывали от населения, что это они настояли на уходе наших войск, что договор, который правительство Бухары заключило с правительством РСФСР, предусматривал пребывание советских войск в Восточной Бухаре только в течение 1921 года. Верное ленинской национальной политике, обеспечивающей всем нациям право на самоопределение вплоть до отделения, командование Туркестанского фронта не могло держать войска в Восточной Бухаре вопреки воле Бухарского правительства. В то время еще не было достаточно веских доказательств того, что младобухарцы стали на путь предательства интересов собственного народа и революции, преследуя свои буржуазно-националистические цели.

Террором и насилием временно можно было подавить открытое сопротивление трудящихся масс, но нельзя было заставить эти массы вести борьбу за чуждые им интересы младобухарцев.

Не доверяя басмачам и опасаясь собственного народа, младобухарцы искали такую силу, на которую они могли бы опереться, не боясь, что она сама будет претендовать на власть. Найти ее можно было только за пределами Бухары. Таким образом, младобухарцы не останавливались даже перед интервенцией.

В сентябре 1920 года в Баку заседал 1-й съезд народов Востока. Сюда приехал и Энвер-паша. Колоритная

фигура Энвер-паши, этого авантюриста международного масштаба, обладавшего огромным честолюбием и властолюбием, привлекла внимание младобухарцев, смотревших на него как на «деятеля», который может им впоследствии пригодиться.

— Незадолго до первой мировой войны Энвер-паша окончил германскую академию генерального штаба в Берлине. Он был женат на дочери турецкого султана и поэтому пользовался особым положением на Востоке, где турецкий султан почитался в качестве наместника Магомета на земле. Не лишенный некоторых способностей, Энвер-паша был одним из лидеров младотурок, военным министром и фактическим диктатором Турции. Во время первой мировой войны, когда Турция выступила на стороне Германии, Энвер-паша предпринял крупное наступление с целью окружения и уничтожения русской Кавказской армии. Его политические планы простирались очень далеко. Энвер стремился поднять на восстание мусульман Закавказья и объединить тюркские народности России и Персии под скипетром турецкого султана — халифа. В своих политических выступлениях Энвер-паша говорил о наступлении в скором будущем небывалого расцвета Оттоманской империи. Но предсказания Энвера не сбылись. В Саракамышской операции 1914 года русские войска наголову разгромили противника. 3-я турецкая армия потеряла 70 000 из 90 000 солдат. В 1918 году, после поражения в войне султанской Турции, Энвер-паша бежал из страны, опасаясь гнева своего народа. Два года скитался он по странам Востока, выискивая новые возможности для своих авантур.

В Баку Энвер-паша обратился к делегатам съезда с письменным заявлением, в котором объявлял себя сторонником национальной политики коммунистов. Это был ловкий ход. Заявляя о своем сочувствии бухарской революции, принимая на словах национальную программу большевиков, Энвер-паша имел в виду только один пункт этой программы: право наций на самоопределение вплоть до отделения. И Энвер-паша начал вынашивать планы создания нового мусульманского государства из народов Персии, Афганистана и Бухары. Себя, конечно, он видел во главе этого государства.

Делегацию Бухары на съезде возглавлял лидер младобухарцев Файзулла Ходжаев. Сын крупнейшего бухарского купца, самого богатого после эмира человека, Файзулла Ходжаев получил высшее образование в Париже и, вернувшись в Старую Бухару, стал одним из организаторов партии младобухарцев. Впоследствии Файзулла Ходжаев вступил в Коммунистическую партию, но до последнего дня оставался буржуазным националистом.

Встретив на съезде Энвера, Ходжаев увидел в нем человека, способного помочь младобухарцам прийти к власти. А Энвер в свою очередь решил использовать младобухарцев для осуществления своих планов. Переговоры между Файзуллой Ходжаевым и Энвер-пашой держались в тайне от коммунистов бухарской делегации. Файзулла Ходжаев встречался с Энвер-пашой несколько раз, и в результате переговоров Энвер-паша в ноябре 1921 года прибыл в Старую Бухару.

Младобухарцы устроили Энверу пышную встречу. На митинге, организованном в его честь, председатель профсоюзов Бухарской Народной Советской Республики, отъявленный националист Кури-Джавад торжественно объявил:

— Слово предоставляется руководителю революционеров всего мира — Энвер-паше.

Трудящиеся революционной Бухары, присутствовавшие на митинге, закричали:

— Мы знаем одного вождя революции — Ленина!

Молодежь немедленно окружила трибуну и не пропустила к ней Энвера, и он вынужден был говорить из своей машины. Речь Энвера была насквозь демагогической и неоднократно прерывалась возгласами:

— Долой!..

— Хватит болтать!

— Забирай свой чемодан и возвращайся в Стамбул!

Однако, несмотря на такую встречу, младобухарцы предложили Энверу пост главнокомандующего вооруженными силами республики. Так младобухарцы стали осуществлять план укрепления своей власти.

В годы первой мировой войны в Средней Азии оказалось много турецких военнопленных — офицеров и солдат. После приезда Энвер-паши они стали съезжаться в Бухару. Не заинтересованные в благополучии

страны и ее народа, турецкие военнопленные охотно шли на службу к младобухарцам, соблазняемые высокими окладами и должностями. Разумеется, вербовка турецких офицеров на службу, главным образом в органы милиции, проводилась младобухарцами скрытно.

Выступая перед трудящимися Старой Бухары с официальными речами, Энвер-паша заявлял, что он стоит за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, и в то же время совместно с младобухарцами развертывал подпольную работу, направленную на ликвидацию Советской власти.

В Старой Бухаре Энвер-паша жил на квартире назира по иностранным делам Якуб-Заде. Почти ежедневно между Энвер-пашой и председателем Совета назиров Бухарской республики Файзуллою Ходжаевым происходили встречи и беседы.

В результате всех этих закулисных приготовлений к перевороту и ликвидации народной власти во главе милиции Старой Бухары оказался турецкий полковник Али-Ризо-эфенди, а начальниками областных отделов милиции — турецкие офицеры и политические авантюристы. С одним из них я случайно встретился в конце 1921 года в Дюшамбе.

Встреча произошла на квартире у председателя Диктаторской комиссии. В комнату, где мы сидели, вошел одетый по-таджикски человек. Вежливо поздоровавшись, он весь вечер был очень сдержан, по-таджикски говорил мало. Было заметно, что ему стоит больших усилий правильно строить свою речь, в которой, несмотря на все его старания, слышался турецкий акцент. Я прямо спросил его, кто он такой. За него поспешил ответить Усман Ходжаев, представив незнакомца как начальника областной милиции. На мои другие вопросы начальник милиции вежливо ответил, что пришел к председателю Диктаторской комиссии по делу и что на вопросы, касающиеся выяснения его личности, он готов ответить у себя дома, и тут же пригласил меня к себе. Я принял приглашение и через несколько дней направился к нему.

У калитки огромного фруктового сада меня встретили два милиционера, в которых не трудно было узнать турок. Они повели меня по расчищенным дорожкам, обсаженным розами. По пути я увидел, как ка-

кой-то мужчина с внешностью евнуха, расставив руки, гнал перед собой к калитке, расположенной в глубине сада, молодых женщин. Женщины, не обращая внимания на его сердитые покрякивания, с любопытством оглядывались, улыбались, а одна, уходя на женскую половину, помахала мне рукой.

На берегу хауза стояла большая шелковая палатка. Из нее вышел начальник милиции в дорогом халате и, приветствуя меня по восточному обычаю, пригласил войти. В палатке еще сохранился аромат розового масла и других пряностей, которыми обычно пользовались восточные красавицы в богатых гаремах. Беспорядочно разбросанные по ковру подушки говорили о том, что хозяин дома до моего прихода коротал время со своими наложницами.

Очевидно желая польстить мне, хозяин сказал:

— Мужчину славят не красота, а его боевые подвиги. Как видите, мои жены не остались равнодушны к вашей славе, Якуб-тюря.

Я ответил, что отношение к славе в Красной Армии иное, чем в других армиях, и добавил:

— Я с большим удовольствием отказался бы от возможности прославить свое имя ради спокойствия и мирного процветания таджикского народа. Но, к сожалению, действия басмачей, поддерживаемые авантюристами и предателями, заставляют меня выполнять свой воинский долг.

Разумеется, разговаривая, мы улыбались, настороженно следя при этом за каждым словом и жестом друг друга. Во время обеда нам прислуживали три переодетых милиционера, которые разговаривали с хозяином по-турецки.

— Вы не удивляйтесь, что я говорю по-турецки, ведь я турок, — сказал хозяин. — Я родился и жил в Константинополе. По профессии я журналист. Мое имя, Сурия-эфенди, широко известно в турецкой прессе.

И Сурия-эфенди рассказал, что в начале империалистической войны он был призван в армию, окончил офицерскую школу, участвовал в боях и под Ардаганом был взят в плен 1-м Сибирским казачьим полком. Рассказывал он обо всем довольно подробно, но всячески обходил вопрос о том, за какие заслуги перед бухарским народом его назначили начальником областной милиции.

— Для военнопленного вы устроились неплохо, — сказал я. — Ишаны и беки вряд ли жили богаче вас. Очевидно, нужно много денег, чтобы содержать такой дом.

С точки зрения восточного гостеприимства мои слова были величайшей дерзостью. Но я сознательно шел на нарушение этикета, желая узнать, что скрывается за внешней вежливостью этого турецкого наймита.

Сурия-эфенди помолчал, затем, не поднимая глаз, заговорил:

— Здесь я приобрел вторую родину. Бухара стала для меня дороже Константинополя. Я благодарен бухарскому правительству, которое высоко оценило мою службу ему.

Я понимал, что Сурии-эфенди стоит большого труда разыгрывать роль гостеприимного хозяина.

На женской половине играли на лютне и пели. Сурия-эфенди, многозначительно улыбнувшись, неожиданно сказал:

— Мужскую серьезность скрашивает женское легкомыслие, не пригласить ли сюда женщин?..

Он пристально смотрел на меня и, чтобы объяснить это странное на Востоке предложение, сказал:

— Я человек просвещенный и только внешне соблюдаю местные обычаи, чтобы не оскорблять чувств простого народа.

Мне стало совершенно ясно, что представляет собой Сурия-эфенди. Но он был на службе у правительства Бухары, и я не вправе был поступить с ним так, как он того заслуживал. От его предложения я отказался и, попрощавшись с хозяином, ушел. Уезжая из Дюшамбе, я попросил председателя ревкома Нусратуллу-Максума тщательно следить за начальником милиции.

КОНТРЕВОЛЮЦИОННОЕ ВОССТАНИЕ В ВОСТОЧНОЙ БУХАРЕ

Младобухарцы твердо держали курс на отторжение Бухарской республики от Советского Туркестана и образование своего буржуазного государства. Но среди младобухарцев не было единства: одни стояли за не-

медленное открытое выступление и свержение советского строя, другие придерживались политики выжидания. В борьбе за власть лидеры младобухарцев враждовали между собой, в правительстве плелись бесконечные интриги, что было на руку любителям ловить рыбку в мутной воде. Единственной силой, которая могла бы навести в Бухаре порядок, была Бухарская коммунистическая партия. Но деятельность коммунистов в правительстве была сильно ослаблена возникшим в партии правым уклоном.

Честные советские работники и коммунисты всячески препятствовали двурушнической, предательской политике младобухарцев и блокировавшихся с ними правых уклонистов. Там, где большевиков не было или влияние их на трудящиеся массы ослаблялось правыми уклонистами, младобухарцам удавалось развернуть свою деятельность. Особенно прочно младобухарцы чувствовали себя в только что освобожденных районах Восточной Бухары.

* * *

Вслед за частями 1-й Туркестанской кавалерийской дивизии из Восточной Бухары была выведена 3-я стрелковая бригада. В Дюшамбе временно задержался только 8-й Туркестанский стрелковый полк. Уход наших частей, активизация басмачества, подстреканного из-за рубежа эмиром, кровавый террор против трудового населения — все это показалось наиболее реакционно настроенным младобухарцам самым подходящим моментом для открытого выступления против политики Коммунистической партии. Они поспешили возглавить контрреволюционные действия ишанов и беков, чтобы не оказаться последними при дележе пирога.

В декабре 1921 года басмачи окружили Дюшамбе. В городе, кроме 8-го стрелкового полка, стояли национальный отряд Данияра и подразделения областной милиции Сурия-эфенди. Один из батальонов 8-го стрелкового полка охранял бекский дворец, два других располагались на окраине города, в районе больницы, переполненной больными малярией бойцами. Командир полка Мартыновский договорился с Данияром и Сурия-

эфенди, что они прикроют стыки между батальонами. Таким образом обеспечивалась круговая оборона города и можно было спокойно ожидать помощи. Но Мартыновский не знал, что его полк оказался в центре контрреволюционного заговора.

Командир направленного из Старой Бухары сильного национального отряда начальник милиции Али-Ризо-эфенди получил указание разоружить по дороге преданных Советской власти бойцов отряда, перейти на сторону басмачей и совместными усилиями овладеть Дюшамбе.

Одновременно с выступлением отряда Али-Ризо-эфенди в бекский дворец к командиру 3-го батальона явился ночью Данияр. И командир батальона и бойцы знали Данияра по совместному походу во время Гиссарской экспедиции. Но они не знали, что мелкобуржуазная душонка этого человека уже несколько месяцев тому назад привела его в лагерь врагов революции.

Данияр сказал командиру батальона, что получен приказ о выводе 8-го стрелкового полка из Восточной Бухары. Комбат знал, что в Дюшамбе полк оставлен временно и что приказ о выступлении ожидается с часу на час, поэтому сообщение Данияра не вызвало у него никакого подозрения. Затем Данияр сказал, что басмачи, напуганные приближением отряда Али-Ризо-эфенди, отошли от Дюшамбе.

— Все оружие передадите нам для формирования нового национального отряда, — продолжал Данияр, якобы передавая содержание приказа. — Через час полк сосредоточивается у больницы, откуда выступит походным порядком на Байсун. К больнице уже прибыли арбы для больных и продовольствия.

Пока Данияр разговаривал с комбатом, люди его отряда оказались у пирамид с винтовками и никого из красноармейцев к ним не подпускали. О том, что Данияр был в заговоре с курбашами шаек, окружавших Дюшамбе, никто не сомневался, и поэтому красноармейцы расположились в бекском дворце так, как располагаются обычно в казармах.

Предательство Данияра вскоре обнаружилось. К комбату стали подходить начальники караулов, докладывая, что, согласно его приказу, посты переданы мили-

ции. Но предпринять что-нибудь против Данияра было уже невозможно. Бекский дворец оказался окруженным, и батальону под дулами винтовок было приказано собраться в саду. Данияр же и Сурия-эфенди со своими людьми направились к больнице, намереваясь разоружить и остальные батальоны.

Однако провести командира полка Мартыновского Данияр не рассчитывал и решил действовать грубой силой, тем более что теперь на его стороне было большое численное превосходство. Но, как только отряды Данияра и Сурия-эфенди стали подходить к больнице, по ним неожиданно был открыт огонь. Оказывается, несколько бойцов разоруженного батальона, рискуя жизнью, добрались до штаба полка раньше Данияра и успели предупредить Мартыновского о предательстве. Командир полка понимал, что в создавшихся условиях самое правильное — оставить город, превратившийся в центр контрреволюционного восстания в Восточной Бухаре. Ведя уличные бои, полк прорвался на дорогу в Байсун, освободив по пути разоруженный батальон.

Об этом переходе 8-го Туркестанского стрелкового полка в Байсун следует рассказать подробнее.

Горные дороги размыло дождями. Реки несли мутные потоки воды. Там, где еще недавно были броды, образовались глубокие стремнины. Полк шел без обозов, без запасов продовольствия. Треть бойцов в полку были больны и не могли двигаться самостоятельно. Их несли на закорках красноармейцы 3-го батальона. Стычки с басмачами и преследовавшими полк конными бандами Данияра сильно замедляли движение.

Подходя к узким дефиле, командир полка, опасаясь засад, высылал на окрестные высоты заставы, и нередко эти заставы занимали намеченные позиции, предварительно выбив с них басмачей. А пока заставы вели бой, голодные и измученные бессонницей красноармейцы ложились под дождем прямо на дороге и засыпали. Но и такой отдых был очень коротким, и движение возобновлялось. Неоднократно наперерез полку выходили крупные шайки, и приходилось вести тяжелые бои на прорыв. В таких случаях больных и раненых сносили в горную расщелину, оставляли с ними нескольких здоровых красноармейцев и всем полком бросались в атаку. Затем забирали оставленных товарищей и снова

шли вперед. Когда же полк выходил в открытую долину, на него со всех сторон налетали конные банды. Тогда батальоны выстраивались в каре, в центре помещали больных и безоружных и, отразив атаку, продолжали неуклонно двигаться вперед.

Непреклонная стойкость и мужество красноармейцев вселяли в басмачей суеверный страх. Худые от голода, босые, в лохмотьях, шли бойцы по дорогам, внушая ужас врагам и вызывая сочувствие друзей. Рискуя жизнью, дехкане кишлаков, через которые проходил полк, снабжали бойцов продовольствием и одеждой.

Никогда не забудут участники этого похода, как из-за дувала вдруг перелетал мешок риса или в открывшуюся щель калитки просовывалась рука с лепешкой или горстью урюка. Оказывалась помощь и более существенная. Нередко, покинув кишлак, бойцы неожиданно находили на дороге котлы с пловом, приготовленным чьими-то заботливыми руками, или груды халатов, принадлежавших ранее, судя по многочисленным дырам, беднякам. Но и этим, от сердца отданным халатам красноармейцы были рады.

Так с непрерывными боями полк пришел в Байсун.

* * *

Восстание в Восточной Бухаре разгоралось.

Банды Данияра насчитывали уже до трех тысяч всадников. Обуреваемый честолюбивыми замыслами, Данияр объявил себя беком. Восстание развивалось под лживым лозунгом: «За веру ислама, против неверных джадидов, за попранные права народа». Джадидами главари восстания называли коммунистов и ту часть младобухарцев, которая считала восстание преждевременным, раскрывающим их политические цели. Делалось это вполне сознательно. Смешивая в одну кучу коммунистов и предателей интересов народа младобухарцев (джадидов), главари восстания стремились внести в умы неграмотных дехкан путаницу и смятение.

Восставшие захватили большие запасы продовольствия и фуража, собранные и оставленные в Дюшамбе 1-й Туркестанской кавалерийской дивизией. Это обеспечивало бесперебойное снабжение мятежников и избав-

ляло их от необходимости силой отбирать продовольствие и фураж у дехкан, в массе своей не сочувствовавших восстанию.

Коммунистической партии Бухары удалось разоблачить матерого предателя Мухитдина-Максума, который, занимая пост председателя ЧК Бухарской республики, вел тайную переписку с басмачами. Когда Мухитдину стало известно, что компрометирующие его документы известны ЦК партии, он бежал из Старой Бухары и присоединился к мятежникам. Восстание возглавил Кары-Абдулла, называвший себя «главнокомандующим газо, бухарским революционером». Его ближайшими помощниками были Каркуль-Батыр и Данияр-бек.

К февралю 1922 года у мятежников было до 15 000 джигитов. Главари восстания всячески старались привлечь на свою сторону басмаческих курбашей, и многие шайки действительно примкнули к ним. Выжидательную позицию заняли басмачи Локая во главе с Ибрагим-беком, который сам стремился к власти и не собирался идти на службу к Кары-Абдулле.

Из Восточной Бухары восстание перекинулось в Среднюю. Военный назир Шахрисябзского вилайета объявил себя сторонником «газо» и вместе с навербованными басмачами стал угрожать городу Старая Бухара.

За ходом восстания зорко следил Энвер-паша. Он, как и Ибрагим-бек, был далек от мысли служить младобухарцам. Энвер-паша выжидал, когда можно будет объединить все контрреволюционные силы и, встав во главе их, осуществить свой план создания великой мусульманской империи под эгидой турецкого султана, которым он уже видел себя.

Правительство Бухарской республики было напугано размахом восстания. Лидеры младобухарцев опасались, что в результате восстания власть перейдет в руки басмачей, а сами они останутся у разбитого корыта. Младобухарцам следовало обратиться к народу, решительно начать социалистические преобразования и, наконец, призвать на помощь войска Советского Туркестана. Но народа и Красной Армии младобухарцы боялись не меньше, чем басмачей.

Коммунистическая партия Бухары, занятая тяжелой борьбой с правыми оппортунистами, оказалась не в состоянии очистить правительство от предательских буржуазно-националистических элементов. Все усилия коммунистов были направлены на то, чтобы сохранить боеспособность молодых национальных частей Бухарской республики. Эта огромной важности задача была поручена заместителю военного назира большевику Николаю Андреевичу Веревкину-Рахальскому. Веревкин-Рахальский делал все, чтобы оградить революционные части от проникновения в них предателей. И в том, что большинство этих частей остались верными революции, немалая его заслуга. Одним из ближайших помощников Веревкина-Рахальского в создании национальных частей был командир 1-го Бухарского кавалерийского полка Ибрагим Павлович Бикжанов, окончивший Военные национальные курсы, созданные по инициативе М. В. Фрунзе.

* * *

Выше я уже писал, что гарнизон Самаркандского боерайона составляли полки 1-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригады и 4-й Туркестанской стрелковой дивизии. Начальником гарнизона был командир дивизии Г. Д. Базилевич.

Перед 1-й отдельной кавалерийской бригадой стояла задача ликвидировать мелкие шайки местных курбашей. Для координации политических и военных действий, а также для пресечения незаконных действий отдельных командиров Красной Армии была создана специальная комиссия по борьбе с басмачеством. В эту комиссию входили представители военных и гражданских властей, а также представители ЧК.

В начале 1922 года в Самарканд стали доходить тревожные слухи о положении в Восточной Бухаре. Их распространяли беженцы, покинувшие родные места из-за господствовавшего там кровавого террора. Просачивались эти слухи и официальным путем.

Бойцы бригады волновались и часто говорили: «Что же это такое? Сколько наших товарищей погибло при освобождении Восточной Бухары! Выходит, все зря?»

Почему вывели бригаду? Если бы мы были там, все было бы спокойно».

Мы терпеливо разъясняли бойцам положение, хотя и понимали законность их возмущения.

Помня указание Михаила Васильевича Фрунзе, что успех борьбы зависит от того, какие сложатся у нас отношения с местным населением, я часто совершал поездки по боерайону. Эти поездки, почти без охраны, в сопровождении лишь двух — трех коноводов, вызывали у дехкан уверенность в прочности Советской власти и помогали мне легко и просто завязывать нужные знакомства и связи.

Как-то во время одной из таких поездок я встретил на перевале Тахта-Карача председателя Бухарской ЧК Мухитдина-Максума. С ним был крупный отряд милиционеров. Я спросил Максума, зачем он едет в Бухару. Максум ответил, что в Китабе неспокойно, что можно ждать появления оттуда шайки.

Мне очень хотелось задержать Максума, но, имея трех коноводов, об этом нечего было и думать. К тому же я тогда еще не знал, что Мухитдин-Максум, разоблаченный впоследствии как предатель, ехал на свидание с Энвер-пашой, который заканчивал приготовления к открытому выступлению.

Возвратившись в Самарканд и подъезжая к казармам бригады, я услышал громкие, возбужденные голоса. Первой мыслью было: митинг! Но кто его созвал и по какому поводу?

А дело обстояло так. В мое отсутствие в бригаду из Оби-Гарма пришли молодые таджики, которые помогали нам восстанавливать идущую по карнизу дорогу на Гарм. Они рассказали бойцам о том, как был зверски замучен аксакал Оби-Гарма Ахназар, и показывали бойцам кровавые рубцы на спинах.

Красноармейцы потребовали, чтобы был созван митинг. Узнав об этом, Базилевич приехал в бригаду, не разобравшись в обстановке, накричал на бойцов и приказал разойтись. Но казаки отказались выполнить приказ начальника гарнизона.

Поговорив с бойцами, я предложил им разойтись по казармам, и они беспрекословно подчинились. А через час в штабе дивизии у меня произошло неприятное объяснение с Базилевичем. Он сказал, что требование

бойцов выступить в поход в Восточную Бухару противоречит национальной политике партии. Я возразил, что наша национальная политика не осуждает, а, наоборот, поощряет чувство пролетарского интернационализма и что я горжусь своими бойцами, которые так близко принимают к сердцу события в Восточной Бухаре, где у них осталось много друзей среди дехкан. Меня поддержали присутствовавшие при беседе комиссар дивизии Хасис и начальник политотдела Левин.

Развернувшиеся вскоре события показали, насколько правильным было классовое чутье моих бойцов.

* * *

Вдохновленные успешным ходом восстания в Восточной Бухаре, басмаческие шайки Западной Бухары во главе с Абдукагаром подошли к столице республики. Для соединения с ним в Шахрисябзский район вышел Данияр с 1200 всадниками. В Старой Бухаре началась паника. Глава правительства Файзулла Ходжаев был в это время в Москве, и соучастники его предательской политики растерялись. Видя, что их власти приходит конец, они обратились к командующему Туркестанским фронтом В. И. Шорину с просьбой срочно оказать Бухарской республике вооруженную помощь.

По приказанию Шорина в Шахрисябз выступил 2-й кавалерийский Гиссарский полк. А через несколько дней я получил приказание командующего фронтом: «Срочно погрузиться в эшелон и прибыть в Старую Бухару».

В Старой Бухаре меня встретил член Реввоенсовета фронта Воронин. Тут же на перроне находились перепуганные члены бухарского правительства. Оказывается, басмачи подошли уже к самому городу.

Вечером 25 февраля состоялось экстренное заседание бухарского правительства. Председательствовал Парса Ходжаев. Члены правительства не знали, что я владею узбекским языком, и не стесняясь высказывали друг другу свое мнение о создавшемся положении. Меня поразило откровенно антисоветский тон этого совещания. В то время, когда враг стоял у ворот города, готовясь задушить революцию, членов правительства занимал вопрос, как ограничить наше вмешательство,

изолировать нас от общения с трудящимися. Особенно усердствовал Арифов, впоследствии ближайший помощник Энвер-паши.

Я шепотом сообщил Воронину, о чем идет речь, и предложил немедленно арестовать правительство и разоблачить перед населением всю глубину их предательства. Воронин ответил, что не следует подавать виду, что я понимаю, о чем говорят между собой члены правительства. Об аресте же не может быть и речи — это не метод борьбы.

Парса Ходжаев обратился ко мне с вопросом: когда я думаю начать боевые действия. С трудом сдерживая себя, я сказал, что намерен начать их завтра. Но про себя я решил, что не буду медлить ни минуты.

В ночь на 26 февраля 1-й кавалерийский Алайский полк и сводный отряд, прибывший с Северного Кавказа, выступили по дороге через Сатара-Махасу (летнюю резиденцию эмира) против главной группировки противника.

С рассветом полк достиг расположения врага и бросился в конную атаку. Утреннюю тишину нарушило раскатистое «ура». Засверкали клинки. Басмачи, не ожидавшие удара, побежали к реке Зеравшан, бросая оружие и лошадей. В этом бою было взято более тысячи винтовок и шашек, много лошадей. К 12 часам дня главная басмаческая группировка перестала существовать.

2-й кавалерийский Гиссарский полк также решительно расправился с бандой Данияра. Сам Данияр снова бежал в Восточную Бухару. Оттуда он прислал мне письмо, в котором жаловался на младобухарцев и клялся, что не хочет воевать против Советской власти. Но я не поверил ему. Впоследствии Данияр оказался на службе у Энвер-паши.

Февральские события показали, как далеко зашли младобухарцы в своем предательстве. Эти же события разоблачили деятельность правых уклонистов. Для укрепления Коммунистической партии Бухары были приняты срочные меры.

В мае 1922 года ЦК РКП(б) по предложению В. И. Ленина принял постановление «О туркестанско-бухарских делах». В Бухару приехал Г. К. Орджоникидзе. В своем выступлении на совещании ответствен-

ных работников Орджоникидзе говорил о том, что большевики должны принять меры для очистки бухарского правительства от контрреволюционных элементов. Файзулла Ходжаев подбирал работников по признаку родства, кумовства, придется становиться на другой путь — путь отбора людей по признаку преданности Бухарской Советской власти, по признаку честности, деловитости.

Приезд Орджоникидзе и принятые Коммунистической партией Бухары меры оздоровили политическую обстановку. Были созданы условия для ликвидации последствий предательства и подавления контрреволюционного восстания.

АВАНТЮРА ЭНВЕР-ПАШИ

Убедившись в том, что захватить власть с помощью младобухарцев не удастся, Энвер-паша решил действовать самостоятельно.

Ареной своей деятельности он избрал Восточную Бухару, где вследствие предательства младобухарцев восстание было наиболее сильным.

В Гиссарской долине и в окрестностях Бальджуана рыскали шайки Довлятман-бия. Весь Кулябский район находился под контролем Тугай-Сары. Максум-Фузайль возглавлял басмачей Гармского, Каратегинского и других горных вилайетов. В Локае сосредоточилась банда Ибрагим-бека численностью семь тысяч человек.

Энвер-паша понимал, что этих контрреволюционных сил недостаточно, чтобы устоять против частей Бухарской республики и войск Советского Туркестана. Поэтому, готовясь к осуществлению своего плана — создать из народов Средней Азии единое монархическое государство под эгидой Турции, Энвер-паша использовал свое пребывание в Старой Бухаре для установления связи с басмачами на всей территории Туркестана. Многочисленные агенты Энвера — турецкие офицеры и предатели, набранные среди баев и ишанов, — установили связь с Турды-Тохсаба в Средней Бухаре, с Абдукагаром, Джура-Амином и Агзам-Ходжой в Западной Бухаре, с Бахрам-беком в Самаркандской области, с Джунаид-ханом в Хорезме и Кара-Кумах, с Ярмат-

Максумом, Исламкулем и Парпи в Ферганской долине. Всего в этих басмаческих группировках насчитывалось до 35 000 джигитов, что значительно превосходило по численности войска Бухарской республики и части Туркестанского фронта вместе взятые.

К концу февраля 1922 года Энвер-паша еще не был полностью готов к выступлению, но решительные действия наших войск под Старой Бухарой и разгром шаек Абдукагара и Данияра заставили его ускорить подготовку. Энвер-паша боялся, что быстрое подавление восстания сорвет его планы.

На рассвете одного из последних дней февраля из Самаркандских ворот Старой Бухары выехали два всадника с охотничьими ружьями. На них были теплые халаты и мягкие сапоги. Ехали они шагом, и часовые, бойцы мусульманского отряда, слышали, как один из них рассказывал другому о своих охотничьих приключениях. Это и были Энвер-паша и Али-Ризо-эфенди, начальник городской и областной милиции. Выбравшись из потока ехавших на базар дехкан, Энвер-паша и его спутник прищпорили лошадей и поскакали по Термезскому тракту.

Когда несколько часов спустя органы Бухарской ЧК обнаружили исчезновение Энвера, были допрошены часовые, которые и сообщили эти незначительные подробности. Посланная за Энвером погоня вернулась ни с чем. Лишь впоследствии удалось установить обстоятельства бегства. В его подготовке активнейшее участие принимал назир по военным делам Бухарского правительства Арифов, тот самый, который требовал ограничить участие советских частей в разгроме банды Абдукагара, а затем открыто перешел на службу к Энвер-паше. Арифов снабдил Энвера мандатом на случай встречи с нашими частями и позаботился о том, чтобы в кишлаках через каждые десять — пятнадцать километров для него были приготовлены свежие лошади. А чтобы сбить со следа погоню, Али-Ризо-эфенди за чертой города расстался с Энвером и, взяв с собой поджидавшего в условленном месте милиционера-турка, поехал другой дорогой. Данияр и Усман Ходжаев, к этому времени смещенный с поста председателя Диктаторской комиссии, выслали для встречи Энвера своих людей.

Все это стало известно, когда после приезда Г. К. Орджоникидзе началось расследование преступной деятельности младобухарцев. Так, пользуясь покровительством Арифова, Энвер-паша без особого труда проник в Восточную Бухару.

* * *

Энвер-паша очень быстро забыл «революционные» речи, которые он произносил в Старой Бухаре. Его многочисленные послания и фирматы¹, распространяемые специальными лицами по всему Туркестану, призывали «правoverных» к свержению Советской власти и объединению под зеленым знаменем ислама. Обращаясь к религиозным чувствам населения, Энвер-паша надеялся подавить революционное самосознание народа, снова навязать дехканам власть беков, мулл и ишанов.

Ставка Энвер-паши, находившаяся в кишлаке Кофрун, быстро приобрела вид пышного восточного двора. Отсюда Энвер разослал басмаческим шайкам приказ сосредоточиться в треугольнике Шурча — Дейнау — Кофрун. Он понимал, что для успешной борьбы с регулярными частями Красной Армии одного численного превосходства далеко не достаточно, и приступил к формированию регулярной армии из разрозненных шаек.

Хотя положение зятя турецкого султана обеспечивало Энвер-паше известный авторитет в среде беков и духовенства, но одного этого авторитета не хватало, чтобы заставить курбашей беспрекословно признать его власть. Для большинства дехкан Энвер был чужеземцем, и они не доверяли ему. Его призывы к борьбе не встречали у них поддержки. А так как в басмаческих шайках было немало дехкан, обманом или насильно привлеченных к участию в восстании, главари восстания не могли не считаться с антитурецкими настроениями рядового басмачества. Кроме того, часть курбашей не хотела, чтобы власть была в руках чужеземца. Не отказываясь от помощи интервентов, всячески приветствуя переброску в Бухару английского ору-

¹ Фирмат — манифест.

жия, всякого рода «добровольцев» и инструкторов, они хотели при этом руководящую роль сохранить за собой. Среди этой части курбашей главной фигурой был Ибрагим-бек.

Энвер-паша решил заручиться поддержкой бухарского эмира Сеид-Алим-хана. Предлагая свои услуги в качестве главнокомандующего армией ислама, Энвер-паша обещал эмиру в два месяца уничтожить Советскую власть на территории всей Бухары.

Одновременно с письмом Энвер-паши в Кабул, где находился эмир, было доставлено письмо от Ибрагим-бека. В письме, которое привез эмиру духовник Ибрагим-бека Домла-Зия, Ибрагим-бек писал, что турок Энвер-паша непопулярен среди бухарцев и поэтому главнокомандующим войсками ислама должен быть назначен он — Ибрагим-бек. Впоследствии, когда нам удалось захватить Домла-Зия, приехавшего в Донгуз-Адир взглянуть на своего новорожденного сына, он подробно рассказал, чем кончилась его поездка к эмиру.

В течение двух дней эмир не давал ответа. Два дня Домла-Зия и посланцы Энвер-паши жили во дворце эмира. Но от духовника эмира Домла-Зия узнал, что Сеид-Алим-хан склоняется в пользу Энвера. Самолюбию низложенного владыки Бухары льстило, что к нему на службу просится зять турецкого султана, бывший военный министр Турции, считавшийся на Востоке крупным военным специалистом. По мысли эмира, появление Энвер-паши во главе басмаческих шаек придало бы разрозненному бандитскому движению солидную военно-политическую окраску. Кроме того, поставив Энвера во главе еще не существовавшей армии ислама, эмир надеялся на помощь турецкой реакции.

Поговорив с духовником эмира, Домла-Зия понял, что ждать ему во дворце больше нечего: назначение Энвер-паши главнокомандующим было делом решенным. И Домла-Зия покинул Кабул, чтобы успеть предупредить об этом Ибрагим-бека.

* * *

На окраине кишлака Кофрун были разбиты шелковые шатры ставки Энвера. Долину перед шатрами заполнили вооруженные всадники. В шатре Энвера соб-

рались главари контрреволюционного восстания. Сюда же прибыл бывший военный назир Бухарской республики Арифов. В ожидании фирмата эмира Энвер-паша разрабатывал план боевых действий.

В своем назначении на пост главнокомандующего Энвер был уверен и заранее заказал огромную серебряную печать с надписью: «Верховный главнокомандующий всеми войсками ислама, зять халифа и наместник Магомета».

В ставке Энвера находился и Ибрагим-бек, который пришел в Кофрун из Локая во главе 7000 всадников. И когда возвратившийся от эмира Домла-Зия рассказал ему о решении эмира, Ибрагим-бек покинул Кофрун и увел с собой свою банду. А на другой день фирмат эмира известил всех правоверных, что во главе их волей «повелителя» Бухары поставлен Энвер-паша.

Турецкий авантюрист немедленно приступил к решительным действиям. В Западную Бухару к Абдукагару, в Фергану к Исламкулю и к матчинскому беку были направлены письма с приказом усилить в своих районах басмаческие налеты, сковывая бухарские революционные войска и отвлекая на себя кавалерийские части Красной Армии. Энвер-паша распространял также слухи, что к нему идет кавалерия англичан и полки турецких добровольцев с артиллерией на слонах. Эти слухи были подхвачены духовенством и дервишами¹ и усиленно распространялись по базарам. Особенно популярной была версия о слонах. Для всякого военного специалиста было ясно, что слоны совершенно непригодны для действий в горах. Но чем невероятнее были слухи о слонах, тем настойчивее их повторяли: ведь и Александр Македонский, по преданиям, пришел в Среднюю Азию со слонами, а чем Энвер-паша хуже Македонского?

В действительности же на английские деньги за границей было набрано несколько сотен человек из эмигрантского охвостья. Из них была сформирована «личная гвардия» Энвера, которую эмир направил ему в качестве своего подарка. Солдатам «личной гвардии» в войсках ислама были предоставлены особые права: они могли безнаказанно грабить и убивать мирных граждан,

¹ Д е р в и ш — странствующий магометанский монах.

присваивая их имущество. Привилегированное положение «гвардейцев» вызывало к ним ненависть со стороны рядового басмачества.

Английские империалисты не спешили дать обещанную артиллерию — их не очень устраивало то, что реакционные круги Турции стали проявлять к Бухаре повышенный интерес. Но все это стало известно позже. А тем временем, искусственно создавая вокруг своего имени ореол величия, Энвер-паша приступил к формированию регулярной армии. Для подготовки командного состава он создал военную школу, в которой обучались 30 человек из числа бухарской знати. Обучали их английские офицеры.

К началу лета в треугольнике Шурча — Дейнау — Кофрун Энвер-паша сосредоточил 15 000 басмачей.

Первоочередная задача Энвер-паши заключалась в следующем: очистить Восточную Бухару от революционных войск, преданных Бухарской республике, и овладеть Байсуном, после чего, соединившись с басмачами Средней и Западной Бухары, захватить столицу республики — Старую Бухару. По выполнении этой задачи Энвер намеревался провозгласить себя эмиром, войти в контакт с курбашами Самаркандской области и Ферганы и совместными силами выступить против Советского Туркестана.

Первое время Энвер-паше сопутствовала удача. Бухарские советские части, засоренные контрреволюционными элементами, к тому же плохо обученные и недостаточно вооруженные, терпели поражения. Энвер-паша быстро продвинулся к границам Восточной Бухары и окружил Байсун, который оборонял 5-й стрелковый полк.

Из Кофруна Энвер-паша направил правительству Бухарской республики ультимативное письмо с требованием отвергнуть какую бы то ни было помощь со стороны Советской России, вывести с территории Бухары красноармейские части и отказаться от всех революционных завоеваний.

Посылая это письмо, Энвер-паша рассчитывал на то, что в правительстве по-прежнему видную роль играют младобухарцы, предательскую натуру которых он очень хорошо знал. Но Энвер-паша не учел, что

после приезда товарища Орджоникидзе деятельность младобухарцев находилась под строгим контролем Коммунистической партии Бухары и что в состав Бухарского правительства вместо буржуазных элементов вошли преданные делу революции представители трудового народа.

Правительство Бухарской Народной Советской Республики дало отпор авантюристическим требованиям Энвер-паши и под давлением трудящихся масс Бухары обратилось за помощью к командованию Туркестанского фронта.

РАЗГРОМ ВОЙСК ИСЛАМА

5 апреля 1922 года для руководства операциями по ликвидации басмаческих банд Энвер-паши был сформирован Реввоенсовет и штаб Басмаческого фронта, которые приказом по Туркестанскому фронту 15 апреля 1922 года были переименованы в Реввоенсовет и штаб войск Бухарской группы. Командующим группой был назначен Н. Е. Какурин, членом Реввоенсовета группы — Батурин.

В Бухарскую группу войск входили 1-я отдельная Туркестанская кавалерийская бригада, 8-я кавалерийская бригада и 3-я Туркестанская стрелковая дивизия. Несколько позже в распоряжение командующего Бухарской группой поступила 11-я кавалерийская дивизия. Кроме того, в оперативном подчинении группы находились бухарские национальные части.

В конце мая 1922 года полки 1-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригады сосредоточились в Самарканде и стали спешно готовиться к походу: получали обмундирование и боеприпасы, усиленно подкармливали лошадей. Полки бригады пополнились за счет расформированного Закавказского отряда, принимавшего участие в операциях под Старой Бухарой. В каждом полку стало по 700 сабель. Такого полного состава в полках не было с момента их создания. Бойцы знали, что предстоит новый поход в Восточную Бухару, и готовились к нему с особой тщательностью.

Одновременно с подготовкой бригады к походу я занялся восстановлением агентурной сети. Для этого мне приходилось часто выезжать в Среднюю Бухару и

на Сангардакский перевал. Во время этих поездок я узнавал о положении дел в армии ислама и изучал настроение местного населения.

В одну из таких поездок я встретился со слепым каратегинцем Довлят-Ша. Он пришел на свидание со мной в сопровождении сына, пройдя по горам глухими козьими тропами сотню километров.

Между камнями горел небольшой костер. В темноте всхрапывали лошади и попыхивали сигарками мои коноводы. Сын Довлят-Ша жарил на костре шашлык. Дул ледяной, пахнувший снегом ветер. Все внизу было затянуто густым холодным туманом. Огромная фигура Довлят-Ша вырисовывалась в неровных отблесках костра, и на отвесной скале отражалась расплывчатая тень.

Довлят-Ша рассказывал о положении в Гарме. Невеселый это был рассказ. Многих людей, которых я знал, уже не было в живых. Геройски погиб мужественный сын таджикского народа Исраэль.

— Ему на спине и на груди звезды вырезали, потом кожу резали, — говорил Довлят-Ша. — Все хотели, чтобы он вас проклял. Вешать хотели. Но Исраэль не позволил... Головой в пропасть кинулся. Свободным умер...

Довлят-Ша помолчал.

— Не надо было вам уходить. Много хороших людей из-за этого погибло. Каждый день вспоминают кизыл-аскеров, спрашивают: когда вернетесь? — сказал он после паузы.

Я и сам понимал, что из Восточной Бухары не следовало уходить, но обсуждать это теперь, когда и так все было ясно, не стоило. Я спросил Довлят-Ша, как живут дехкане, что делают.

— Как можно жить? Вторую весну поля пустые. Каждый день берут деньги, рис, мясо — говорят, надо войско ислама кормить. Эмир фирматы шлет — деньги требует. Энвер-паша фирматы шлет — тоже деньги требует. Из кишлаков каждый день мужчин берут, гонят в Кофрун. Говорят: Энвер на Старую Бухару пойдет...

Пока мы ели пахнувший дымком шашлык, сын Довлят-Ша рассказал, что за отцом ведется слежка. От самого кишлака за ними шли двое вооруженных басмачей, уйти от которых удалось только в горах.

Я понял, что Довлят-Ша опасно возвращаться домой, и предложил ему ехать со мной в Самарканд. Он покачал головой и сказал:

— Нельзя. Сейчас надо дома быть, помогать людям.

Через час мы расстались. Он пошел вниз, держась рукой за кушак сына, и вскоре скрылся в тумане.

* * *

2 июня 1922 года я получил приказ Какурина выступить из Самарканда по маршруту: Тахта-Карачинский перевал, Шахрисябз, Гузар, Тенги-Харам, Акрабад, Дербент.

Выступили мы на рассвете и шли тем же маршрутом, что и год назад. Участники первого похода рассказывали новичкам о трудностях, которые им предстоит встретить.

Особенно большие неудобства испытывали войска при размещении во время продолжительных стоянок в Восточной Бухаре. В русской части Туркестана имелись построенные в свое время для царских войск казармы и многочисленные почтовые станции, расположенные вдоль главных трактов на Старую Бухару, Чарджуй, Ташкент. Ими можно было пользоваться во время передвижений войск. В Восточной же Бухаре ничего этого не было, и нам предстояло размещаться лагерным порядком.

В то время кишлаки, да и города Средней Азии буквально тонули в нечистотах. Единственными ассенизаторами были собаки и шакалы. Вечно голодные и необычайно свирепые псы слонялись по задворкам кишлаков, и трудно приходилось чужому человеку при встрече с ними. Собаки бродили стаями, и бывали случаи, когда они нападали на людей и лошадей.

Во время Гиссарской экспедиции бойцы нередко отбивались от собак оружием. Но когда голодные псы сводили знакомство с эскадронными кашеварами, они из лютых врагов становились самыми верными друзьями. Собаки быстро привыкали к армейскому распорядку, хорошо понимали сигналы трубы и ревностно охраняли бивачные стоянки, не подпуская к ним местных жителей.

Население в кишлаках жило обособленно, за высокими глинобитными заборами, и размещаться в кишлаках небольшими подразделениями по квартирам строго-настрого запрещалось. Бойцы, не знакомые с обычаями страны, могли невзначай заговорить с женщиной, случайно зайти на женскую половину дома и т. д. Поэтому войска располагались за кишлаками под открытым небом и были вынуждены терпеть все неудобства такого ночлега.

Но все это молодым бойцам только предстояло изведать. А пока мы шли по хорошей дороге, и впереди нас ждали удобные стоянки на почтовых станциях и в просторных караван-сараях.

По обе стороны дороги лежали хорошо возделанные поля пшеницы и джугары — здесь, в Самаркандской области, уже почти исчезли следы войны. Набеги, которые совершали мелкие басмаческие шайки, легко отражались гарнизонами и отрядами самообороны из местного населения. Дехкане, занятые поливкой полей, стоя в арыках по колено в воде, приветствовали бойцов и желали им удачи.

Чтобы не переутомить лошадей в первый же день похода, на ночлег остановились засветло, достигнув перевала Тахта-Карача. Едва бойцы успели расседлать коней, как подошло человек десять узбеков. Они пригнали из долины два десятка баранов, принесли рис и черешню — все это в качестве селяу. Напрасно комиссар Ратников убеждал их, что бригада обеспечена продуктами. Узбеки и слышать ничего не хотели.

Вскоре вкусно запахло пловом. Мы разговорились с узбеками. Оказалось, что и в Самаркандскую область дошла листовка эмира и Энвер-паши, в которой говорилось, что армия ислама уже идет в Советский Туркестан, чтобы освободить его от неверных и коммунистов. Узбеки решили, что мы идем на границу Бухары навстречу Энвер-паше. Они просили нас не пускать Энвера через перевал и заверили, что, если нужна будет помощь, они ее окажут. Хотя и стояло время горячих полевых работ, дехкане готовы были взяться за оружие и отстоять завоевания Советской власти.

Я успокоил узбеков, сказав им, что Энвер-паша сидит в Восточной Бухаре и не только не придет в Совет-

ский Туркестан, но очень скоро убежит и из Восточной Бухары.

11 июня бригада прибыла в Гузар. Здесь располагался полевой штаб Бухарской группы войск. Командующий группой Какурин собрал всех командиров частей на совещание.

Он стоял у огромной карты и, водя по ней указкой, излагал план операции. В основу его плана была положена старая тактика борьбы с басмачами: через каждые пятьдесят километров предполагалось оставлять гарнизоны, создавая при них базы снабжения. Опираясь на эти базы и используя широкий маневр, кавалерийские полки должны были разгромить шайки Энвера.

Я не мог согласиться с этим планом. Во-первых, чтобы осуществить его, нам нужны были 23 стрелковые роты, а это значит, что вся 3-я стрелковая дивизия была бы обречена на пассивные действия. Во-вторых, тактика медленного продвижения и закрепления за собой отдельных пунктов оправдывала себя, когда нашим частям приходилось действовать среди враждебно настроенного населения. Расходовать же столько сил теперь, когда население Восточной Бухары нетерпеливо ожидало нашего прихода, было просто не нужно. Слышав Какурина, я тихо сказал сидевшему рядом комиссару Ратникову:

— Не пойму, мы идем освобождать Восточную Бухару или завоевывать ее?

Ратников, видя, что я могу вступить в спор с Какуриным, ответил:

— Не горячись. Время еще есть. Я сначала поговорю с членом РВС Батуриным. Мне тоже кажется, что Какурин не совсем ясно представляет себе задачу нашей группы.

Когда Ратников только прибыл в бригаду, мне сразу понравился этот умный, спокойный человек. Его дельные советы не раз помогали мне справляться с труднейшими задачами. И я привык во всем доверять ему. Вот почему, как ни хотелось мне выступить на совещании, тем не менее, я сдержался.

Вечером 12 июня 1-я отдельная Туркестанская кавалерийская бригада выступила из Гузара и за два ночных перехода достигла Дербента. Появление бригады

в Восточной Бухаре заставило Энвер-пашу снять осаду Байсуна.

В этот же день конники встретились со своими мужественными товарищами по Гиссарскому походу — бойцами 8-го Туркестанского стрелкового полка. Встреча эта вылилась в бурный митинг. В полках бригады уже все знали от политработников о предательстве Арифова, Усман Ходжаева и Данияра. Но теперь, когда красноармейцы стрелкового полка рассказали о том, что им пришлось перенести, гнев охватил всю бригаду. Со всех сторон неслись крики:

— Смерть предателям!..

Комиссару Ратникову пришлось приложить немало усилий, чтобы успокоить бойцов. Его выступление на этом митинге мне очень хорошо запомнилось.

— Товарищи красноармейцы, — говорил он. — Еще в Самарканде вы требовали вести вас в Восточную Бухару. Мы с командиром бригады Мелькумовым обещали вам это. И обещали не только потому, что нам хотелось быстрее освободить наших братьев, но и потому, что мы, коммунисты, знали, что наше с вами желание благородно и справедливо, а значит, оно отвечает политике Коммунистической партии и Советского правительства. Теперь мы в Восточной Бухаре. Не сегодня-завтра мы выступим против заклятого врага бухарского народа и всех народов Средней Азии — авантюриста и проходимца Энвер-паши. Но этот поход будет успешным, если вы проявите не только беззаветную храбрость и мужество (в этом я не сомневаюсь), но и будете дисциплинированными, политически бдительными и не позволите вовлечь себя ни в какую провокацию. А такие провокации возможны. Враги, зная нашу ненависть к предателям, будут стараться очернить честных и преданных своему народу людей. Только спокойствие и выдержка, строгое соблюдение советских законов помогут нам вовремя разоблачить козни врагов. К этому я вас и призываю...

Но сохранять спокойствие и выдержку было нелегко. Как только разнесся слух о прибытии бригады в Восточную Бухару, отовсюду стали приходиться делегации. Дехкане рассказывали о зверствах, которые чинили басмачи, просили нас выступить как можно ско-

рее. При этом каждая делегация требовала, чтобы бригада в первую очередь шла в их вилайет.

Ратников беседовал с дехканами, разъяснял им обстановку. Но убедить этих измученных людей в том, что необходимо время, чтобы разбить шайки Энверпаши, было почти невозможно. Перед штабом днем и ночью сидели ходоки из Каратегина, Бальджуана, Янги-Базара и многих других районов.

В полдень 14 июня в Дербент приехал со своим левым штабом Какурин. Меня немедленно вызвали к нему. В соответствии со своим планом командующий приказал 1-й кавалерийской бригаде вместе с 5-м стрелковым полком, составлявшим левую колонну Бухарской группы войск, выступить 18 июня на Кофрун. Правую колонну составляли 8-я кавалерийская бригада с 7-м и 8-м стрелковыми полками, которые сосредоточились в Термезе под командованием начдива Никитина. Продвигаясь к Кофруну, левая колонна должна была оставлять в освобожденных вилайетах сильные гарнизоны.

Таким образом, Какурин ничего не изменил в своем плане, а лишь детализировал его, поставив перед частями конкретные задачи. Находившийся тут же член Реввоенсовета Батурич, глядя мне в глаза, спросил:

— У вас нет вопросов к командующему?

Я ответил, что есть.

— Мне прежде всего неясно, — сказал я, — почему 1-я бригада должна выступить 18 июня, когда она готова к выступлению уже сегодня? А потом, я решительно против тактики медленного продвижения. Население Восточной Бухары ждет от нас быстрых и решительных действий. Главная наша задача — разбить шайки Энвера, а закреплять территорию будут сами дехкане, которые ждут часа своего освобождения.

Какурин слушал меня, нетерпеливо шагая по комнате. Когда я кончил, он остановился и резко сказал:

— Я отдал вам приказ не для того, чтобы вы его обсуждали, а для того, чтобы выполняли.

По лицу Батурина я видел, что он на моей стороне. Поглядев на командующего, он быстро вышел из комнаты. Затем Какурин потребовал, чтобы я охарактеризовал состояние бригады. Во время моего доклада в комнату неожиданно вошел начальник связи и доло-

жил, что главком Каменев вызывает командующего к прямому проводу. Какурин вышел, оставив открытой дверь в комнату, в которой находился аппарат.

В Туркестан С. С. Каменев прибыл в связи с усложнившейся там военной и политической обстановкой.

Из кабинета командующего я слышал, как пощелкивает аппарат: Какурин диктовал телеграфисту свой план операции. Потом наступила пауза и телеграфист сказал:

— Главком спрашивает, где Мелькумов.

— Передайте, что Мелькумов у меня в штабе, — ответил Какурин.

Через несколько секунд телеграфист громко сказал:

— Главком требует комбрига Мелькумова к аппарату.

Меня позвали в соседнюю комнату. Телеграфист, перебирая в пальцах медленно ползущую из аппарата ленту, расшифровывал знаки азбуки Морзе.

— Готова ли бригада к выступлению? — прочел он вслух.

— Передайте главкому: готова, — ответил я.

Застучал аппарат, и мой ответ был передан Каменеву. Затем в комнате установилась напряженная тишина. Со стола на пол, свертываясь в кольца, сползала чистая лента. Но вот на ней появились тире и точки. Телеграфист тут же начал читать:

— Комбригу первой Мелькумову. Приказываю с рассветом 15 июня всеми силами левой колонны перейти в решительное наступление, разбить главные силы Энвер-паши...

Какурин растерялся и стал задавать вопросы, будто Каменев мог его слышать.

— Как с планом моей операции? — спрашивал он. — Что должна делать правая колонна, когда она подойдет?

Телеграфист некоторое время смотрел на него, не понимая, к кому относятся эти вопросы, потом заработал ключом, вызывая Ставку.

— Главком не отвечает, — доложил телеграфист.

Какурин молча глядел в окно. Молчание становилось неловким.

— Жду ваших приказаний, — официально обратился я к нему.

— Вы уже получили приказание главкома. Какие вам еще нужны приказания? — раздраженно ответил Какурин.

Я откозырял и вышел из штаба. Навстречу мне по коридору шел Батурич. Хитро подмигнув, он спросил: «Все в порядке?» — и прошел в кабинет командующего.

Я понял, что разговор с Каменевым произошел без участия Батурина. Значит, Ратников был прав, когда советовал мне не вступать прежде времени в спор с Какуриным.

* * *

В штабе бригады меня ждала разведсводка Бухарской группы войск. В ней сообщалось, что численность банды Энвер-паши достигла 17 000 человек, что в Кофрун прибыли оружие, боеприпасы и 11 орудий на слонах. В слонов я не верил, но 11 орудий вызывали беспокойство. По разведывательным данным, собранным мною во время поездок, у Энвер-паши было около восьми орудий. Таким образом, если верить сводке, у него теперь уже 19 орудий, тогда как левая колонна, которой командовал я, имела всего шесть орудий.

Кроме того, на афганской границе, в крепости Читрале, были сосредоточены крупные силы английских войск. Крепость эта находилась вблизи Бальджуанского района, и англичане могли быстро прийти на помощь басмачам.

Я собрал командиров полков и дал указание готовиться к выступлению, после чего приступил к детальной разработке операции. По агентурным данным, главные силы Энвер-паши были сосредоточены в Кофруне и занимали хорошо оборудованные позиции. Если даже численность его банд была несколько преувеличена, то и тогда она во много раз превосходила силы левой колонны, состоявшие из 1500 сабель и 800 штыков. Чтобы сковать силы противника и не позволить ему использовать свое численное превосходство, я решил нанести удар сразу по всей вражеской группировке, применив широкий маневр с глубоким охватом флангов.

5-й Туркестанский стрелковый полк, сосредоточенный в Байсуне, получил задачу 1-м батальоном войти в Хал-

коджар и, повернув на юг, наступать по дороге на Кофрун, 2-м батальоном занять исходное положение в кишлаке Ак-Кабат и наступать через безыменную высоту и 3-м батальоном из Рабата наступать с фронта, прорвав оборону противника. В этот прорыв должен был устремиться 1-й кавалерийский Алайский полк, стоявший в Дербенте.

2-й кавалерийский Гиссарский полк я направил в обход по ущелью Банды-хан с задачей атаковать Кофрун с правого фланга и тыла.

Артиллерия колонны сосредоточивалась на безыменной высоте восточнее кишлака Ак-Кабат, в районе действий 2-го батальона 5-го полка.

Чтобы обеспечить внезапность, решено было начать сосредоточение частей на их исходных рубежах только с наступлением темноты и закончить его к 2 часам ночи 15 июня.

...Смеркалось. Я зашел в чайхану, чтобы выпить чаю. Издалека доносились протяжные призывы муэдзина к вечерней молитве. По узким кривым улицам скакали конные связные, доставляя командирам частей мои последние распоряжения. Взбивая копытами потяжелевшую от росы пыль, по дороге на Ходжа-Булак вытянулась колонна Гиссарского полка. Ему предстояло пройти самый длинный путь, и он выступал из Дербента первым. Мимо чайханы вдоль колонны проскакал командир полка Панкеев с двумя ординарцами.

На сердце у меня было беспокойно.

Правда, все вышло так, как я хотел. Главком поддержал мой план операции, основанный на стремительном маневре, но Какурин, обиженный вмешательством главкома и моей настойчивостью, даже не поинтересовался, как я думаю провести операцию. Таким образом, вся ответственность за операцию ложилась на меня. Прав ли я?

Вот об этом я и думал, сидя в чайхане. Все-таки Энвер-паша был не обычный басмаческий курбаши, с которыми мне до этого приходилось иметь дело. Военное академическое образование, боевой опыт в империалистической войне и, наконец, огромное численное превосходство в силах делали его опасным противником. В случае неудачи на первом этапе борьбы у меня даже не оставалось резерва, чтобы отразить контр наступле-

ние врага. А наша правая колонна была очень далеко, она не достигла еще Термеза. Но, с другой стороны, я был убежден, что мой план единственно правильный. Всякое промедление давало возможность Энвер-паше закрепиться на своих позициях. Решительное наступление произвело бы большой моральный эффект на население. И наоборот, осторожные действия могли бы заронить мысль, что Энвер-паша очень силен.

Эти мои мысли прервал чайханщик Абдулла, поставив передо мной чайник свежего чая.

— Помогите вам аллах побить Энвера, Якуб-тюря, — сказал он. — Быстрее побить. Скоро урожай убирать надо...

Абдулла был нашим верным помощником. Через него мы держали связь с преданными нам людьми, от него получали ценные сведения.

— Завтра на рассвете, еще до утренней молитвы, Энвер будет разбит, — сказал я.

Абдулла поднял к темному небу глаза, и по его шевелящимся губам я понял, что он произносит имя аллаха.

В это время у чайханы остановились три всадника. Один из них держал в поводу моего коня.

Меня окликнул Николай Дмитриевич Ратников.

— Пора ехать, комбриг, — сказал он.

Когда я подошел к коню, Ратников быстро наклонился в седле и шепнул мне:

— Все правильно. Я уверен в успехе...

Эта дружеская поддержка моего боевого комиссара успокоила меня. Я вскочил в седло и шагом поехал по темной дороге.

* * *

Я ехал с полевым штабом в колонне Алайского полка. Около двух часов ночи, когда мы подошли к месту сосредоточения, поступили первые донесения от командиров действовавших впереди разъездов Авдонина и Рахматулина: на позициях противника все было спокойно.

Приказав Красильникову развернуть свой полк, я дал шпоры коню и вместе с командиром батареи Дьяконовым выехал на безыменную высоту. Здесь уже

были бойцы 2-го стрелкового батальона. Закаленные в боях красноармейцы 5-го стрелкового полка всегда поражали меня своей неутомимостью и быстротой.

Перед рассветом с гор подул ветер, сгоняя в долины клочья тумана. Это было нам на руку: в тумане легче подойти к позициям противника незамеченными. Занималась заря. Туман то редел, то становился плотнее. Вскоре вдаль стали вырисовываться рощи тополей и чинар, дувалы кишлака Кофрун — опорного пункта противника. А когда поднялось солнце и туман начал рассеиваться, в бинокль стала видна извилистая линия окопов противника, в садах и рощах у коновязей стояли лошади. То тут, то там виднелись зеленые, желтые и белые значки с привязанными к ним конскими хвостами. Эти отрядные значки помогали нам определить расположение главной группировки противника.

Все части вышли на исходные позиции. И хотя не удалось установить связь с Гиссарским полком, ждать было нельзя, и я отдал приказ начинать атаку.

Севернее кишлака Рабат развернулся для атаки Алайский полк.

Конно-горная батарея Дьяконова на широком галопе вынеслась на открытую позицию и открыла огонь по вражеским окопам и скоплениям лошадей. За первыми разрывами гранат бегом со штыками наперевес пошла в атаку наша пехота. Навстречу ей беспорядочно затрещали винтовочные и пулеметные выстрелы. Огонь противника все усиливался.

Не добежав до окопов противника, пехота залегла. Медлить было нельзя, и я подал Красильникову сигнал идти в конную атаку.

«Пулеметный эскадрон, карьером на левый фланг!.. Эскадроны, шашки к бою!.. В атаку, марш, ма-арш!..» — раздалась команда.

Командир пулеметного эскадрона Самойленко быстро вывел бойцов на позицию. Молниеносно снятые с вьюков пулеметы открыли огонь.

Командир первого эскадрона Куц выхватил из ножен клинок и устремился вперед. За ним в едином порыве бросился эскадрон. Через несколько секунд уже весь полк шел в атаку на Кофрун и над долиной перекачивалось красноармейское «ура».

А о 2-м полке все еще не было никаких сведений. Обстановка неожиданно стала угрожающей. На правом фланге я заметил большое скопление всадников и понял, что Энвер готовится контратаковать полк Красильникова. Это могло привести к тяжелым последствиям, так как численное превосходство басмачей было очевидным. Кроме того, меня беспокоило бездействие артиллерии противника.

Тогда я еще не знал, что артиллерию и боеприпасы, которые англичане обещали перебросить Энверу из крепости Читрале, войска ислама не получили. Афганский народ поднимался на борьбу за освобождение своей страны от иностранных империалистов, и англичане вынуждены были покинуть крепость.

Но все это стало известно позже. А тогда, стоя на кургане, я пытался разгадать, какой сюрприз готовят нам артиллеристы Энвера.

В этот критический момент боя я думал о том, где находится 2-й Гиссарский полк. И вот, когда уже пришла в движение, набирая скорость, конная масса басмачей, во фланг ей со стороны Бандыханского ущелья ударили конники Панкеева.

...Выступив из кишлака Ходжа-Булак, 2-й кавалерийский Гиссарский полк поднялся в предгорья и, как и было ему приказано, шел шагом по узкой дороге Бандыханского ущелья. На рассвете полк преодолел подъем и пошел по холмистой долине рысью.

Из головного отряда Нестерова к Панкееву прискакал командир взвода Калашников и доложил, что на окраине кишлака Кофрун разъезд увидел в большом саду зеленое знамя с вытканым золотом полумесяцем, а у знамени — часовых в красных чалмах. Панкеев догадался, что в саду сам Энвер-паша со своей охраной.

По огню нашей батареи Панкеев определил начало атаки и, выбрав удобный момент, не ожидая моего приказа, бросил эскадроны Ломакина и Филиппова во фланг коннице Энвер-паши.

Вмешательство Панкеева решило исход боя. Контратакующая конница басмачей была смята.

Тем временем красноармейцы 5-го стрелкового полка ворвались в окопы противника. Охваченные пулюкльцом пешие басмачи в панике бросились в оставшийся проход.

Головной отряд Гиссарского полка устремился к дому, над плоской крышей которого развевалось зеленое знамя. В саду перед домом завязалась рукопашная схватка. «Личная гвардия» Энвера храбро защищалась. Когда группа бойцов во главе с командиром эскадрона Нестеровым прорвалась к дому, знамени уже не было. В спальне Энвера висел на стене шитый золотом халат, на полу валялись сапоги.

В саду за домом красноармейцы захватили рослого басмача. На вопрос, где Энвер-паша, басмач молча показал рукой на горы. По узкой дороге галопом уходила большая группа всадников, и впереди них развевалось зеленое знамя.

Захваченные в плен басмачи рассказали, что Энвер был уверен в неприступности своих позиций и, когда раздались первые выстрелы, даже не встал с постели. Но вскоре он увидел, что дело плохо, и не стал ждать, пока на него наденут халат и сапоги. Этот авантюрист, возмнивший себя великим полководцем, бежал в одном белье и босой, бросив на произвол судьбы собранные обманою и силой войска.

Уходившего в горы Энвера неотступно преследовал головной эскадрон Алайского полка. Командир эскадрона Куц стремился отрезать группу Энвера от гор. Чтобы задержать погоню, конвой Энвера неожиданно остановился и, повернув коней, бросился на эскадрон. В неширокой долине столкнулись конники Куца с тремя сотнями отборной гвардии Энвер-паши.

Командир полка Красильников направил на помощь Куцу еще два эскадрона — Ложкина и Плотникова. Басмачи были окружены и разгромлены. По долине носились оседланные кони, потерявшие всадников.

Тем временем Энверу удалось достичь гор.

Армия ислама перестала существовать. Большинство воинов этой армии сдалось в плен и было отпущено по домам. И только мелкие шайки головорезов, которым удалось бежать от красноармейских клинков, прорвались в горы.

В бою под Кофруном бригада потеряла пятьдесят человек. Был тяжело ранен командир пулеметного эскадрона Самойленко.

По показаниям пленных, из-под Кофруна ушло в

разных направлениях до двух тысяч всадников. Их преследовали по пятам части бригады.

После боя я приказал командиру 5-го стрелкового полка Баранову оставить один батальон в Байсуне, чтобы собрать трофеи, а с остальными батальонами идти в Юрчи.

К исходу дня 15 июня 1-й кавалерийский Алайский полк и конно-горная батарея вместе со штабом бригады сосредоточились в Юрчи, а 2-й кавалерийский Гиссарский полк, пройдя с боями по горным перевалам более 80 километров, вышел к Дейнау. Высланные от полков разъезды доносили, что остатки армии ислама распались на две группировки: одна, во главе с Энвер-пашой, переправилась под Дейнау на восточный берег реки Сурхан-Дарья, а вторая сосредоточилась в районе Сары-Ассия.

Алайскому полку Красильникова было приказано на рассвете 16 июня перейти вброд Топаланг-Дарью и уничтожить банду в Сары-Ассия, Гиссарскому полку Панкеева — форсировать Сурхан-Дарью под Дейнау, уничтожить группу Энвера и к исходу дня 17 июня вернуться в Юрчи.

Этими двумя операциями я спешил покончить с Энвер-пашой, так как со дня на день можно было ожидать выступления Ибрагим-бека, семь тысяч джигитов которого находились в полной боевой готовности.

В ночь на 16 июня я получил приказ командующего Бухарской группой войск Какурина сосредоточить бригаду в Юрчи и ждать дальнейших указаний. Командир из штаба командующего, передавший мне приказ, сообщил, что правая колонна продвигается очень медленно и поэтому Какурин боится, как бы моя бригада не оказалась в окружении. Это лишний раз показало, что в штабе Бухарской группы войск не понимали особенностей обстановки. Какурин действовал так, как если бы против нас сражалась регулярная армия, защищающая свою территорию. В действительности же мы имели дело с небольшой кучкой националистически настроенной знати и примкнувшими к ней политическими авантюристами и проходимцами, стремившимися захватить власть. Сочувствие большинства местного населения было на стороне бухарской революции, и в кишлаках

Восточной Бухары с нетерпением ждали прихода наших войск.

Вместо того чтобы вести активные действия против басмаческих банд, правая колонна, состоявшая из 8-й отдельной кавалерийской бригады и 3-й стрелковой дивизии, под командованием Никитина медленно продвигалась по берегу Аму-Дарьи, занимая переправы и кишлаки гарнизонами стрелковых рот и небольшими подразделениями конницы. Правая колонна не могла выполнить даже такую весьма пассивную задачу — не пропустить за границу разбитые шайки басмачей, так как распылила свои и без того немногочисленные силы.

Я был не согласен с новым приказом Какурина, но комиссар бригады Ратников снова посоветовал мне, не вступая в споры с Какуриным, действовать так, как я считал нужным. Такая поддержка комиссара придала мне решительности, и я подтвердил командирам полков свое прежнее приказание, а представителю Какурина сказал, что распоряжение командующего будет по возможности выполнено и штаб бригады останется в Юрчи, ожидая дальнейших указаний.

Я считал наиболее важным освобождение возможно большей территории из-под контроля басмаческих банд, чтобы лишить главарей басмаческого движения баз снабжения, а трудовому населению кишлаков дать возможность самостоятельно решать свою судьбу.

На рассвете 16 июня бригада приступила к выполнению поставленной задачи.

1-й кавалерийский Алайский полк вышел к реке Топаланг-Дарье у кишлака Янги. В июне горные реки особенно многоводны, а течение их стремительно. Но в районе кишлака река разбивалась на несколько рукавов, и это облегчало переправу.

Когда походная застава подошла к реке, ее обстреляли редкие цепочки басмачей, засевших на островах. Командир взвода Авдонин спешил конников и открыл ответный огонь. На выстрелы прискакал головной отряд, которым командовал командир 2-го эскадрона Ложкин. Форсировав с ходу рукав реки, отряд открыл по врагу огонь. Затем Ложкин развернул эскадрон и, спешив бойцов, начал прочесывать камыши. Захваченный плацдарм обеспечивал переправу. Командир полка Красильников приказал командирам эскадронов Куцу

и Плотникову под прикрытием огня головного отряда переправиться через главное русло Топаланг-Дарьи.

Преодолевая быстрое течение, эскадроны в двух местах вышли на другой берег и начали преследовать басмачей, убежавших по дороге в Сары-Ассию. На плечах бегущих конники ворвались в кишлак. В кривых и узких улицах завязался короткий бой. Главарь шайки дарвазский бек Асадулла пытался организовать сопротивление. Он хлестал бегущих басмачей камчой, носился на своем жеребце, стреляя из маузера, но, увидев, что наши конники окружают кишлак, один ускакал в долину. За ним бросился командир эскадрона Куц. Перед широким арыком жеребец Асадуллы остановился. Это решило участь курбаши. Куц привел в эскадрон отличного жеребца. У бека оказались письма и приказы Энвер-паши, печать и коран. В бою за Сары-Ассию было взято 54 пленных и два знамени.

Алайский полк преследовал басмачей до Регара, пока банда полностью не рассеялась по окрестным кишлакам. Под вечер бойцы без боя вступили в Регар, переночевали там, и 17 июня полк с трофеями вернулся в Юрчи.

2-й кавалерийский Гиссарский полк под командованием Панкеева на рассвете 16 июня форсировал Сурхан-Дарью. В кишлаке Катта-Баш головной отряд полка столкнулся с тыловым охранением Энвер-паши. Захваченные пленные сообщили, что сам Энвер-паша и его ближайшее окружение находятся в кишлаке Байбича.

Но в кишлаке Байбича Энвера не оказалось. Не приняв боя, он ушел в горы Бабатаг. Высланные в погоню разъезды донесли, что шайки Энвер-паши от Ишкабадской переправы через Кафирниган направились к переправе Кизыл-Кала и, перейдя Вахш, ушли в Бальджуанский район к Довлятман-бию.

17 июня и Гиссарский полк вернулся в Юрчи.

Вечером того же дня на мое имя пришла телеграмма главнокомандующего Вооруженными Силами Республики С. С. Каменева. Главком благодарил доблестных бойцов, командиров и политработников 1-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригады за отличное выполнение задачи по разгрому Энвер-паши. Комиссар бригады Ратников приказал размножить телеграмму и прочитать ее в эскадронах и батареях. В этот вечер в

Юрчи горели праздничные костры и тишину нарушало раскатистое красноармейское «ура» — это по эскадронам шли митинги в честь славной победы над Энвер-пашой.

* * *

Только 18 июня был получен приказ Какурина наступать на Гиссар.

19 июня бригада оставила Юрчи и к полудню без боя вошла в Гиссар. В этот же день в Гиссар приехал Какурин, чтобы лично возглавить дальнейшие операции. Но на следующий день его свалила малярия, и он вынужден был уехать в Самарканд.

Какурин был честным и преданным Советской власти командиром. Но чрезмерное самолюбие, плохое знание местных условий мешали ему успешно руководить войсками. И когда он уехал, я вздохнул с облегчением. Теперь можно было действовать смело, не опасаясь незаслуженного окрика.

22 июня 1-я отдельная Туркестанская кавалерийская бригада выступила в направлении Дюшамбе, где сосредоточились разрозненные шайки басмачей, — все, что осталось от пятнадцатитысячной армии ислама. Высланные разъезды донесли, что по левому высокому берегу Дюшамбинки отрыты окопы полного профиля, занятые пешими басмачами.

По обе стороны дороги лежали хорошо знакомые по прошлогоднему походу места. Я вспомнил, что южнее Дюшамбе имеются две удобные переправы, и решил воспользоваться ими, чтобы не форсировать реку под огнем противника. На одну из переправ я приказал направить 3-й эскадрон Алайского полка Плотникова, а на вторую — 3-й эскадрон Гиссарского полка Нестерова. Как только батарея и пулеметы открыли огонь по обороне противника, эскадроны галопом пошли к своим переправам. И пока разворачивались главные силы бригады, оба эскадрона оказались уже в тылу оборонительных позиций противника. Атака на Дюшамбе была короткой и стремительной. Много басмачей, занимавших окопы севернее кишлака, были уничтожены. Уцелевшие бежали по дороге на Янги-Базар.

Ночь застала Алайский полк в тридцати километрах от Янги-Базара. Гиссарский полк к этому времени овла-

дел кишлаком Кафирниган, где была главная база снабжения Энвер-паши. Наша агентура сообщила, что Энвер-паша ушел на Файзабад и Оби-Гарм.

В течение восьми дней бригада полностью освободила от шаек Энвер-паши Байсунский, Юрчинский и Каратагский вилайеты, пройдя с боями сотни километров по горам и переправляясь через многоводные стремительные реки. Остатки энверовских банд рассеялись по кишлакам и занялись мелким разбоем на дорогах. Жители освобожденных вилайетов вернулись в родные кишлаки и приступили к полевым работам. Снова многлюдными стали базары. По всем долинам разносились звуки карная¹ — это глашатаи оповещали население о полном разгроме Энвер-паши.

В то время как у нас не хватало кавалерийских частей, чтобы одновременно с преследованием главных сил Энвера вести операции против Ибрагим-бека; ожидавшего разгрома своего политического соперника, правая колонна, выполняя приказ Какурина, медленно продвигалась вдоль границы, не оказывая на противника серьезного давления. Этим и воспользовался Ибрагим-бек. В освобожденных от банд Энвера районах появились многочисленные шайки локайских басмачей.

ПЕРВЫЕ БОИ С ИБРАГИМ-БЕКОМ

Трудовое население Восточной Бухары с каждым днем все больше убеждалось, что только Советская власть способна разрешить национальные и политические противоречия.

Несколько дней отдыха, который получили бойцы бригады, были хорошо использованы политработниками. В Дюшамбе начал работать вышедший из подполья ревком. Первым делом взялись за очистку города. Красноармейцы бригады выходили вместе с населением на организованные ревкомом субботники: вывозили мусор, чистили арыки, ремонтировали дороги.

Общение с населением позволяло политбойцам в непринужденных беседах разоблачать фальшь и лицемер-

¹ Карная — особая труба длиной до двух метров с широким раструбом.

рие руководителей басмаческого движения. Помню один разговор, незначай подслушанный мною. Я сидел в чайхане. Рядом несколько бойцов и группа местных дехкан чистили арык. Занятый своими мыслями, я сначала не слышал, о чем они говорили. Но вот красноармеец узбек с силой опустил кетмень и, выпрямившись, громко сказал:

— У нас в бригаде все равные — узбек, таджик, киргиз, русский. Одной семьей живем, из одного котла плов кушаем. Почему такого у басмачей нет?..

Вопрос был поставлен остро, и все, побросав работу, с интересом ожидали, как он на него ответит. Красноармеец продолжал:

— Энвер говорит: «Я за ислам», Ибрагим-бек говорит: «Я за ислам», а между собой, как шакалы, дерутся, дехкан грабят, землю не дают, воду отбирают. Как это можно?..

Этот разговор запал мне в память потому, что сразу после разгрома Энвера активизировал свою бандитскую деятельность Ибрагим-бек. Он ожидал момента, когда потерпевший поражение Энвер сойдет с арены, с тем чтобы провозгласить себя главой «газо» и наместником пророка. Муллы в своих молитвах уже зывали к Ибрагиму как к защитнику правоверных. А между тем под клинками банд этого «защитника» лилась кровь мусульман.

В тот же день вечером ко мне привели янги-базарского асакала Доны из племени марка. Я знал его по прошлогоднему походу. Это был преданный своему народу человек, смелый и честный. Он сообщил, что в Янги-Базаре стало невозможно жить.

Янги-Базар стоял на пересечении дорог Каратегин — Дюшамбе и Локай — Дюшамбе. Банды Ибрагим-бека сожгли мост через Кафирниган, чтобы помешать отрядам Красной Армии проникнуть в Янги-Базар и окрестные кишлаки. Чувствуя себя в безопасности, басмачи жестоко расправлялись с населением.

— Каждый день приходит новая банда, — рассказывал Доны. — Курбаши берут баранов, рис, фураж. Люди стали совсем нищими. Дети умирают от голода. Непокорных бьют камчой на базарной площади.

Пробираясь в Дюшамбе, Доны рисковал жизнью. Вернуться в Янги-Базар он больше не мог — там его

ожидала неизбежная смерть. Посоветовавшись с комиссаром бригады Ратниковым, я решил оставить Доны при штабе в качестве проводника.

В Дюшамбе с южного берега Кафирнигана каждый день приходили дехкане с жалобами на бесчинства басмачей. Обстановка требовала начать решительные действия против Ибрагим-бека.

Оставив 5-й Туркестанский стрелковый полк в Дюшамбе, я направился с двумя кавалерийскими полками в Янги-Базар. Под кишлаком река Кафирниган разбивается на несколько рукавов, образуя серьезную водную преграду. В течение двух дней район Янги-Базара был очищен от мелких шаек. Басмачи ушли за реку. По ночам на другом берегу ярко горели костры. Ветром доносило песни и крики. Басмачи, отделенные от нас стремительным и многоводным Кафирниганом, считали себя в безопасности.

Наша разведка доносила, что на левом берегу Кафирнигана, между кишлаками Тамчи и Новобад, сосредоточено до трех с половиной тысяч всадников. По численности басмачи превосходили наши силы более чем в два раза. Ибрагим-бек распространил фирмат, в котором уверял население, что ни один красноармеец не проникнет в Локай.

Изучая обстановку, я вновь и вновь убеждался, что Ионов во время Гиссарской экспедиции допустил грубую ошибку, не заняв Локай и не разгромив там реакционную племенную верхушку. Теперь Ибрагим-бек пользовался Локаем как основной базой снабжения и для пополнения своих банд людьми.

Усилив разведку в сторону Оби-Гарма и Локая, я решил одновременно разгромить противостоявшие нам шайки Ибрагим-бека.

Под вечер разъезды захватили на берегу Кафирнигана и доставили в штаб бригады пятерых сучи¹. Каждый из них сообщил, где находится его переправа. В ночь на 30 июня конно-горная батарея Дьяконова заняла позицию. Пулеметные эскадроны Алайского и Гиссарского полков под командованием Бортникова и Пилепенко вышли на прибрежные холмы, чтобы прикрыть огнем переправу. Головной отряд бригады (эскадроны

¹ Сучи — перевозчики на реке.

Куца и Ломакина) должен был захватить плацдарм на левом берегу и обеспечить переправу главных сил. Общее руководство действиями головных эскадронов возлагалось на помощника командира Алайского полка Кравцова.

К рассвету спешенные эскадроны заняли места у переправ. Перевозчики на плотках подали сигнал к погрузке. В густом предутреннем тумане спускались бойцы к воде. Когда плоты отвалили от берега с первой партией красноармейцев, открыла огонь батарея. Противоположный берег чернел в тумане.

Но едва первые бойцы головных эскадронов вступили на противоположный берег, как на них налетели басмачи. Прибывающие на плотках подкрепления не могли сдерживать атаку. Красноармейцам приходилось отбиваться, стоя по грудь в воде.

В этот критический момент с очередной группой бойцов переправился командир эскадрона Куц. Он видел, что еще минута — и головной отряд будет опрокинут в реку. Под огнем противника Куц поднял свой эскадрон в атаку и бросился на басмачей, увлекая за собой бойцов. В рукопашной схватке Куцу удалось оттеснить басмачей от реки.

Туман рассеивался, и пулеметные эскадроны прицельным огнем поддерживали головной отряд. Началась переправа главных сил бригады. Взвод за взводом выходил на левый берег и в конном строю с ходу бросался в атаку. Красноармейцы Степан Виниченко, Хамид Софиев и Владимир Кириченко, награжденные орденом Красного Знамени за Гиссарскую операцию, правее переправы нашли брод, поросший камышом и кустарником. Этим бродом воспользовался командир 1-го полка Красильников и переправил на левый берег резервный эскадрон. Басмачи не выдержали стремительного натиска вышедшего во фланг эскадрона и побежали. Ибрагим-бек потерял в этом упорном бою до пятисот джигитов.

Рассчитывая, что Ибрагим-бек будет отходить в Локай, я выслал на дорогу в кишлак Кок-Таши, в котором он родился, сильную засаду. Но уже через час я увидел, что ошибся: басмаческая конница уходила к перевалу Зардалю. Ибрагим-бек сознательно не пошел в Локай, чтобы отвлечь наши части от своей главной базы. Идти

в Локай, оставляя в тылу сильную басмаческую группировку, было опасно. Бой у Кафирнигана показал, что в лице Ибрагим-бека бригада встретила упорного и хитрого противника.

Быстро построив бригаду в походную колонну, я повел ее к перевалу, преследуя шайку. Последующие события показали, что я разгадал замысел Ибрагим-бека. Он рассчитывал, что бригада пойдет в Локай, и тогда, перерезав наши коммуникации и пользуясь знанием местности, можно было бы окружить и уничтожить утомленные боями кавалерийские полки. Убедившись, что его замысел разгадан, Ибрагим-бек стал спешно укрепляться на перевале, готовясь встретить бригаду.

Лучшую позицию для обороны, чем перевал Зардалю, трудно себе представить. Перевал проходит по каменной гряде с крутыми скатами, поросшими лесом. К нему ведет ущелье шириной в двести — триста метров. И достаточно было двух пулеметов, чтобы прочно закрыть подход к перевалу. Взять перевал фронтальной атакой нечего было и думать. После тщательной рекогносцировки я решил сковать противника с фронта и ударами по флангам заставить его покинуть позицию под угрозой окружения.

3 июля спешенные головные отряды — эскадрон Поскребко Алайского полка и эскадрон Нестерова Гиссарского полка — при огневой поддержке конно-горной батареи Дьяконова начали с боем подниматься к перевалу. Басмачи из-за камней вели меткий огонь по наступающим, но бойцы шаг за шагом теснили врага, отступавшего на заранее подготовленные позиции.

Тем временем главные силы бригады шли по козьим тропам в обход: слева — 1-й и 2-й эскадроны Алайского полка, а справа — 1-й и 2-й эскадроны Гиссарского полка. Подъем был очень трудным. Шли то втаскивая лошадей за поводья, то держась за их хвосты или цепляясь за кустарник. Местами приходилось рубить деревья и заваливать глубокие расщелины. За время подъема в пропасть сорвалось несколько лошадей. Но эскадроны, преодолев все препятствия, вышли на исходные позиции южнее перевала. После небольшого отдыха раздалась команда «По коням!». В тылу басмачей были установлены пулеметы, и под прикрытием их огня эскадроны пошли в атаку. Среди басмачей поднялась па-

ника. Многие, поняв безвыходность положения, садились на землю — таких брали в плен.

На перевале Зардалю Ибрагим-бек потерял 1300 джигитов. Ему самому удалось прорваться в Яван с отрядом в 120 всадников.

Опасаясь прихода наших войск в Локай, Ибрагим-бек и локайское духовенство стали распускать слух, что население Локая будет вывезено в Россию и продано там в рабство, что все жены станут наложницами красноармейцев. Слухи эти, распространяемые на всех базарах и в мечетях, оказывали свое действие. Дело в том, что Локайская долина, окруженная со всех сторон горами, была изолирована басмачами от революционных районов Восточной Бухары. Локайцы ни разу не сталкивались с красноармейскими частями и потому ничего о них не знали. Кроме того, не надеясь на провокационные слухи, Ибрагим-бек приказал своим курбашам вывести из Локая в горы семьи басмачей с тем, чтобы таким образом заставить басмачей продолжать драться против Советской власти.

В августе 1922 года в Москве было заключено новое экономическое соглашение между РСФСР и БНСР. Экономическая помощь Бухаре усилилась. В сентябре того же года Бюро ЦК РКП(б), обсудив вопрос о положении в БНСР, приняло решение о всемерной экономической помощи Бухарской республике.

Ибрагим-бек понимал, что приход Советской власти в Локай будет началом его конца. Он стянул к Вахшу локайские банды Асадуллы и Еганберды — курбашей племени исан-ходжа, Сафар-Тохсаба — племени карлюк, Ильбаши — племени бадракли и банды таджикских курбашей — Бабаджана и Муллы-Джабара. Ибрагим-бек приказал главарям шаек, не вступая в бой с крупными частями Красной Армии, совершать бандитские налеты на мирное население и отдельные небольшие подразделения наших войск.

2-й кавалерийский Гиссарский полк, преследуя Ибрагим-бека, захватил Пули-Сангинскую переправу. Бригада в полном составе перешла на левый берег Вахша и в кишлаке Тут-Каул на границе Локая остановилась на ночлег. Пройти в глубь Локая нам и на этот раз не удалось.

Ночью прибыл представитель штаба Бухарской группы войск и вручил мне приказ командующего группой Н. В. Лиссовского. В течение нескольких дней, пока бригада была занята разгромом Ибрагим-бека, обстановка в Восточной Бухаре резко изменилась. Новый командующий активизировал действия правой колонны. 8-я отдельная Туркестанская кавалерийская бригада от пассивной тактики вытеснения басмачей перешла к активным боям с ними. Представитель штаба сообщил мне, что в одном из боев убит Энвер-паша. А на его место пришел из-за границы уже битый нами в прошлом году турецкий генерал Сами-паша. Банды Самипаши вторглись в Бальджуанский район, и бригаде было приказано идти в Бальджуан и ликвидировать эти банды.

Для того чтобы был понятен ход последующих событий, необходимо рассказать о боевых операциях правой колонны.

* * *

8-я отдельная Туркестанская кавалерийская бригада 20 июня 1922 года переправилась под Термезом через Сурхан-Дарью и пошла в походной колонне в глубь Восточной Бухары. 24 июня бригада форсировала реку Кафирниган под кишлаком Шаартуз, где произошел бой с бандой Хурам-бека. В соответствии с предписанием Какурина командир бригады Богданов, потеснив басмачей, продолжал марш. Перевалив через горы, бригада форсировала реку Вахш на переправе Кизыл-Кала и сосредоточилась в районе Джиликуля. Отсюда она медленно двинулась в направлении Куляба. 15-й кавалерийский полк под командованием Лихарева, следуя в авангарде бригады, подошел к перевалу Файзабад-Кала. Здесь произошел бой с басмаческой шайкой Чары-Есаула. Эскадроны смяли противника и преследовали его до наступления темноты. К исходу дня 22 июля полки бригады сосредоточились в Кулябе. Медленный марш, частые остановки в нездоровой, малярийной местности, распыление сил по гарнизонам ослабили боеспособность бригады.

Пользуясь тем, что 1-я отдельная Туркестанская кавалерийская бригада была занята преследованием

Ибрагим-бека, а 8-я бригада находилась в Кулябе, Энвер-паша, отступив в глубь Восточной Бухары, привел в порядок свои силы. Сюда к нему пришли банды Чары-Есаула, Данияр-бека и Довлятман-бия. Всего у Энвер-паши оказалось около тысячи пятисот всадников.

Вступив в командование Бухарской группой войск, Лиссовский приказал Богданову перейти к решительным действиям.

Получив в ночь на 31 июля сведения о том, что Энвер-паша вышел в район Бальджуана, Богданов поднял по тревоге бригаду и выступил из Куляба. До кишлака Пушион бригада шла в походной колонне и на рассвете переправилась через реку Ях-су, восточнее Пушиона. Отсюда бригада двинулась на Бальджуан двумя колоннами. Правая колонна (16-й кавалерийский полк с конно-горной батареей под командованием Богданова) следовала через перевал Пушти-Шаити и ущелье реки Оби-Мазар с задачей атаковать Бальджуан с востока. Левая колонна (15-й кавалерийский полк с одним орудием под командованием В. А. Лихарева) шла через перевалы Ходжа-Бахтиар, Ходжа-Кобадан и должна была выйти к Бальджуану с юга.

Совершив переход по горам, головной отряд 16-го кавалерийского полка достиг кишлака Буй-Мирза. Высланный от полка разъезд обнаружил в ущелье басмачей, и Богданов приказал полку спешиться и под прикрытием артиллерийского и пулеметного огня овладеть ущельем. В результате упорного четырехчасового боя басмачи отошли к Бальджуану.

Левая колонна бригады, преодолев перевалы, вышла в долину реки Кызыл-Су. На рассвете 1 августа командир 15-го кавалерийского полка Лихарев услышал справа сильную орудийно-пулеметную стрельбу. Лихарев понял, что правая колонна ведет бой с басмачами, и с головным эскадром рысью пошел к Бальджуану.

У кишлака Айбар, в нескольких километрах южнее Бальджуана, головной эскадрон наткнулся на укрепленную позицию, с которой басмачи открыли по эскадрону сильный огонь. Конники спешились и короткими перебежками пошли на сближение. Но были остановлены огнем противника и залегли. Главные силы полка, оставив в укрытии лошадей, в пешем строю пошли на по-

мощь эскадрону. Завязалась перестрелка. Высланная к Бальджуану разведка донесла, что в садах на окраине города сосредоточивается крупная конная группа басмачей. Видя, что бой начинает принимать затяжной характер, Лихарев вывел из-под огня три эскадрона, посадил их на коней и повел в обход западнее Бальджуана.

Форсировав речку Кызыл-Су, эскадроны ворвались на окраинные улицы города. Во время атаки полк понес большие потери. В бою был ранен Лихарев. Басмачи, потеряв до пятисот человек убитыми и ранеными, оставили город. Группировка Энвер-паши распалась. Шайка Чары-Есаула по ущелью Оби-Мазар ушла на восток, шайка Данияр-бека — на запад, а Энвер-паша и Довлятман-бий в сопровождении сильного конвоя — на север.

Командир бригады Богданов направил 16-й кавалерийский полк на Хавалинг с задачей разгромить шайку Чары-Есаула. Одновременно был сформирован сводный эскадрон, в который из обоих полков были взяты наиболее опытные бойцы и лучшие лошади. Во главе эскадрона Богданов поставил опытного командира Ивана Савко. Эскадрон получил задачу найти и уничтожить Энвер-пашу. 15-й кавалерийский полк, обескровленный в бою за Бальджуан, и конно-горная батарея вместе со штабом бригады остались в Бальджуане.

...Эскадрон Савко пошел из Бальджуана на север, ведя тщательную разведку, и 3 августа остановился на привал вблизи небольшого селения. По соседству семья дехканина снимала в саду персики. Несколько красноармейцев пошли им помогать. Вскоре один из них вернулся, отозвал командира эскадрона в сторонку и сообщил ему, что, по словам дехканина, Энвер-паша и Довлятман-бий находятся в кишлаке Чагана. Савко сам поговорил с дехканином, и тот сказал, что из Чаганы вернулся его брат, который своими глазами видел Энвера.

В большом и богатом кишлаке Чагана, расположенном в 25 километрах северо-восточнее Бальджуана, была своя мечеть, в которую ходило молиться все окрестное население. И Энвер-паша, остановившись в Чагане, еще лелеял надежду воздействовать на религиозные чувства дехкан и, пополнив свои потрепанные банды, вновь

повести их на борьбу против Советской власти. Кишлак лежал в стороне от больших дорог, и Энвер чувствовал себя здесь в полной безопасности.

Чтобы не спугнуть Энвера, Савко задержался на привале до вечера, и только с наступлением темноты эскадрон двинулся вперед. На рассвете подошли к Чагане. Укрыв лошадей в окраинных садах, бойцы буквально по-пластунски пробрались в кишлак. С минарета муэдзин призывал правоверных к утренней молитве. Вооруженные джигиты личной охраны Энвера, оставленные у мечети при лошадях, кутались в халаты от знобкого утреннего ветра, дувшего с гор. Савко приказал навести пулеметы на площадь перед мечетью, но огня не открывать.

Но вот утренняя молитва кончилась, и из мечети стали выходить вооруженные джигиты. Оттеснив жителей кишлака, они образовали живой коридор. На пороге мечети появился Энвер-паша в сопровождении Довлятман-бия и других курбашей. Они не спеша шли к лошадям. И тогда Савко приказал пулеметчикам открыть по этой группе огонь.

Началась паника. Коноводы быстро подали лошадей, и эскадрон пошел в атаку. Через несколько минут площадь перед мечетью опустела. Среди убитых местные жители опознали Энвера и Довлятман-бия. Оба были скошены пулеметными очередями. У Энвера Савко обнаружил письма, которые неопровержимо доказывали тесную связь этого международного авантюриста со Стамбулом и Лондоном.

После бесславной гибели Энвера из Восточной Бухары бежали за границу Усман Ходжаев, Али-Ризоэфенди и их единомышленники. Бухарская контрреволюция лишилась своих политических главарей, но на территории Восточной Бухары еще оставались их ставленники, которые продолжали вооруженную борьбу, рассчитывая на помощь английских империалистов.

В командование бандами вступил Данияр-бек, в помощь ему в Бальджуанский район пришел из-за границы Сами-паша во главе отряда турецких добровольцев, которым было обещано щедрое вознаграждение за счет трудящихся Восточной Бухары.

Главные группировки басмачей сосредоточились в Бальджуанском районе. Банды Данияр-бека занимали

кишлаки Сары-Хосор, Шураб, Саддач. Командование над шайкой Довлятман-бия взял на себя его шурина Абду-Кадыр, так как сын Довлята был еще мал, хотя уже отличался жестокостью и, сопровождая повсюду главаря банды, пролил немало крови беззащитных дехкан. Шайка Абду-Кадыра-тохсаба (шурина Довлята) соединилась с бандой Сами-паши и направилась в Чагану. Здесь на могиле Энвера встретились Сами-паша, Абду-Кадыр и Данияр-бек. После долгих споров был выработан общий план антинародной борьбы. Но ему, как и другим подобным планам, не суждено было осуществиться.

* * *

Согласно приказу командующего Бухарской группы войск Н. В. Лиссовского 1-я отдельная Туркестанская кавалерийская бригада в первых числах августа пришла в Бальджуан. Здесь разведка установила, что банды Сами-паши, Данияр-бека и Абду-Кадыра-тохсаба соединились и сосредоточились в районе Сары-Хосор.

Чтобы разгромить эти банды, я приказал командиру полка Красильникову ночью овладеть кишлаком Сары-Пуль и, закрыв ущелье Ях-су одним эскадроном, занять главными силами высоту 207,3. Гиссарский полк Панкеева должен был наступать вдоль реки Шураб-Дарьи и овладеть кишлаком Сары-Хосор.

1-й кавалерийский Алайский полк с боями достиг указанной ему высоты. На крутых скатах ее были окопы, занятые главными силами Данияр-бека. Полк спешил и повел наступление. Утомленные ночными переходами, красноармейцы с трудом преодолевали упорное сопротивление противника. Но вот на высоте появился какой-то всадник. Он носился с одного фланга на другой, размахивая маузером. Кто-то из бойцов узнал в нем Данияра. Усталость как рукой сняло. Конники Алайского полка хорошо помнили подлое предательство Данияра, стоившее жизни многим бойцам 8-го стрелкового полка. Ненавистное имя передавалось по цепи, и весь полк в едином порыве поднялся и пошел в атаку. Чья-то меткая пуля сразила Данияра, и он, опрокинувшись, упал из седла. Басмачи выскакивали из окопов и, бросая оружие, бежали в долину.

Часть банды пыталась в конном строю прорваться через ущелье Ях-су, но попала под клинки наших конников.

2-й кавалерийский Гиссарский полк Панкеева тем временем с боем занял кишлак Сары-Хосор. Группировка басмачей распалась. Одна часть во главе с Самипашой бежала в направлении Товиль-Дора, вторая — во главе с Абду-Кадыром ушла в горы.

С наступлением темноты бригада сосредоточилась в кишлаке Чагана. Среди собранных трофеев оказалось несколько десятков английских винтовок и два пулемета.

Вскоре стало известно, что турецкий генерал Самипаша, поняв безвыходность борьбы, ушел за границу. Авантюра Энвер-паши, мечтавшего о создании «Великой Оттоманской империи», потерпела крах. В Бальджуанском районе оставался только Абду-Кадыр, единственный представитель недавнего триумvirата; он продолжал борьбу и после бегства Самипаши.

Об «идейных» позициях Абду-Кадыра и его «политических» целях говорит такой факт. Однажды в штаб бригады был доставлен басмач, который заявил, что он должен говорить только со мной. Я приказал привести его.

Басмач, оказавшийся одним из курбашей Абду-Кадыра, заявил, что Абду-Кадыр готов перейти на службу к Советской власти и обязуется защищать Бальджуанский район от вторжения посторонних бандитских шаек. Взамен Абду-Кадыр просит, чтобы его оставили правителем района и чтобы все распоряжения Советской власти шли через него.

Поняв, что его ставка на турецких и английских интервентов бита, этот матерый бандит был готов примириться с ненавистным ему советским режимом, лишь бы сохранить власть над трудящимся населением и иметь возможность обогащаться.

Предложение Абду-Кадыра не было для меня неожиданным. Я давно убедился, что среди главарей басмаческого движения не было ни одного, действительно убежденного в правоте дела, за которое он проливал столько крови мирных людей. Всеми ими руководила одна цель — сохранить свои богатства, свое господство над трудовыми массами. Никто из них не мог понять,

что Советская власть, провозглашенная в результате победы бухарской революции, боролась не с отдельными лицами, а со всем прогнившим феодально-капиталистическим строем, который эти лица защищали.

Я слушал посланного Абду-Кадыром курбаши и обдумывал, как лучше поступить. Захватить Абду-Кадыра — значило сохранить жизнь и покой сотен и тысяч людей. И у меня созрел план. Я заявил, что жду Абду-Кадыра и его курбашей для личных переговоров.

Через два дня в Чагану прибыл Абду-Кадыр с сыном Довлятман-бия и десятью курбашами. Я заранее сообщил командиру группой о своем намерении задержать басмачей и, ожидая его согласия, принимал Абду-Кадыра как гостя.

Все шло хорошо, и лишь простая случайность помогла Абду-Кадыру избежать плена, в результате чего много невинных жертв погибло от руки этого головореза.

Командир Алайского полка Красильников самовольно, вследствие того что на месте его стоянки не оказалось фуража, перешел в соседний кишлак Сайдон. Банда Абду-Кадыра, сосредоточенная в кишлаке Оруфи, решила, что ее окружают. Басмачи послали в Чагану лазутчика, и ночью Абду-Кадыр с сыном Довлятман-бия бежал. Но десять курбашей, которые пришли с ним, раскаялись в своих поступках и в доказательство своей искренности рассказывали на базарных площадях о вероломстве Абду-Кадыра и о его желании служить Советской власти при условии, если эта власть позволит грабить бедняков.

* * *

Роль 8-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригады в ликвидации авантюры Энвер-паши, несмотря на ее пассивные действия в начале операции, была велика. Бригада в завершающий период боев действовала бок о бок с 1-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригадой. Без такого тесного взаимодействия покончить с энверовщиной было бы очень трудно.

За успешные действия в районе Бальджуана и за разгром шайки Энвер-паши при занятии города 15-му ка-

валерийскому полку 8-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригады было присвоено наименование Бальджуанский. Командир полка В. А. Лихарев был награжден орденом Красного Знамени.

Из-за своей малочисленности 8-я бригада после ликвидации энверовщины была расформирована; 16-й кавалерийский полк волился в 15-й Бальджуанский, который был переименован в 3-й отдельный Бальджуанский кавалерийский полк 3-й Туркестанской стрелковой дивизии. Командиром полка был назначен Иван Савко. Это был человек, беззаветно преданный делу партии, и я хочу рассказать о последних минутах его короткой героической жизни.

В конце октября 3-й отдельный Бальджуанский кавалерийский полк был переброшен в Бабатаг для ликвидации банды Хурам-бека.

За несколько часов до боя всегда жизнерадостный Савко вдруг замкнулся, стал мрачным. «Если меня убьют, возьмишь на себя командование», — сказал он своему комиссару. А вскоре головной отряд, с которым следовал Савко, столкнулся на перевале с бандой, и 25-летний командир полка был убит.

О славном командире бойцы 3-го кавалерийского полка сложили песню, которая до сих пор живет в памяти тех, кто знал Ивана Савко. Вот эта песня. Ее пели на мотив песни «Степь да степь кругом»:

К Бабатаг-горам
Путь далек лежит.
У Хазрет-Баба
Командир убит.

В Октябре восстал
Трудовой народ,
И Савко Иван
Их повел вперед.

Не шадил врагов
Наш герой в бою,
За народ родной
Отдал жизнь свою.

Мать ночей не спит,
Ждет старушка, ждет,
Скоро, скоро к ней
Сын родной придет.

Не вернется он —
Басмачом убит,
Средь бухарских гор
Он спокойно спит.

Спи ж спокойно, спи,
Наш герой, в гробу,
Отомстит наш полк
За тебя врагу.

О смерти Савко я узнал позже, уже будучи в Самарканде. А до этого в Восточной Бухаре произошло еще одно событие, о котором я также хочу рассказать.

В начале сентября 1-я отдельная Туркестанская кавалерийская бригада по приказу командующего Бухарской группы войск направилась из Бальджуана в Дюшамбе. По дороге бригада зашла в Кангурт, где стояла гарнизоном рота 7-го Туркестанского стрелкового полка. Положение этой роты очень убедительно свидетельствует о порочности плана бывшего командующего группой Какурина. Личный состав роты уже несколько дней голодал, но командир роты боялся направить людей в соседний кишлак, так как по дороге они могли наткнуться на сильный отряд басмачей. Оставаясь же на месте, рота не могла оказать никакого воздействия на подвижные конные банды. Пришлось выслать для фуражировки эскадрон Гиссарского полка, чтобы спасти личный состав роты от голодной смерти.

Настроение у меня после Кангурта было невеселое. Но оно стало совсем мрачным, когда на следующий день я узнал в Нуреке от командира 3-й стрелковой дивизии Бондарева, что оба моих полка переходят в его оперативное подчинение.

С некоторыми вариациями повторялась ошибка прошлого года. Как только басмаческое движение, подавленное кавалерийскими частями, пошло на спад, кавалерия, обладающая способностью быстро маневрировать и наносить массированные удары, уступала свою ведущую роль пехоте, переходя в ее подчинение. К сожалению, результаты этой неразумной меры сказались, как и в предыдущем году, очень быстро. Но приказ есть приказ, и, как ни тяжело мне было, я простился в Дюшамбе с моими полками и вместе со штабом бригады и батареей выехал в Самарканд.

7 ноября 1922 года Центральный Исполнительный Комитет Бухарской Народной Советской Республики за успешные действия по ликвидации энверовщины и за выдающиеся заслуги в борьбе с басмачеством наградил 1-й Алайский и 2-й Гиссарский Краснознаменные кавалерийские полки орденом Красной Звезды Бухарской республики II степени.

ЦИК РСФСР наградила 48 бойцов, командиров и политработников 1-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригады орденом Красного Знамени. Вторым орденом Красного Знамени были награждены командир 2-го полка Андрей Панкеев, командир эскадрона 1-го полка Мирон Плотников и красноармеец этого же полка Владимир Кириченко. Орденом Красного Знамени был награжден комиссар бригады Николай Ратников. Вторым орденом Красного Знамени правительство РСФСР наградило и меня.

ЦИК БНСР за помощь, оказанную бригадой в освобождении бухарского народа от басмаческих банд, наградила 49 бойцов, командиров и политработников орденом Красной Звезды.

Так закончился второй поход в Восточную Бухару.

ОТ МАТЧИ ДО ЛОКАЯ

ЛИКВИДАЦИЯ БАСМАЧЕСТВА В МАТЧЕ

Разгромом Энвер-паши по существу закончилась гражданская война в Средней Азии. Ставка бухарского эмира и его хозяев — английских империалистов — на массовое движение против Советской власти была окончательно бита. Но наиболее реакционная феодальная верхушка не хотела признать себя побежденной. Пользуясь поддержкой джадидов, еще остававшихся в правительстве Бухарской Народной Советской Республики, беки и ханы продолжали вооруженную борьбу. Эта борьба всячески разжигалась из-за рубежа. Эмир получал и пересылал главарям банд оружие и деньги. Но это мало помогало. Большинство местного населения отвернулось от басмачей. Эмиру, несмотря на все его старания и щедрую иностранную помощь, больше не удавалось создать серьезную угрозу завоеваниям бухарской

революции. Его агенты и приверженцы на всей территории потерпели политическое поражение и перестали играть в жизни народа какую-либо роль.

Главари басмаческих банд уже не выдвигали политических требований. В своей звериной ненависти к народу они дошли до того, что видели главную задачу в физическом уничтожении дехкан, признавших Советскую власть своей родной властью. Видя всю безнадежность своей борьбы, они продолжали грабежи и убийства, стараясь устрасить население, задержать мирное строительство.

К концу 1922 года очаги басмачества сохранились лишь в труднодоступных районах Туркестана — в горах и пустынях. В Локайской долине действовал Ибрагимбек, в песках Кызыл-Кума оперировали банды Абду-Саттар-хана, в Хорезме и Кара-Кумах орудовал Джунaid-хан, в Матче отсиживались бек Саид-Ахмет-ходжа и Халбута. Пользуясь малочисленностью частей Бухарской Народной Советской Республики и войск Красной Армии, басмачи совершали налеты на беззащитные города и кишлаки, чинили зверские расправы над мирным населением, угоняли скот, грабили и жгли жилища дехкан, насиловали женщин, а затем уходили на свои базы, отсиживались за труднодоступными горными перевалами и в безводных песках пустынь.

Войска Туркестанского фронта были распределены по боерайонам в зависимости от численности и активности действующих в этих районах банд.

Летом и осенью 1922 года наибольшую активность проявляли шайки матчинского бека. Пользуясь тем, что основная часть Бухарской группы войск была занята ликвидацией Энвер-паши, банды матчинского бека совершали налеты на Самаркандскую область.

Главной базой басмачей было матчинское бекство Восточной Бухары, расположенное в горах по обе стороны реки Матчи и в верхнем течении реки Зеравшан. Главарем шаек был Саид-Ахмет-ходжа. Одно время он являлся председателем исполкома Букса-Исфанайской волости Ходжентского уезда. Разоблаченный трудящимися как ярый враг революции, Саид-Ахмет-ходжа бежал в Матчу и после смерти бека Абду-Хафиза объявил себя его преемником. Саид-Ахмет взял себе в качестве военного советника бывшего царского офицера

Венедиктова, который пробрался на пост начальника канцелярии Ура-Тюбинского военного комиссариата и, уличенный в предательстве, бежал в Матчу. В шайках крупных курбашей Халбуты и Арсор-хана (брата убитого бека) было около 700 хорошо вооруженных всадников.

В июле 1922 года в распоряжение штаба Бухарской группы войск прибыла из Гомельской области 11-я кавалерийская дивизия, входившая в 1-ю Конную армию. Прославленная дивизия состояла из шести полков, укомплектованных до полного штата. Но, к сожалению, личный состав дивизии не имел опыта боевых действий в горах. Полевые пушки и пулеметные тачанки, состоявшие на вооружении дивизии, трудно было применять в горной местности. Все это сказалось в первых же боях.

Командующий Бухарской группой войск Н. В. Лисовский поставил перед 1-й бригадой 11-й кавалерийской дивизии задачу (командир бригады Деларм был болен, и его замещал комиссар И. Е. Петров) разгромить банду Абду-Саттар-хана, скрывавшуюся в песках Кизыл-Кум, а перед 2-й бригадой этой же дивизии (командир бригады И. И. Иванов) — уничтожить басмаческие шайки в Матче. Это была первая серьезная попытка покончить с матчинским беком после ряда неудач, постигших небольшие подразделения Красной Армии и войск ВЧК, но, к сожалению, и она окончилась неудачей.

В первые годы Советской власти в Матчинской волости, входившей в состав Ура-Тюбинского уезда Самаркандской области, не было ни одной дороги, по которой могли бы пройти артиллерия и обозы. Сюда вели из долины лишь горные тропы. Даже привычные к горам лошади и ишаки с трудом проходили по этим тропам. Со стороны Пенджикента тропа проходила по узкому ущелью реки Зеравшан, то поднимаясь на крутые склоны, то спускаясь к самой воде. У не привыкшего к горам человека захватывало дух, когда он заглядывал в пропасть, на дне которой бешено мчалась река. К тому же тропа во многих местах была разрушена вешними водами. Положив два — три бревна, таджики прикрывали их хворостом и засыпали землей.

Получались искусственные карнизы, которые висели над бездной, и трудно было узнать, подгнила их деревянная опора или нет. Однако местные жители — таджики — пользовались этими тропами уверенно, так как с детства привыкали к ним. Совсем по-другому вел себя человек, впервые вступивший на такую тропу. Каждый шаг давался ему с трудом. Люди буквально заставляли себя идти вперед, преодолевая страх сорваться в пропасть. Чувство беспомощности усиливал разреженный воздух: дышать было трудно, и у многих начиналась горная болезнь — тугек. В этих сложных условиях и пришлось действовать совершенно не подготовленной для борьбы в горах 2-й бригаде 11-й кавалерийской дивизии.

Командир 2-й бригады Иванов повел бригаду к Зеравшанскому ущелью. У кишлака Урмитан бригада по узкой тропе втянулась в ущелье и стала подниматься в горы. Иванов по неопытности допустил грубейшую ошибку, не выслав вперед спешенное охранение и не прочесав заросли, окружавшие ущелье, пулеметным огнем. Эту ошибку использовали басмачи. Халбута дал возможность бригаде полностью втянуться в ущелье, где головной отряд натолкнулся на засаду. Сталкивая на тропу огромные камни, басмачи осыпали бойцов градом пуль. Красноармейцы срывались вместе с конями с узких карнизов. Лишь с большим трудом, потеряв много людей и бросив несколько пулеметов, бригада вырвалась из ущелья и отошла к Пенджикенту.

Чтобы читатель яснее представил себе место 11-й кавалерийской дивизии в ликвидации басмачества, расскажу о первой операции 1-й кавалерийской бригады. Операция эта протекала более удачно.

1-я бригада была переброшена по железной дороге до станции Каган и двое суток шла походным порядком в глубь пустыни Кызыл-Кум. На рассвете около колодцев Такай-Кудук 61-й и 62-й кавалерийские полки атаковали басмачей. Банда была наголову разбита, а главарь банды Абду-Саттар-хан убит.

В течение шести месяцев части 11-й кавалерийской дивизии вели тяжелые бои в Западной Бухаре и Самаркандской области. Дивизия понесла большие потери, и в декабре 1922 года Реввоенсовет Республики

приказал вывести дивизию в Оренбург для пополнения личным составом. В конце декабря дивизия ушла из Средней Азии и вернулась туда только весной 1923 года.

* * *

В начале ноября 1922 года Бухарская группа войск была реорганизована в 13-й стрелковый корпус. Командиром корпуса остался Лиссовский, членом Реввоенсовета был назначен Исаев, начальником штаба — Захаров.

После разгрома в пустыне Кызыл-Кум Абду-Саттархана в боерайоне корпуса продолжали действовать шайки матчинского бека. Против них велись главным образом оборонительные операции, целью которых было оградить Самаркандскую область от частых набегов басмачей. В этих операциях участвовала 4-я Туркестанская стрелковая дивизия, 10-й Усманский и 17-й Нижегородский отдельные кавалерийские полки, а также бухарские национальные части.

Неудача 2-й бригады 11-й кавалерийской дивизии придала смелости матчинским басмачам. В начале декабря 1922 года Халбута ворвался через горный перевал Обурдон (высота перевала 11 209 футов) в Ура-Тюбинский уезд. Разбив советские малочисленные гарнизоны в кишлаках, Халбута пошел к городу Ура-Тюбе, угрожая одновременно узловой железнодорожной станции Урсатьевская. Командующий фронтом А. И. Корк приказал командиру 2-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригады К. П. Ушакову направить навстречу банде два кавалерийских полка.

15 декабря 4-й кавалерийский Актюбинский Краснознаменный полк (командир полка Б. Я. Лавиновский) и 5-й кавалерийский Бегалинский полк (командир полка В. Н. Символоков) прибыли в Ура-Тюбе и начали поиски банды.

Около 5 часов 16 декабря, совершив ночной переход, головной эскадрон 4-го кавалерийского полка под командованием В. В. Бардадина в ущелье горной речки Басманды столкнулся с шайкой Халбуты, насчитывавшей около 600 джигитов, напал на нее и погнал вверх по ущелью. Басмачам удалось занять выход из ущелья,

и они открыли по эскадрону сильный огонь. Эскадрон спешил и начал перестрелку с басмачами. Вскоре подошли главные силы бригады, которые также вступили в бой. Противник несколько раз пытался перейти в атаку, но безуспешно. Перейдя к оборонительной тактике, басмачи стали отходить, последовательно задерживаясь на удобных рубежах. Бригада с боем прошла более пятнадцати километров и с наступлением темноты прекратила преследование. Противник ушел по ущелью речки Басманды, и бригада заночевала в кишлаке Янги-Арык.

Ночью командир бригады Ушаков направил 2-й эскадрон 5-го кавалерийского полка под командованием К. Э. Андерсона для занятия перевала Шахристан на Туркестанском хребте. Пройдя за ночь 60 километров по горным отрогам, эскадрон на рассвете 17 декабря был встречен у кишлака Коирма шайкой в 500 джигитов, которая также спешила занять перевал Шахристан. Андерсон успел захватить отдельно стоявшую кибитку и приготовился к обороне. Неравный бой продолжался весь день. Ни атаки всей шайки, ни попытки отдельных джигитов подобраться к стенам кибитки успеха не имели. Басмачи ушли только поздно вечером, когда к месту боя подошел весь 5-й кавалерийский полк.

Для разведки перевала Шахристан командир полка Символоков направил ночью 1-й эскадрон под командованием С. М. Швецова. Но у перевала на эскадрон налетела крупная шайка басмачей. Эскадрон отразил эту атаку, но вскоре басмачи снова попытались атаковать эскадрон. Так продолжалось много раз, и каждый раз Швецов встречал их короткими контратаками в конном строю. Понеся большие потери, басмачи отошли к перевалу.

Шайка Халбуты, разделившись на два отряда, направилась к перевалам Шахристан и Обурдон, являвшимся ключом к Матчинской долине. Потеряв в боях с 2-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригадой убитыми свыше 100 джигитов, Халбута уходил с шайкой в Матчу, увозя с собою свыше 200 раненых, завернутых в кошмы и привязанных к седлам.

За умелое руководство эскадронами в бою Василий Бардадин, Карл Андерсон и Семен Швецов были награждены орденом Красного Знамени.

Борьба за перевалы продолжалась. Командир бригады Ушаков приказал 4-му кавалерийскому полку выступить на рассвете 20 декабря из кишлака Аучи и преследовать басмачей. Участник боев с басмачами С. Н. Севрюгов так рассказывает об этом переходе:

— К 7 часам утра полк подошел к подножью перевала. Снеговая вершина тонула в облаках и тумане, создавая впечатление бесконечной высоты. Командир полка приказал начать подъем. Шли целиной, утаптывая метровый слой снега, под которым были острые камни и лед. Лошади, проваливаясь по брюхо, ломали копыта, в кровь резали ноги. Красноармейцам приходилось вытаскивать их на руках. В 9 часов с гор потянул ветер. Он непрерывно усиливался и вскоре перешел в настоящую бурю. Шли медленно. В час проходили не более километра. То и дело люди и кони скользили на крутизне и срывались вниз. Оставив внизу патронные и хозяйственные вьюки, полк лишь к тринадцати часам с огромным трудом преодолел первый подъем. Впереди виднелись покрытые снегом острые вершины...

Немного передохнув и подтянув отставших, полк снова пошел, вернее, пополз вверх... Подъем стал еще круче: бойцы карабкались, держась за хвосты лошадей, или, наоборот, вытягивали своих коней за повод — снег между камнями бывал так глубок, что кони проваливались по седла. Сильнейшие порывы ветра несли мелкую ледяную пыль, и она со страшной силой била в лицо, в кровь рассекая кожу. Но полк продолжал упорно подниматься к перевалу, растянувшись чуть ли не на два километра. К пятнадцати часам полк, вернее, те, кто шли впереди, были в 200—250 метрах от вершины. Но это были уже не люди, а тени... Полк встал... Командир полка Лавиновский, все время находившийся впереди, желая ободрить бойцов, с криком «ура» бросился к вершине. За ним побежало еще несколько человек. Но не сделали они и десятка шагов, как командир полка провалился по грудь и уже не имел сил выбраться из снежного месива. Попытка преодолеть перевал сорвалась... А ветер все усиливался и не давал ни говорить, ни дышать. Люди как попало валились на снег. Лошади, шатаясь от усталости, еле держались на ногах. Некоторые из них ложились и не хотели вставать, а у бойцов не хватало сил, чтобы поднять их. Остаться на

месте в изорванном обмундировании было невозможно. Приказано было начать спуск. К девятнадцати часам полк возвратился в кишлак Аучи¹.

Неудача постигла и 5-й кавалерийский полк, пытавшийся выйти на перевал Шахристан. Халбута укрылся в неприступном горном гнезде — Матче — и стал готовиться к новым набегам. Уже в начале января 1923 года он вторгся в Самаркандскую область.

В это время штаб 1-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригады находился в Самарканде. В начале октября 1922 года сюда прибыл и вошел в состав бригады 3-й кавалерийский Бальджуанский полк. 1-й Алайский и 2-й Гиссарский полки по-прежнему находились в Восточной Бухаре.

Командир 13-го стрелкового корпуса Лиссовский приказал моей бригаде закрыть все выходы из Матчи в Пенджикентскую долину. Для выполнения этого распоряжения у меня был только Бальджуанский полк², но моральные и боевые качества его были столь высоки, что большего трудно было и желать. Личный состав — семиреченские казаки, привычные к действиям в горной местности, — прошел хорошую боевую школу и был прекрасно подготовлен для выполнения поставленной задачи.

Получив мой приказ, командир полка Деларм (бывший командир 1-й бригады 11-й кавалерийской дивизии) выслал к горному проходу один эскадрон. Командир эскадрона Строганов в свою очередь направил в кишлак Миндона один взвод с пулеметом, поручив ему охрану прохода.

Халбута, узнав, что в кишлаке Миндона стоит небольшой отряд, спустился со своей бандой из Урмитана вниз по реке. Командир взвода Лобов встретил басмачей на окраине кишлака пулеметным огнем. Весь день шел неравный бой. К ночи басмачи окружили кибитки, в которых укрылись бойцы, обложили глинобитные стены камышом и подожгли. Чтобы заставить

¹ Этот поход подробно описан в книге С. Севрюгова «Красная конница в горной войне», выпущенной в 1931 г. Военным издательством.

² Остальные полки бригады находились в Восточной Бухаре.

красноармейцев покинуть укрытия, басмачи бросали в огонь куски кошмы и всякое тряпье. Бойцы задыхались от едкого дыма. Во взводе было много раненых. Лобов приказал бойцам прорываться через улицу в соседний двор. Басмачи набросились на бойцов, но нескольким красноармейцам все же удалось добежать до укрытия, и Лобов организовал здесь круговую оборону. Красноармейцы мужественно отбивали атаки басмачей, не подпуская их к дувалам.

На исходе второго дня в Пенджикент к командиру эскадрона пришел узбек. Халат на нем был изорван, лицо в крови. Он что-то говорил по-узбекски, с трудом шевеля распухшими губами. Командир эскадрона Строганов уловил знакомое слово «Миндоу» и понял, что речь идет о кишлаке Миндона, в котором был взвод Лобова. Об остальном нетрудно было догадаться по растерзанному виду рассказчика.

Через несколько минут поднятый по тревоге эскадрон мчался по дороге из Пенджикента. Рядом с командиром эскадрона скакал узбек, знаками показывая дорогу. К вечеру подошли к кишлаку и с ходу атаковали ничего не подозревавших бандитов. Пользуясь быстро наступившей темнотой, Халбута покинул кишлак и ушел в Матчу.

Двое суток 28 бойцов Лобова выдерживали атаки басмачей. Никто за это время не сомкнул глаз. Не было ни воды, ни пищи. Когда появился эскадрон, во взводе оставалось 2—3 патрона на винтовку. Так благодаря самоотверженности дехкана Али Усманова были спасены бойцы Лобова.

Как только Халбута ворвался в кишлак, басмачи начали избивать дехкан, сочувствующих Советской власти. Али был схвачен и избит до полусмерти. Когда к вечеру он очнулся, в кишлаке слышались стрельба и крики басмачей. Али понял, что взводу кизыл-аскероv угрожает смертельная опасность. Едва держась на ногах, он выбрался из кишлака, поймал пасшуюся на лугу лошадь и на другой день прискакал в Пенджикент.

Однако в донесении командира полка Деларма подвиг 28 бойцов и бедняка дехкана выглядел совсем иначе. Деларм обвинил Лобова в трусости и потребовал отдать его под суд за то, что бойцы, покидая горя-

щие кибитки, бросили лошадей. Командующий фронтом Корк поверил донесению командира полка и приказал судить Лобова.

Я хорошо знал бальджуанцев по совместным боям в Восточной Бухаре и заподозрил неладное в этой истории. Расследование показало, что я был прав. Деларм решил опорочить храброго и умелого командира взвода, только бы оправдать невыполнение приказа о закрытии выходов из Матчи. А виноват во всем этом был сам Деларм, передоверивший серьезное дело командиру эскадрона.

Я лично докладывал Корку о результатах расследования, и Лобов был оправдан.

За мужество и героизм, проявленные при обороне кишлака Миндона, командир взвода Лобов, красноармейцы Костусов, Байков и Куксин были награждены орденом Красного Знамени.

Тогда же я поставил перед Корком вопрос об отстранении Деларма от командования полком. «Это неудобно, — ответил Корк. — Деларм был комбригом. Назначение на полк и без того для него понижение. Присмотритесь к нему повнимательней. Снять его всегда успеем». Я согласился с командующим и впоследствии не раз пожалел об этом.

В начале декабря 1922 года штаб 13-го стрелкового корпуса переехал в Каган, и я был назначен начальником Самаркандского боерайона. В это же время по решению партии и правительства были созданы «тройки» по борьбе с басмачеством. В «тройку» входили: председатель местного ревкома, начальник боерайона и начальник ГПУ. Председателем Самаркандского ревкома был Дуст Мухамедович Устабаев. Сын бедняка башмачника из Катта-Кургана, Устабаев был стойким коммунистом. Он завоевал доверие местного населения, знал нужды и чаяния своего народа, и это помогло нам при ликвидации банд Бахрам-бека и Мирзы-Палвана.

В конце 1922 и в начале 1923 года нашим опаснейшим противником по-прежнему оставался матчинский бек Саид-Ахмет-ходжа и его курбаши Халбута. Увеличив свою шайку до 1000 джигитов, вооружив их английскими винтовками и пулеметами, 8 февраля 1923 года Халбута вновь появился на территории Самаркандского

боерайона. Наши неудачные попытки проникнуть в Матчу подсказывали нам единственно правильное решение: отрезать банду от горных дорог и уничтожить ее в пределах Самаркандской области. Я доложил план операции командующему фронтом Корку. Он согласился со мной и приказал овладеть кишлаком Варзаминор, чтобы перехватить узел дорог Ура-Тюбе — Дюшамбе, Пенджикент — Матча.

По моему приказу Деларм выступил с полком из Самарканда и пошел к Пенджикенту, где, по данным разведки, оперировала банда Халбуты. Но вместо того чтобы попытаться отрезать басмачам пути отхода на Матчу, Деларм вступил с бандой Халбуты в открытый бой. Под нажимом 3-го кавалерийского Бальджуанского полка Халбута начал медленно отходить, задерживаясь на удобных для обороны рубежах. 11 февраля полк вступил в кишлак Урмитан, а Халбута поднялся в горы и занял оборону в пяти километрах от кишлака, в горном ущелье. 12 февраля полк в походной колонне втянулся в ущелье, и сразу же на него обрушилась лавина камней. Деларм растерялся. Вместо того чтобы организовать пулеметную группу и под прикрытием ее огня перестроить полк для атаки, Деларм приказал отступить и, бросив полк, первым ускакал в кишлак Урмитан. Только опытность командиров эскадронов и умелые действия бойцов-бальджуанцев спасли полк.

О позорном поведении Деларма мне стало известно 13 февраля, и уже на другой день я прибыл в полк с конно-горной батареей. Со мною был помощник командира 1-го кавалерийского Алайского полка Кравцов, который приехал в Самарканд из Восточной Бухары в отпуск. Вечером того же дня на собрании командно-политического состава помощник командира полка Бедель и политрук Смирнов рассказали собравшимся о том, как вел себя Деларм в последней операции, и тут же на собрании я отстранил его от командования полком и назначил вместо него Кравцова.

Через несколько дней полк был приведен в порядок, организована разведка. От Устабаева я получил адреса преданных нам людей, с которыми немедленно связался, и вскоре уже знакомый мне Али Усманов сообщил ценные сведения о банде Халбуты.

В кишлаке Варзаминор находилось около 600 пеших

джигитов. По дороге от Варзаминора на Вешаб в узкой горной расщелине словно притаился небольшой кишлак Испан, где были сосредоточены лошади и коноводы банды.

Я решил атаковать главные силы басмачей и, захватив кишлак Испан, отрезать банду от коноводов.

17 февраля дул сильный ветер. С утра повалил снег, заметая дороги. Шли последние приготовления к бою. Саперы командира взвода Еринаева, пользуясь плохой видимостью, переправляли на левый берег Зеравшана конно-горную батарею Дьяконова. Отделение Харченко готовило плоты. Саперы Азаров, Байбулатов и Еремеев, стоя по пояс в ледяной воде, закрепляли на плотках пушки. Стремительное течение сбивало с ног. Руки коченели на морозном ветру.

— Скоро там? — нетерпеливо спрашивал Харченко.

Сильный порыв ветра помешал услышать ответ. Азаров поскользнулся и с головой ушел под воду. Товарищи подхватили и вытащили его. Мгновенно вся одежда, лицо и руки Азарова покрылись тонким слоем льда. Командир взвода приказал уйти в кишлак, но Азаров просил разрешить ему остаться, пока не отвалит от берега последний плот.

Снежная пелена закрывала вершины гор. Ветер наметал под колеса орудий снежные сугробы. Артиллеристы Криницын и Ковалев готовили орудия к стрельбе с учетом того, что огонь придется вести во время густого снегопада.

Красноармейцы двигались, облепленные снегом, в заледеневших на ветру шинелях. Изредка слышалось ворчливое:

— Вот тебе и солнечная Азия...

Криницын покрикивал на свой расчет. Жители кишлака Кум, вблизи которого стала на позицию батарея, поили бойцов горячим чаем, принося его в чайниках, укутанных в ватные халаты.

К 3 часам утра 18 февраля 3-й кавалерийский Бальджуанский полк занял исходное положение. 1-й и 3-й эскадроны (Шнеля и Строганова) залегли против кишлака Варзаминора, 2-й эскадрон (Лобанова) стоял за горным отрогом в трех километрах от кишлака Испан. Бойцы прятались от пронизывающего ветра, прижимаясь к теплым лошадиным бокам.

Труднее всего было пулеметчикам. Наводчики Шилин, Омаров, Павлухин в темноте по глубокому снегу вытащили свои пулеметы на позиции. Теплая вода, залитая в кожухи, быстро остывала. Пулеметчики укутывали кожух своими шинелями, оставаясь на ветру в одних гимнастерках. Командир эскадрона Девятов то и дело посматривал на часы, а красноармейцы — на него.

Зная, как трудно бойцам, я приказал Кравцову подать сигнал, хотя время, назначенное для атаки, еще не наступило. Взвилась ракета и, рассыпавшись, погасла в мутной мгле рассвета. Сразу же загрели орудия. Разрывы снарядов разбудили тишину гор. Заговорили пулеметы. Стало как будто теплее. Но вот воздух прорезала вторая ракета и еще не погасла в вышине, как слева, нарастая, раздалось раскатистое красноармейское «ура». Спешенные эскадроны пошли в атаку. Одновременно второй эскадрон Лобанова в конном строю ворвался в кишлак Испан, захватывая в плен басмаческих коноводов и лошадей. В Варзаминоре еще шел рукопашный бой, а эскадрон Лобанова уже оседлал дорогу на Матчу, пулеметным огнем отражая попытки Халбуты прорваться в горы.

К утру бой стих. Остатки банды Халбуты ушли на юг. Большая группа пленных дрожала от холода на окраине кишлака. Специально выделенные команды подбирали раненых басмачей, тут же оказывая им первую помощь. К штабу полка сносили оружие английского образца.

В этом бою особо отличились командир полка Кравцов, помощник командира полка Бедель, политрук Смирнов, командиры эскадронов Шнель, Строганов, Лобанов, командиры взводов Лобов, Рахматулин и Литовский, отделенный командир Пашков, красноармейцы Костусов, Попов, Максимов. Все они были награждены орденом Бухарской Звезды.

Матчинскому беку был нанесен удар, от которого он уже не смог оправиться.

* * *

Количество войск, находившихся в распоряжении командования Туркестанского фронта, не позволяло нанести удар одновременно по всем очагам басмачества.

Этим пользовались курбаши, активизируя свою деятельность там, где ослабевал наш нажим. И Советское правительство по просьбе правительства Бухарской Народной Советской Республики приняло решение усилить войска Туркестанского фронта.

Из Оренбурга в Западную Бухару по железной дороге были переброшены 11-я кавалерийская дивизия и 6-я отдельная Алтайская кавалерийская бригада. В Дербент пришла 3-я бригада 2-й Ставропольской кавалерийской дивизии имени Блинова.

В начале марта 1923 года в командование 13-м стрелковым корпусом вступил прибывший в распоряжение Туркестанского фронта П. А. Павлов.

Павел Андреевич Павлов — один из выдающихся советских военачальников периода гражданской войны.

Осенью 1919 года, когда «Добровольческая армия» Деникина захватила Курск и Воронеж и угрожала Орлу и Туле, стрелковая бригада под командованием П. А. Павлова в боях под Кромами и Курском покрыла себя неувядаемой славой.

Партия всегда посылала Павлова на труднейшие участки фронтов. В июле 1920 года части 46-й стрелковой дивизии И. Ф. Федько и сводная бригада курсантов под командованием П. А. Павлова разгромили Врангеля под Ореховом. В этом бою Павлов был тяжело ранен.

За боевые заслуги перед Родиной П. А. Павлов был награжден двумя орденами Красного Знамени.

В статье генерал-лейтенанта запаса А. И. Тодорского «Встреча с Сун Ят-сеном», напечатанной в октябрьском номере журнала «Советско-китайская дружба» за 1958 год, рассказывается о помощи, которую Павлов оказывал молодой Китайской революционной армии, находясь в ее рядах в качестве советника. «Коммунист Павлов, — говорится в статье, — снискал в Китае уважение и доверие трудящихся и революционных солдат, стал другом великого Сун Ят-сена... На своем революционном посту он горел пламенной верой в правоту и торжество великого дела освобождения китайских трудящихся». 3 июля 1924 года, находясь в Южном Китае, Павлов трагически погиб в реке Синцзян. Сун Ят-сен объявил саблю Павлова, верно служившую интересам трудящихся, высшей наградой за особые за-

слуги перед Китайской республикой, а славное имя героя присвоил воздушной эскадрилье.

Вступив в командование корпусом, Павлов приехал в Самарканд и 17 марта созвал совещание командного состава корпуса. До начала совещания Павлов пригласил меня к себе.

— Вы уже третий год воюете с басмачами, — сказал мне Павлов. — Почему до сих пор не удается с ними покончить?

— Политическая обстановка сложилась в нашу пользу, — ответил я. — Мы пользуемся симпатиями и полной поддержкой местного населения. Трудовое дехканство безоговорочно встало на позиции Советской власти. И в том, что басмачи еще продолжают существовать, виновны только мы, военные, допускающие немало ошибок.

Я перечислил Павлову эти ошибки. Рассказал, что во время двух походов в Восточную Бухару наши части оставили нетронутым Локай — базу Ибрагим-бека.

— Как только мы добиваемся некоторых успехов, — говорил я, — командование перебрасывает части в другие места, не заботясь о полной ликвидации того или иного очага басмаческого движения. Многие ваши предшественники недооценивали самостоятельной роли кавалерии в борьбе с басмачами. Кавалерийские части нередко придаются стрелковым дивизиям, в которых кавалерию не могут правильно использовать. И, наконец, — закончил я, — нам нужно заботиться об уничтожении басмаческих баз, а не о захвате территории.

Павлов слушал меня не перебивая, а потом долго ходил по кабинету, видимо обдумывая сказанное мною.

— Ну что ж, все это правильно, — сказал он, остановившись напротив меня. — Вы только не называли джадидов. Связь курбашей с этими предателями помогает басмачам раньше срока узнавать наши планы.

— Да, джадиды — это зло, с которым придется бороться очень долго, — ответил я, — и особенно теперь, когда после разгрома Энвер-паши они ушли в глубокое подполье. Военный разгром басмачей поможет быстрее разоблачить и джадидов.

В комнату вошел адъютант и доложил, что командиры собрались.

На совещании Павлов подробно ознакомил командиров с обстановкой и задачами корпуса. Слушая его, я убеждался, что взгляды наши полностью совпадают. А Павлов между тем продолжал:

— Сейчас враг номер один — Ибрагим-бек. По агентурным данным, эмир прислал ему фирмат на пост главнокомандующего войсками ислама. Таким образом, делается новая попытка разжечь гражданскую войну. Ибрагиму удалось собрать и вооружить за счет англичан до 3000 джигитов. Мой предшественник товарищ Лиссовский предпринял против Ибрагима две операции, но обе они закончились неудачно. В чем причина этих неудач? По-моему, в том, что Лиссовский не сумел определить направление главного удара. Вместо того чтобы бросить основные силы в Локай и уничтожить базу басмачества, он гонялся за Ибрагим-беком, нанося ему малочувствительные удары. Неправильно поступил Лиссовский, лишив кавалерию самостоятельности и передав ее в подчинение 3-й стрелковой дивизии, — при этих словах Павлов посмотрел на меня, и я с радостью подумал, что с таким начальником будет легко и приятно работать.

— Главные силы корпуса будут брошены против Ибрагим-бека, — продолжал Павлов. — Но было бы ошибкой оставить Матчу и дать возможность Саид-Ахмет-ходже оправиться после поражения, нанесенного ему в Варзаминоре. Матчинскую базу басмачей необходимо ликвидировать. Приказываю: командиру 4-й стрелковой дивизии товарищу Швецову выделить стрелковый батальон, усилив его горцами таджиками, горной батареей и двумя эскадронами кавалерии, и этими силами занять Матчу и освободить дехкан от власти бека. Командиру 4-го полка 2-й отдельной кавалерийской бригады нанести удар по Матче через Обурдонский перевал.

Командиру 1-й отдельной кавалерийской бригады товарищу Мелькумову со всеми частями походным порядком идти в Восточную Бухару и, присоединив к себе 1-й Алайский и 2-й Гиссарский кавалерийские полки, овладеть Локаем и ликвидировать Ибрагим-бека.

Командиру 11-й кавалерийской дивизии товарищу Волынскому выкорчевать остатки басмачества в Запад-

ной Бухаре, после чего идти в Бабатаг и уничтожить банды Хурам-бека.

Командиру 3-й отдельной кавалерийской бригады товарищу Тархову очистить от банд Сами-паши Бальджуанский район.

Этот приказ Павлова был хорош тем, что, несмотря на кажущееся распыление сил, удар наносился в одну точку и преследовал цель помешать Ибрагим-беку объединить разрозненные банды басмачей. Впервые за все время борьбы с басмачеством в распоряжении командования оказалось достаточно войск, чтобы действовать одновременно против наиболее активных очагов басмачества. Правда, и в этом случае численность наших частей во много раз была меньше численности басмаческих отрядов.

Мне лично не пришлось участвовать в ликвидации матчинского бекства. Об этой операции я знаю по оперативным сводкам и рассказам командира 4-й стрелковой дивизии Швецова. Но сказать о ней несколько слов я считаю необходимым.

После поражения, нанесенного Халбуте бальджуанцами, матчинский бек не имел возможности прикрывать все подступы в Матчу. Этим обстоятельством воспользовался Швецов. Он повел операцию против Матчи с трех направлений.

28 марта отряд под командованием командира горной батареи Боброва, усиленный горцами таджиками, прекрасно знающими местность, пошел на восток по Зеравшанскому хребту, готовый в любой момент открыть артиллерийский огонь по ущелью. Из кишлака Варзаминор вышла вторая колонна, состоявшая из роты 12-го Туркестанского стрелкового полка с четырьмя станковыми пулеметами и эскадрона 17-го кавалерийского полка с четырьмястами горцами таджиками. Командовал этой колонной Кузнецов. Третья колонна (4-й кавалерийский полк) действовала в направлении Обурдонского перевала.

Ход операции задерживался из-за плохой погоды. В марте в горах нередко происходили снежные обвалы. Недалеко от кишлака Такфон вторая колонна чуть было не погибла под снежной лавиной.

Идти приходилось по узким обледенелым карнизам. Каждый неверный шаг грозил гибелью. Горцы таджики

собрали у местного населения кошмы и, идя впереди колонн, стелили их на тропе, чтобы не скользили кони и орудия.

9 апреля части 4-й стрелковой дивизии после двухнедельных боев и тяжелых горных переходов овладели Матчой.

Матчинская группировка басмачей распалась на три части и покинула территорию бекства. Халбута через ледяной перевал Пакшиф уходил в Каратегин, брат бека — Афар-хан по Зеравшанскому леднику пытался прорваться к перевалу Матча, а сам бек — Саид-Ахмет-ходжа через перевал Кырк-Булак хотел уйти в Фергану.

Но ни одной группе басмачей уйти не удалось. Халбута, преодолев перевал Пакшиф, погиб в Пакшифской щели со всей своей шайкой, засыпанный сорвавшейся с гор снежной лавиной. Афар-хан был захвачен колонной Кузнецова. А матчинский бек, видя, что вырваться из окружения невозможно, сдался.

Считавшееся неприступным матчинское гнездо басмачей пало.

В ЛОКАЙСКОЙ ДОЛИНЕ

В начале марта 1923 года 1-я отдельная Туркестанская кавалерийская бригада была сформирована по штатам мирного времени. Бригада состояла из трех кавалерийских полков (1-й Алайский, 2-й Гиссарский и 3-й Бальджуанский), в каждом из которых было по три сабельных и по одному пулеметному эскадрону, отдельной конно-горной батарее (из шести орудий), саперного полуэскадрона и полуэскадрона связи.

К этому времени произошли небольшие изменения в личном составе бригады. Взамен старых бойцов, уволенных в долгосрочный отпуск, в бригаду пришло молодое пополнение. Вместо уехавшего на учебу в Артиллерийскую академию командира батареи Дьяконова батареей командовал Александр Николаевич Янус — опытный артиллерист, краснознаменец, участник боев с Энвер-пашой. В Самарканд приехал после ранения и вступил в командование Бальджуанским полком Всеволод Александрович Лихарев.

Утром 29 марта, выполняя приказ командира корпуса П. А. Павлова, штаб бригады с Бальджуанским полком и специальными частями выгрузился на станции Карши и в походном порядке пошел в Восточную Бухару.

В Дербенте я встретился с Тарховым — командиром 3-й отдельной кавалерийской бригады. Мы были знакомы с 1918 года, когда я командовал 1-м, а он — 3-м полком 1-й Московской кавалерийской дивизии. Тархов попросил меня, как бывалого туркестанца, посмотреть его бригаду. Я согласился. Передо мной проводили великолепных дончаков и кабардинцев. Тархов любовался лошадьми и с удивлением посмотрел на меня, когда я сказал:

— Проси у комкора разрешения заменить этих коней на лошадей местной породы.

Я объяснил Тархову, что они не выдержат тяжелых горных переходов и окажутся непригодными в предстоящих боях в труднодоступном Бальджуанском районе. Позже Тархов признался, что мое замечание показалось ему в то время проявлением зависти, и только потом он понял, насколько я был прав.

Мы договорились о порядке смены в Бальджуанском районе моего Гиссарского полка, тепло попрощались, и я поехал догонять бригаду, которая должна была остановиться в Байсуне.

9 апреля 1923 года моя бригада вступила в Локай. Я был назначен начальником Локайского боерайона и немедленно начал стягивать свои полки из Кулябского и Бальджуанского районов в Яван.

В Яване, где находился штаб бригады и куда прибыл обоз с обмундированием, амуницией и продовольствием, я провел смотр 1-го Алайского и 2-го Гиссарского полков. Молодые бойцы, загорелые и веселые, уже успевшие привыкнуть к трудной походной жизни, произвели на меня и комиссара Ратникова приятное впечатление. Но конский состав выглядел ужасно. Из докладов командиров полков выяснилось, что командиры стрелковых частей, которым была придана кавалерия, использовали ее варварски. Стрелковые командиры считали, что, если кавалерист ездит на лошади, значит, он не устает и может действовать безотказно. Сейчас кавалерии нет, и, казалось бы, незачем вспоминать да-

легкое прошлое. Нет, стоит, и вот почему. Многие бывшие кавалеристы стали танкистами, и они рассказывали мне, как некоторые общевойсковые командиры относились к танкистам. Считая, что танкист в танке не устает, они нередко гребли дорогую боевую технику. Я не хочу обидеть общевойсковых командиров. Мне просто хочется сказать: для того чтобы успешно командовать различными родами войск, надо хорошо знать их возможности и условия применения.

Возвращаюсь к теме своего рассказа.

Я обходил ряды, оглядывая побитые конские спины — следы тяжелых переходов, обломанные копыта, посеченные ноги. Хорошо еще, что из Самарканда мы привезли с собой все необходимое, чтобы быстро подлечить лошадей.

После смотра я подписал специальный приказ, в котором ставилась задача в течение двух недель привести бригаду в полную боевую готовность. Из Явана бригада проводила в Россию тяжело заболевшего командира Алайского полка Красильникова. Вместо него этим же приказом был назначен Марк Варфоломеевич Мельников — опытный командир-туркестанец, командовавший 4-м полком 1-й Туркестанской кавалерийской дивизии.

Пока бригада отдыхала, готовясь к боям, я принялся изучать Локай — это грозное гнездо басмачества, родину Ибрагим-бека, главную базу и опорный пункт контрреволюции в Восточной Бухаре.

* * *

В начале XIII века Восточная Бухара была покорена Чингис-ханом и вошла в состав Великой Монгольской империи. После смерти Чингис-хана другой выдающийся полководец Тамерлан, подчинив себе племена Восточной Бухары, Самаркандское и Ташкентское ханства, создал новое многонациональное государство, в котором господствующее положение принадлежало узбекам. Но и это искусственно созданное государство оказалось непрочным и после смерти Тамерлана распалось на ряд самостоятельных бекств и ханств.

Среди других бекств Восточной Бухары Локай занимал особое место. Правителями Локай — беками были

обычно вожди самого многочисленного и воинственного местного племени исан-ходжа. Со второй половины XIX века эмиры Бухары начали проводить политику объединения феодальных бекств в единое монархическое государство. Но сделать это своими силами они не могли, и в 1873 году эмир бухарский Абдул-Ахад-хан обратился к русскому царю с просьбой взять под свой протекторат Бухарское государство. С помощью царских солдат эмиру удалось установить свою власть в границах бывшего государства Тамерлана. Во все ханства и бекства Бухары стали назначаться правители, близкие к царствующей фамилии. Исключение составлял Локай. Назначенный эмиром бек Мухамеди был убит по дороге в Локай. Такая же участь постигла его преемника бека Санди. После этого эмир изменил свою политику, и беками Локая по-прежнему становились вожди племени исан-ходжа, которые признавали власть эмира, но фактически бесконтрольно правили локайцами. Во главе остальных племен оставались их племенные вожди. Кишлаки наводнялись чиновниками, которые назначались беком из числа влиятельных лиц и духовенства Локая, а затем утверждались эмиром.

Географические условия и отсутствие дорог способствовали тому, что Локай жил обособленной от остальной территории Восточной Бухары жизнью.

Коренной Локай, или, как его называли, первый Локай, занимал территорию между реками Вахш и Кафирниган. Второй Локай находился в Кулябском вилайете. Он образовался задолго до революции. Сюда бежали те, кто скрывался от кровной мести, — нарушители законов эмира, не желавшие подчиняться бекам и ханам. Горы Сарсарьяк надежно укрывали беглецов. Нежелание подчиняться чьей-либо власти делало пришельцев опасными для феодальной верхушки. Поэтому правители племен коренного Локая всячески отгораживались от своих беспокойных соседей.

По официальным сведениям, которыми располагало командование Туркестанского фронта, население Локая считалось зажиточным, тесно сплоченным в совместной борьбе против Советской власти. Эту мысль нам все время старались внушить младобухарцы, утверждавшие, что каждый взрослый локаец — басмач, и требовавшие применять в Локае самые суровые меры. Это

насторожило нас, а когда мы пришли в Локай, мы поняли всю провокационность утверждений националистов, которые хотели, чтобы Красная Армия крутыми мерами восстановила против себя воинственные племена локайцев.

В Локае проживало более 33 тысяч человек, из них больше половины составляли узбеки. Они называли себя локайцами, считая своим родоначальником чингис-хановского полководца Локая. Все другие народности — таджиков, туркмен, киргизов — локайцы считали пришлыми. В свою очередь локайские узбеки не представляли собой единого целого и разделялись на племена исан-ходжа, бадракли, карлюк и марка. Эмиры Бухары всячески разжигали шовинистические настроения локайцев, натравливая их против таджиков, составлявших большинство населения Восточной Бухары.

Таким образом, национального единства в Локае не было. Там издавна существовало господство одной национальности над другими.

Будучи наиболее многочисленными, поощряемые эмиром, локайцы постепенно захватывали лучшие земли, оттесняя таджиков и туркмен в горы. До революции локайцы нападали на своих соседей по любому поводу. Это настолько запугало таджиков и туркмен, что даже в 1923 году они боялись оказывать локайцам открытое сопротивление.

Помимо вражды национальной, в Локае существовала и межплеменная вражда, которая имела старые корни. К 1923 году племя исан-ходжа безраздельно властвовало и угнетало остальные племена.

Мифом оказались и сведения о поголовной зажиточности локайцев. По данным, которые мне удалось собрать, к 1923 году 30 процентов населения Локая совсем не имело земли, 55 процентов являлось мелкими арендаторами, остальные 15 процентов составляли баи, беки, ишаны, муллы и эмирские чиновники. О том, как жилось населению Локая, можно судить по налоговой системе, существовавшей там вплоть до нашего прихода.

Сбором налогов занималась огромная армия чиновников — амлякдаров. Они не получали жалованья от эмира и жили за счет процентов с собранного ими налога. Нетрудно представить себе, как обирали амляк-

дары трудовое население. За арендуемую землю безземельные крестьяне платили баям и бекам высокую аренду и, кроме того, обязаны были отдавать одну шестую урожая эмиру и одну десятую мечетям. Для удобства взимания налогов все гузарства (уезды) были разделены на амляки (налоговые участки). Среди амлякдаров было сильно развито взяточничество. За взятки они уменьшали налоги богачам, перекладывая их на плечи бедняков. Доведенные до отчаяния трудовые массы Локая нередко восставали, но каждый раз, используя национальную и межплеменную рознь, правители Локая жестоко расправлялись с этими восстаниями.

Красноармейцев бригады, в большинстве крестьян, поражал примитивный способ обработки земли, применяемый локайцами. В деревянный омач¹ впрягалась пара быков. Острый крюк царапал землю, даже не переворачивая пласта. И несмотря на это, плодороднейшие земли Локая давали большие урожаи. Нигде в Восточной Бухаре не было таких хлебов, как в Локае. Пахотные земли располагались на плоских вершинах и по крутым склонам. На них прекрасно вызревали пшеница, ячмень, лен, арбузы, дыни, хлопок. В долинах рек население занималось возделыванием риса. Такое разнообразие сельскохозяйственных культур и высокие урожаи способствовали распространению мифа о поголовной зажиточности локайцев.

К моменту бухарской революции в Локае сохранился феодальный строй со всеми присущими ему особенностями. Идеи бухарской революции не достигли Локая, и к нашему приходу в Локайской долине еще господствовал шарият. И если в 1923 году по всей территории Средней Азии шла ломка старых устоев, то Локая она даже не коснулась. По сравнению с другими районами Западной и Восточной Бухары положение женщин здесь было особенно тяжелым. Жена оставалась в доме мужа бессловесной рабыней. Даже смерть мужа не делала ее свободной: хозяином ее судьбы становился старший сын. Вдова не имела права выйти замуж, пока сын не продаст ее.

¹ Деревянная соха.

Купля и продажа женщин были здесь обычной торговой сделкой. Отец смотрел на дочь как на одну из доходнейших статей в своем хозяйстве.

Цена женщины определялась рыночной стоимостью. Чтобы купить невесту, жених должен был отдать семь пар быков, семь баранов и семь лошадей. Это была минимальная цена. Она возрастала в зависимости от физических достоинств невесты. Легко понять, как трудно было обзавестись семьей бедняку. Нередко женитьба приводила к полному обнищанию и закабалению жениха. Пользуясь этим, крупные баи получали дешевых батраков, которые жили у них на положении крепостных.

В Локае, отгороженном от всего мира высокими горами, религия играла огромную роль. Основным законом, который регламентировал жизнь населения, являлся шариат. Неграмотный дехканин, никогда не покидавший своей долины, шагу не мог ступить, не боясь впасть в грех. Ишаны и муллы делали все, чтобы удержать народ в темноте и невежестве.

Религиозный фанатизм, феодально-патриархальные отношения, вековая зависимость от бая и бека, муллы и ишана — все это воспитывало в локайце психологию раба. В то же время частые междоусобные столкновения заставляли локайцев учить детей с малых лет владеть оружием. Покорность и воинственность, воспитанные в локайце условиями жизни, делали из него превосходного солдата.

Познакомившись с особенностями Локая и его населением, я понял, почему Ибрагим-бек пользовался среди локайцев популярностью и авторитетом.

Не зная правды о революции и о целях Красной Армии, локаец верил на слово муллам и бекам, которые запугивали его небылицами, изображая красноармейцев насильниками и врагами мусульман.

Выше я уже рассказывал о приеме, который был оказан Ибрагиму в Локае, куда он бежал от гнева эмира. В то время Ибрагима встретили в Локайской долине как бунтаря, восставшего против власти эмира. Локайцы проявили к нему сочувствие как к соплеменнику. Впоследствии, когда революция подошла вплотную к подножью Локайских гор, Ибрагим объявил себя

защитником ислама, борцом за шариат. То, что Ибрагим признал эмир и назначил его главнокомандующим войсками ислама, также льстило самолюбию локайцев. Именно этими особенностями и объяснялось массовое басмаческое движение в Локае. Если бы еще во время Гиссарской экспедиции наши части вошли в Локай, что облегчило бы начало советизации этого стратегически важного района, Ибрагим-бек давно лишился бы своей главной базы.

Надо было действовать немедленно, чтобы исправить допущенную ошибку.

Вместе с комиссаром бригады Ратниковым мы решили начинать массово-политическую работу с пропаганды политики Коммунистической партии и Советской власти, провозгласивших равноправие наций. Успешная пропаганда этого основного тезиса национальной политики нашей партии неизбежно должна была вызвать среди таджиков и туркмен сочувствие к Советской власти. Вторым важным вопросом нашей массово-политической работы был вопрос о земле. Изъятие земли у баев и духовенства и передача ее дехканам в корне подрывали социальную зависимость бедноты от феодальной верхушки.

Проникая в локайские кишлаки и аулы, идеи революции создавали благоприятную почву для более широкой пропаганды и агитации. Правда, при этом необходимо было учитывать исторические особенности Локая и религиозный фанатизм его населения. В связи с этим Ратников на совещании командиров, политработников и политбойцов говорил:

— Политика партии заключается в том, чтобы не навязывать революционные идеи сверху, а разъяснять их массам. И когда большинству дехкан эти идеи станут близки и понятны, дехкане сами будут проводить их в жизнь. Наша задача — неустанно вести самую широкую пропаганду и агитацию, чтобы сочувствующих нам людей становилось все больше и больше.

Наши планы шли вразрез с установками младобухарцев, которые требовали насильственной советизации Локая. Но мы с Ратниковым решили не обращать внимания на эти требования младобухарцев. Тем более что нас поддерживали коммунисты в правительстве Бухарской Народной Советской Республики.

Изучая Локай, мы совершали многочисленные поездки. Локайцы отличались гостеприимством, и отказ от приглашения в гости расценивался у них как тяжкое оскорбление. С локайцем, к которому отказался прийти в гости приглашенный им человек, не будут разговаривать не только его соплеменники, но даже близкие родственники: раз к нему отказался прийти гость, значит, он плохой человек. Отказ наносил обиду всему роду, и нередко дело кончалось кровной мстью. Если же локайца посетил какой-нибудь начальник, то не только хозяин — весь род гордился этим.

В штабе бригады и в квартирах, где жил я и Ратников, почти всегда кипели самовары и варился плов. Двери были открыты днем и ночью для всех посетителей, с которыми мы знакомились во время поездок.

В поездках меня обычно сопровождали несколько бойцов комендантского взвода. Но я всегда чувствовал себя в полной безопасности, так как знал, что вождь племени, к которому я ехал, позаботился о том, чтобы оградить меня от нападения басмачей. Нередко при этом мой хозяин вынужден был ссориться с курбаши, которому Ибрагим-бек поручал совершить на меня нападение. Но так как и сам курбаши вынужден был считаться с законом гостеприимства, дело обычно кончалось словесной перепалкой, о которой я зачастую и не догадывался.

Вспоминаю такой случай. Я ехал в гости к вождю племени бадракли — Абдул-Азису. Дорога проходила по широкому плато. За кишлаком Яван, в котором находился штаб бригады, меня поджидала группа всадников. Когда я приблизился к ним, они съехали с дороги и последовали сзади. Я приказал ординарцам не обращать на них внимания. Проехав километров десять, мы обнаружили другую конную группу. Всадники рассыпались веером, перехватывая дорогу и объезжая нас с флангов. Те, что ехали позади, неожиданно вырвались вперед, и обе группы соединились. Я спокойно продолжал свой путь. Всадники ехали впереди на довольно большом расстоянии, и я не слышал, о чем они говорили, но по резким жестам и по тому, как они

наезжали друг на друга, я понял, что разговор ведется далеко не мирный.

Но вот всадники остановились. И, когда я поравнялся с ними, молча расступились, освобождая дорогу. Я проехал шагом, вежливо поздоровавшись. Мне ответили традиционным «селям алейкум», после чего богато одетый всадник на буланом коне взмахнул камчой, и вся группа поскакала вслед за ним в горы.

А был и другой случай. По приглашению Карши-аксакала я собирался навестить племя карлюк. Неожиданно прискакал его брат и в цветистых выражениях попросил меня не ехать. Он был явно смущен, то и дело прижимал руку к сердцу, но причину, из-за которой я не должен был ехать, тщательно от меня скрывал. Тогда я прямо сказал, что меня оскорбляет поведение Карши, нарушающего закон гостеприимства. Брат Карши не смог выдержать такого обвинения и признался, что Карши боится за мою жизнь, так как в долину приехал сам Ибрагим-бек.

Я вспомнил об этих двух случаях, чтобы показать, насколько сложной была обстановка.

Вскоре выявились беззаветно преданные Советской власти люди не только среди бедняков, но и среди вождей угнетенных локайских племен. Такими были Дonya-аксакал из племени марка, уже знакомый мне по прошлой годней операции, Абдул-Азис из племени бедракли, Карши-аксакал и Шариф из племени карлюк. Однако все наши попытки связаться с племенем исан-ходжа, самым влиятельным племенем локайцев, кончались неудачей.

Посоветовавшись с Ратниковым, я пригласил к себе Абдул-Азиса и за пловом пытался выяснить, кто из племени исан-ходжа может оказаться для нас полезным. Абдул-Азис сказал, что, пока на нашу сторону не встанет правитель племени и всего Локая Абду-Рашид-бий, никто из исан-ходжинцев не решится сотрудничать с нами.

Я знал, что Абду-Рашид-бий ненавидит Ибрагим-бека, завидуя его славе. Это подтвердил и Абдул-Азис, и я посоветовал ему поговорить с Рашид-бием.

— Рашид-бий видит, что наши племена при вашей помощи перестают бояться исан-ходжинцев, — сказал

Абдул-Азис. — Вожди племени склоняются на вашу сторону, но боятся об этом заявить открыто. Вам нужно встретиться с Рашид-бием. Но к вам он первым не придет, потому что тогда Ибрагим-бек обвинит Рашида в измене.

Абдул-Азис правильно оценил обстановку. Абду-Рашид-бий, безусловно, нашел бы предлог отклонить мое приглашение в гости. Правда, я мог бы сам поехать к нему, но в этом случае у меня были бы связаны руки, если бы возникла необходимость прибегнуть к решительным мерам.

Ратников, Абдул-Азис и я долго совещались и пришли к выводу, что единственно правильным будет захватить Абду-Рашид-бия, доставить его в штаб бригады и обращаться с ним здесь как с гостем. Это оправдывало бы Рашид-бия в глазах Ибрагим-бека и в то же время позволило бы правителю Локая вступить с нами в переговоры. Абду-Рашид-бий, разумеется, не должен был догадываться об этом.

Абдул-Азис сообщил, что в горах, у кишлака Баш-Кайнар, живет одна из жен Рашид-бия и что он изредка навещает ее. Немедленно было установлено наблюдение за кишлаком и ведущими к нему горными дорогами. Но для полного успеха операции необходимо было, чтобы кто-нибудь из племени исан-ходжа сообщил нам о приезде Рашид-бия к своей жене. Абдул-Азис сказал, что такой человек у него есть.

* * *

Готовясь к боевым действиям, эскадроны изучали местность и переправы в Локае. Особое значение мы придавали разведке горных долин и перевалов, а также берегов Вахша и Кафирнигана. За месяц не только командиры, но и рядовые бойцы настолько хорошо изучили Локай, что могли действовать в любом районе без карты.

Территория Локая была заселена следующим образом: племя исан-ходжа располагалось в самой плодородной части Локая — в горах Нарын-Тау, северной и восточной части гор Ренген-Тау, Джитым-Тау и Карши-Тау и в северной и западной частях Ляурской и Яванской долин вплоть до урочища Ай-Камар; таджики жили

в горах Ходжа-Абдул-хан, Кара-Тау, Гази-Малек и частично в горах Карши-Тау; племя бадракли населяло южную и юго-западную части Ренген-Тау, южные склоны Джитым-Тау, южную окраину Ляурской долины, Донгуз-Адыр, горы Арык-Тау и южные склоны Кара-Тау; племя марка расселялось по берегам Кафирнигана, а племя карлюк раскинуло свои селения в восточной части Яванской долины и на западных склонах гор Кара-Тау. Следует сказать, что постоянно в горах жили только таджики и туркмены, локайские же племена использовали горы в качестве пастбищ, разбивая свои кишлаки преимущественно в долинах и на плоскогорьях.

Из всех рек Восточной Бухары Вахш — самая бурная и полноводная река. Свое начало она берет в горах Заалайского хребта и, протекая по территории Локая между горами Сарсарьяк и Кара-Тау, впадает в Аму-Дарью. Оба берега Вахша крутые, скалистые и непригодные для переправ. Лишь при выходе реки из гор Кара-Тау и Сарсарьяк, при повороте на юго-запад от переправы Санг-Туда, берега Вахша становятся пологими, а течение более спокойным. Вброд реку Вахш перейти было почти невозможно: в верховье — из-за бурного, стремительного течения, в низовье — из-за глубины и многоводности. Переправа была возможна лишь в конце года в районе Кизыл-Кала, где имелся каючный перевоз. В мае, июне и первой половине июля Вахш сильно разливался и становился совершенно непреодолимым.

На территории Локая каючные переправы имелись в районе Чартут, Вафля-Абад, Джам-Кала, Санг-Туда и Кизыл-Кала. В этих местах басмачи переплывали Вахш, привязывая по два бурдюка (бычьи пузыри, надутые воздухом) к седлу и один к спине. Эскадроны за время выездов на местность освоили этот способ переправы.

При выходе из гор в южной части Локая Вахш разделяется на два рукава, образуя остров Арал-Тугай. Правобережный Локай был соединен с левобережным двумя мостами: Пули-Сангинским в районе Нурека и мостом у Санг-Туда. Но Санг-Тудинский мост был сожжен эмиром еще в 1921 году, а Пули-Сангинский был

узок и не имел перил. Поэтому переход по нему крупных частей конницы был рискованным.

Кроме превосходного знания местности, которое приобрели бойцы и командиры бригады во время полевых выездов, удалось установить также контакт с населением. Если в первые дни после прихода бригады в Локай приближение к кишлаку наших бойцов вызывало такой переполох, что жители все бросали и убегали в горы, то через месяц положение резко изменилось. Локайцы убедились в добрых намерениях красноармейцев и перестали их бояться. Приходя в кишлак, красноармейцы не только занимались агитацией, но и засучив рукава помогали населению очищать арыки, рыть новые, давали беднякам лошадей, чтобы вспахать землю. Такое поведение бойцов и командиров, уважение, которое они проявляли к местным обычаям, привело к тому, что приход эскадрона в кишлак становился чуть ли не праздником.

В конце апреля ко мне явился от Абдул-Азиса посланец, который сообщил, что жена Рашид-бия ждет мужа. Я приехал в Султанабад, где стоял 3-й кавалерийский Бальджуанский полк, и поставил перед командирами эскадронов Лобановым и Шнелем задачу тщательно изучить подходы к кишлаку Баш-Кайнар. Через несколько дней Лобанов доложил:

— Каждый красноармеец с закрытыми глазами найдет свое место.

В полку с нетерпением ждали сигнала от Абдул-Азиса. Эскадроны находились в постоянной боевой готовности. Бойцы спали не раздеваясь, кони стояли оседланными.

С наступлением весны Локайская долина предстала перед нами во всей своей красе. Снежные вершины гор сверкали под голубым небом. Поля покрылись нежной, шелковистой зеленью. Цвели сады, и тончайший аромат был разлит в теплое, пронизанное солнцем воздухе. Вечерами, почистив и накормив лошадей, бойцы собирались возле юрт. Лихие казачьи и красноармейские песни будоражили тишину. От походных кухонь тянуло дымком. И этот горьковатый запах, везде одинаковый, напоминал о далекой России, о затерянных среди полей и лесов деревнях.

Часто вокруг бойцов собирались дехкане. Понимая настроение бойцов и как бы желая развеять их грусть, они начинали петь свои песни. Порой совершенно неожиданно за глинобитным дувалом на женской половине раздавалось пение, слышался звон украшений танцующих девушек, смех. Для локайских женщин это было необычайной смелостью. И, вслушиваясь в их голоса, я понимал, что и они почувствовали приближение новой жизни и радостно шли ей навстречу.

Я лежал в юрте на груде одеял и долго не мог заснуть. Среди ночи меня разбудил оклик часового, который кого-то остановил. Я узнал голос Абдул-Азиса и, накинув шинель, вышел. Абдул-Азис держал в поводу коня, и луна освещала влажные от пота, в хлопьях пены бока и грудь лошади. При виде меня Абдул-Азис, забыв поздороваться, сказал:

— Якуб-тюря, Рашид-бий час назад вошел в спальню своей жены...

Через пять минут я уже стоял на краю кишлака, прислушиваясь к затихающему топоту копыт.

На рассвете мне принесли донесение Лобанова, в котором тот писал: в горной щели, южнее кишлака, была обнаружена стоянка родственников Рашид-бия. Конвой удалось разоружить без единого выстрела. Рашид-бий сам вышел из юрты, услышав голоса. Ему было предложено следовать с эскадромом.

Итак, начало было успешным.

Я приказал готовить завтрак и вместе с Ратником стал поджидать возвращения эскадрона.

В шесть часов утра ко мне в юрту привели Абду-Рашид-бия — последнего правителя Локая. Рашид-бий был мой старый знакомый. В 1921 году он часто приезжал к председателю Диктаторской комиссии Усман Ходжаеву. За два года внешность его несколько не изменилась. Несмотря на то что Рашид-бию было шестьдесят лет, держался он прямо.

Я поздоровался с ним и посадил его на почетное место, на гору подушек. По глазам Рашида, холодным и настороженным, я понял, что в юрту вошел враг, и, тем не менее, с этим врагом я должен был договориться во что бы то ни стало, чтобы спасти сотни жизней дехкан и предотвратить ненужное кровопролитие.

Даже сидя, Рашид-бий почти касался головой потолка юрты. Я сел поодаль, чтобы не так заметен был мой невысокий рост. В предстоящих переговорах и это обстоятельство играло немаловажную роль.

Начал я с того, что напомнил Рашид-бию наше первое знакомство.

— Тогда вы говорили Усман Ходжаеву, что ничего не имеете против бухарской революции, что власть эмира ненавистна локайцам, — сказал я и после небольшой паузы продолжал: — Усман Ходжаев оказался плохим человеком. Он предал Советскую власть, которой обещал служить. Усман Ходжаев бежал, как последний трус, а Советская власть осталась и вместе с нами пришла в Локай. Хотите ли вы служить ей, как обещали в 1921 году?

— С тех пор много воды унес Вахш, — уклончиво ответил Рашид-бий.

— Это верно. С тех пор многое изменилось. Локайский вор Ибрагим стал главнокомандующим войсками ислама. А почтенный правитель Локая, который не боялся даже эмира, стал его слугой.

Я видел, как, несмотря на загар, покраснело лицо Рашид-бия, и понял, что слова мои достигли цели.

— Правители Локая ведут свой род от Тимура и никогда никому не были слугами. Ибрагим-бек пришел в Локай, чтобы защитить его от русских, — сказал Рашид-бий.

— Но русские ничем не угрожают Локаю. Мы готовы уйти хоть сегодня, если вы поручитесь, что после нашего ухода никто из локайцев не возьмет в руки оружия, не пойдет в банды Ибрагим-бека и не будет воевать против Советской власти. А сам Ибрагим-бек должен быть изгнан вами из Локая.

Я долго и тщательно формулировал это условие, не раз обсуждая его вместе с Ратниковым, и теперь с нетерпением ждал ответа Рашид-бия. Этот ответ должен был показать, насколько откровенен со мною Рашид-бий.

— Я ничего не могу приказать Ибрагиму. У Ибрагима много джигитов, и он делает то, что находит нужным. Справиться с Ибрагимом мне не под силу, — ответил Рашид-бий, и крупные капли пота выступили у него на лбу.

Это было откровенное признание, и оно нелегко далось гордому бию.

— Ибрагим-бека мы берем на себя, — сказал я. — От вас мы требуем полного нейтралитета. Вы не должны посылать в шайку Ибрагима своих дехкан. Не должны давать ему коней и продовольствие. Мы не собираемся силой оружия устанавливать в Локае Советскую власть. Народ сам должен решить, какую власть ему установить. Мы будем применять оружие только против тех, кто попытается силой навязывать локайцам свое господство. Подходят ли вам эти условия? Согласны ли вы на них?

— Хоп¹, — после долгого раздумья сказал Абду-Рашид-бий. — Только у Ибрагима очень много джигитов. Больше чем у вас. Трудно будет разбить Ибрагима.

— Это уже наша забота, — ответил я и приказал подавать завтрак. С этого момента я стал обращаться с Рашид-бием как с гостем. За завтраком я объявил ему, что пока он останется в штабе бригады, так как возвращаться к себе ему опасно. Я гарантировал ему полную свободу в общении со своим племенем и исполнении своих обязанностей вождя.

Ибрагим-бек внимательно наблюдал за всеми нашими действиями. Очень скоро он почувствовал, что его влияние на локайцев заметно ослабло. Чтобы восстановить свой пошатнувшийся авторитет и помешать проникновению в среду трудового дехканства революционных идей, Ибрагим предпринял ряд мер. В вилайетах, где дехкане отобрали землю у баев, басмачи жгли кишлаки, пороли плетью бедняков. Чтобы оградить локайцев от нашего влияния, Ибрагим-бек насильно угонял в горы население целых кишлаков.

После разговора с Абду-Рашид-бием мне стало ясно, что медлить нельзя. Нужно было нанести Ибрагим-беку сокрушительный удар, чтобы люди, сочувствующие Советской власти, стали более решительными. Поражение Ибрагим-бека развязало бы руки и Рашид-бию. Он мог бы многое сделать, чтобы помешать басмачам пополнять свои банды людьми, а также лишить их материальной опоры в Локае.

Операция против Ибрагим-бека была решена. Нужно

¹ Х о п — ладно.

было только дожидаться его появления. В Локай он приезжал очень редко, действуя через своих курбашей, среди которых наиболее влиятельным был Хурам-бек.

По всему Локаю люди Абдул-Азиса были оповещены о том, что, как только станет известно, где находится Ибрагим, об этом необходимо сообщить нам. Абдул-Азис организовал агентурную сеть по границам Локая и следил за каждым шагом басмачей.

Дней через десять после нашего разговора Рашид-бий обратился ко мне с просьбой разрешить ему съездить домой помыться и переодеться. Я разрешил. К вечеру прибыл его личный конвой. Я вышел проводить Рашид-бия. Мы попрощались. Он вскочил на коня и, окруженный полусотней джигитов, продолжал стоять, как бы чего-то ожидая. Я спросил, почему он не едет.

— Якуб-тюря настолько мне доверяет, что не пошлет даже своих аскеров? — ответил он вопросом на мой вопрос.

Я сказал, что он мой гость, а слово гостя лучше всякого конвоя. Про себя же я думал, что Рашид-бий, боясь Ибрагим-бека, не посмеет обмануть меня.

Через несколько дней Абду-Рашид-бий вернулся и сообщил, что в Локай должен прийти Хурам-бек с полутора тысячами джигитов.

БОРЬБА С БАСМАЧЕСТВОМ И УКРЕПЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЛОКАЕ

В начале мая 1923 года части 13-го стрелкового корпуса, выполняя приказ П. А. Павлова, сосредоточились в отведенных им районах и приступили к боевым операциям. Нажим, произведенный на басмачей по всей территории Восточной Бухары одновременно, оказался для них неожиданным.

В Дюшамбе прибыл со своим полевым штабом командир корпуса Павлов. 7, 8 и 9-й стрелковые полки 3-й Туркестанской стрелковой дивизии занимали кишлаки, расположенные на больших дорогах, 6-я отдельная Алтайская кавалерийская бригада (командир бригады Степной-Спижарный) пошла в Кулябский бое-район, а 3-я бригада (11-й Камышинский и 12-й Саратовский полки) 2-й кавалерийской Ставропольской ди-

визии имени Блинова (командир бригады Тархов) нанесла первые удары басмачам в Бальджуанском районе.

В кампанию 1922 года, когда боевые действия наших войск велись разрозненно и кавалерийские полки гонялись за отдельными бандами, Ибрагим-бек имел возможность широкого маневра. Свои операции он проводил вдали от Локая, отвлекая от своей базы наши части и возвращаясь в Локай, чтобы привести в порядок свои банды, пополнить их людским составом.

Новая тактика, которой придерживался Павлов, противоречила привычным представлениям басмачей. В мае 1923 года бандам Ибрагим-бека наносились удары везде, где бы они ни появились.

Начало активных действий в Восточной Бухаре вынудило Ибрагим-бека уйти в Локай. Таким образом, я получил возможность нанести первый удар если и не самому Ибрагим-беку, то одному из его главных курбашей — Хурам-беку.

Хурам-бек переправился со своей бандой через Кафирниган и поднялся в горы Ак-Тау в районе кишлака Ишкабад племени марка.

Это известие привез мне Доны-аксакал. Он приехал в штаб бригады ночью и сообщил, что, когда он покидал кишлак, Хурам-бек уже ушел в горы. Появление Доны в штабе бригады необходимо было сохранить в тайне, иначе его жизни угрожала бы опасность. Его накормили у меня в юрте, и он сразу же уехал к своим родственникам.

Остаток ночи прошел в подготовке к предстоящей операции. Вместе с командиром 2-го кавалерийского Гиссарского полка Панкеевым мы наметили маршрут преследования и договорились, каким образом будем держать связь. Утром 18 мая Гиссарский полк выступил из Явана.

Путь его лежал через утопающие в садах кишлаки Шурча и Оби-Кеик. Дорога постепенно поднималась в горы. По склонам паслись отары овец и табуны коней. На пашнях трудились дехкане. Бойцы знали, что нужны решительность и смелость, чтобы оградить мирный труд людей от басмаческих набегов, заставить басмачей навсегда покинуть цветущую Локайскую долину.

Отдохнувшие кони легко шли по каменистой дороге. Но уже веяло тревожным ветерком близкого боя и

связанной с ним опасностью. Даже такие бывалые воины, как Панкеев, и те ощущали в груди тревожный холодок. Позднее Панкеев признавался, что он давно не испытывал такого волнения, как в это утро. А ведь за плечами Панкеева были тысячи километров дорог по горам и пустыням, десятки смертельных схваток и лихих кавалерийских атак.

Проводником в полку был Абдул-Азис. Организованная им агентурная связь работала безукоризненно. К головному отряду, с которым ехали Абдул-Азис и Панкеев, постоянно подъезжали всадники, быстро обменялись с Абдул-Азисом двумя — тремя фразами и снова исчезали на горных тропах. Иногда Абдул-Азис сворачивал в горные щели, чтобы встретиться со своими людьми.

В ночь на 20 мая полк остановился на последний перед боем ночлег. Абдул-Азис уехал вперед и вернулся неожиданно быстро. Оказалось, что в кишлаке Тюльки-Булак, километрах в десяти от места ночлега полка, появились басмачи. Абдул-Азис сказал, что одному из наших разведчиков — Набиеву удалось перехватить связанного басмачей, который сообщил, что Хурам-бек ожидает прихода в Локай главнокомандующего войсками ислама Ибрагим-бека.

Ночью Панкеев окружил кишлак Тюльки-Булак. На рассвете два спешенных эскадрона, расположенные по склонам гор, увидели в садах кишлака привязанных к коновязям лошадей и спавших бандитов. Открыли огонь станковые пулеметы. Спешенные цепи пошли в атаку, расстреливая сверху метавшихся в панике басмачей. Разгром банды завершился конной атакой 3-го эскадрона, ворвавшегося в узкие улочки кишлака.

Басмачи садами пробирались к южной окраине, где была не замеченная ими ночью горная щель, размытая весенними потоками. Воспользовавшись ею, Хурам-бек в сопровождении десятка всадников ушел на юг.

Гиссарский полк сосредоточился в кишлаке Зарын-Булак, где командир полка Панкеев решил сделать дневку.

Весть о поражении Хурам-бека быстро распространилась по Локаю, и я узнал об этом раньше, чем получил донесение Панкеева. Хурам-бек принадлежал к знатному роду кунград, и разгром его банды значи-

тельно укреплял наши позиции в Локае. В донесении о разгроме Хурам-бека Панкеев сообщал, что в Локай идет Ибрагим.

В тот же день дехканин из кишлака Кара-Манды привез в Яван известие, что Ибрагим-бек с 2000 всадников находится в кишлаке Беш-Булак. Как ни спешил командующий войсками ислама на помощь к своему курбаши, мы опередили его. Обстановка сложилась благоприятно для нас, и я отдал приказ Алайскому и Бальджуанскому полкам немедленно выступать. Получив дополнительные данные разведки на марше, я уточнил полкам их задачи. Командир Бальджуанского полка Лихарев должен был выйти к кишлаку Кара-Манды и к четырем часам утра обойти Беш-Булак с запада. Командиру Алайского полка Мельникову было приказано войти в ущелье возле кишлака Кайнар и по тропе идти к Беш-Булаку, чтобы в четыре часа атаковать банду с востока.

Марш совершали ночью. Бойцам и командирам помогало превосходное знание местности. Шли, соблюдая полную тишину. Бесшумно ступали кони — их копыта были обвязаны кошмой, хорошо подогнанное снаряжение не издавало ни единого звука. Я и комиссар Ратников находились с 1-м кавалерийским Алайским полком. В головном отряде шел 3-й эскадрон Плотникова. Часа в три ночи из головного отряда привели пленных басмачей. Возбужденный первым боем, командир взвода Рахматулин рассказывал:

— Только вошли в ущелье, смотрим — костер. Вокруг, как куры на насесте, басмачи. Винтовки между ног, все как один спят. Взяли их без выстрела. Дорога на Беш-Булак открыта.

Пошли рысью, прогревая лошадей перед предстоящей атакой. Край неба посветлел. Видны стали окружающие дорогу предметы, выступы скал, покачивающиеся в седлах всадники. Края ущелья резко вырисовывались в зеленоватом воздухе. Впереди замаячили фигуры верховых. На дорогу выехал Плотников, доложил:

— Кишлак в двухстах метрах. Все спокойно. Эскадрон готов к атаке.

В кишлак ворвались карьером с криком «ура!». Одновременно с запада на сонный кишлак обрушилась

конная лавина бальджуанцев. Басмачи беспорядочно отстреливались из-за глинобитных дувалов. Бойцы ломали ворота, врываются в сады. Через полчаса узкие улицы кишлака заполнили пленные, которых вели к площади против мечети. В пестро одетой толпе искали Ибрагим-бека, но его не оказалось. Не нашли его и среди убитых. Опрошенные пленные и местные жители сообщили, что в кишлаке была только часть банды. Ибрагим-бек ночевал в горах и таким образом избежал плена.

Высланные во все стороны разъезды напали на следы его стоянки. Удалось установить, что, как только начался бой, Ибрагим-бек ушел к Вахшу на переправу Кызыл-Кала.

Ибрагим-бек ускакал несколько часов тому назад, преследовать его было бессмысленно. Оставалась надежда на Гиссарский полк, который находился в кишлаке Найза-Булак. Но никакой связи с полком не было. О действиях полка я узнал позже из доклада Панкеева.

Идя на соединение с бригадой, Панкеев миновал кишлак Найза-Булак и на рассвете начал спускаться в долину. На переправе Кызыл-Кала он заметил крупную банду. Не зная, что это Ибрагим-бек, Панкеев ускорил спуск и обрушился на толпившихся у переправы басмачей. Началась жестокая рубка. На противоположный берег переправилось человек сто всадников — все, что осталось от двухтысячной банды Ибрагим-бека.

Бегство Ибрагим-бека я был склонен расценивать как неудачу бригады, ибо понимал, что, пока он жив, полностью ликвидировать басмачество не удастся. Горечь досады мешала мне трезво оценить обстановку и осознать все значение одержанной победы.

Я уже говорил, что Локай являлся основной базой басмачества и Ибрагим-бек в период кампании 1922 года прилагал много усилий, чтобы не допустить в Локай наши части. Он смотрел на Локай как на надежное убежище, где можно было укрыться после поражений, наносимых ему Красной Армией и национальными частями Бухарской республики. Но вот впервые поражение было нанесено ему в Локае, и он вынужден был бежать оттуда, спасая свою жизнь.

Бегство Ибрагим-бека и множество пленных басмачей, которых провели по дорогам через базарные пло-

щади кишлаков, нанесли непоправимый удар по басмачеству. Сочувствующие идеям Советской власти локайцы стали смелее выступать в кишлаках, а сторонники Ибрагим-бека, почувствовав шаткость своего положения, резко снизили контрреволюционную активность, стали всячески заискивать перед беднотой.

После разгрома Хурам-бека и своего поражения Ибрагим-бек понял, что Локай ускользает из его рук. Хитрый и изворотливый, он резко изменил тактику, перейдя от массового террора к заигрыванию с местным населением. Через несколько дней нам стало известно, что Ибрагим-бек распустил все свои басмаческие шайки на полевые работы. Действительно, на полях стало значительно больше молодых мужчин. Нас заинтересовал этот факт, и вскоре мы полностью раскрыли карты Ибрагим-бека.

Зная, что лето — наиболее удобное время года для боевых действий Красной Армии, Ибрагим-бек решил создать видимость, что басмаческое движение замерло. Расчет был на то, что обманутые наступившим затишьем войска покинут пределы Локая и тогда можно будет расправиться с Советской властью и непокорным бедняцким населением.

Уходя на левый берег Вахша, Ибрагим-бек оставил в Локае мелкие шайки басмачей под общим командованием Асадуллы. Эти шайки должны были наблюдать за поведением локайцев и уничтожать наиболее активных сторонников Советской власти. Во главе шаек стояли курбаши Еганберды из племени исан-ходжа, Сафар-тохсаба из племени карлюк и Ильбаши из племени бадракли. Шайки избегали столкновений с крупными подразделениями наших частей, нападая на одиночных красноармейцев и советских работников.

Воспользовавшись затишьем в басмаческом движении, мы решили принять контрмеры. В Яван были вызваны на совещание вожди племен. И мы прямо заявили им, что для нормализации жизни в Локае, для полной ликвидации басмачества и прекращения межплеменной вражды необходимо изъять у населения оружие, а также разыскать и передать органам власти продовольственные запасы и склады оружия Ибрагим-бека.

Вожди племен поглядывали на Абду-Рашид-бия. Тот сидел, не поднимая глаз. Племя карлюк и его вождь

Карши-аксакал были готовы принять наше требование, так как слабое в военном отношении и наиболее угнетаемое племя карлюк не было заинтересовано в том, чтобы межплеменные споры решались силой оружия.

Но Карши-аксакал не решился проявить инициативу, опасаясь воинственных исан-ходжинцев.

Первым взял слово Абдул-Азис. Он заявил, что племя бадракли готово сдать оружие. Осмелевший Карши-аксакал немедленно поддержал его. Я с нетерпением ждал, что скажет Абду-Рашид-бий. После долгих раздумий он обещал употребить все свое влияние, чтобы убедить исан-ходжинцев сдать оружие.

В середине июля на склады бригады стало поступать оружие. Первыми его сдали бадраклинцы, затем племена карлюк и марка, таджики и туркмены. Не поступало оружие только от исан-ходжинцев.

Я вызвал к себе Рашид-бия и сказал ему:

— Если вы не собираетесь воевать против Советской власти, то зачем вам оружие? Ведь на вас никто не нападает и не собирается нападать. Почему племя ушло в горы?

Рашид-бий сидел, пощипывая бороду. После длительного молчания сказал:

— Мои люди завтра утром привезут все оружие...

На другой день перед штабом бригады остановились арбы, на которых лежало триста винтовок и два пулемета, отобранные у 8-го стрелкового полка во время контрреволюционного восстания в Дюшамбе. Самое малочисленное племя локайцев — карлюк и то сдало оружия в два раза больше. Я сказал об этом старшему конвоя и просил его передать Рашид-бию мои слова.

К вечеру в Яван приехал Абду-Рашид-бий. Он уверял меня, что у него нет больше оружия.

— Все остальное оружие держат Асадулла и Еганберды, — заявил он. — Как я могу у них его отнять?

К исан-ходжинцам были посланы наши лучшие политбойцы-агитаторы, владевшие узбекским языком и в большинстве принадлежавшие к народностям Средней Азии. Возвратившись в бригаду, они доложили, что большинство исан-ходжинцев отказывалось сдать оружие потому, что боялось мести со стороны других племен за все нанесенные им в прошлом обиды.

Снова созвали вождей племен, и на этом совещании решено было изменить существующий порядок управления Локаем, основанный на племенном превосходстве, и всю власть по примеру других областей Бухары сосредоточить в руках ревкомов.

Создание ревкомов явилось делом очень трудным. В самом Локае не было партийных работников, а все сочувствующие нам люди были неграмотные и имели весьма туманное представление о советском строительстве. Националисты из состава бухарского правительства предложили прислать в Локай своих ставленников. С этим не согласились бухарские коммунисты, которые высказались за привлечение к работе местных людей. Это было правильное предложение, ибо никого со стороны локайцы не признали бы.

На совещании вождей племен было принято решение создать на первое время туменный (уездный) ревком. Первоочередной задачей ревкома являлось выявление наиболее способных к советской работе людей из числа дехкан.

Вновь созданный ревком взял в свои руки всю полноту власти в Локае. На это басмачи ответили усиленным террором. Первой жертвой пал замечательный человек, преданнейший сын своего народа Доны-аксакал. Бандиты Асадуллы захватили его на дороге, когда он возвращался домой из соседнего кишлака, где проводил беседу о земельной и налоговой реформах.

Но времена, когда басмачи могли безнаказанно расправляться с негодными им людьми, безвозвратно прошли. В ответ на их террористические акты была объявлена беспощадная война локайским курбашам и их скрытым сторонникам.

* * *

В июле 1923 года по решению Центрального Комитета Бухарской коммунистической партии был создан Революционный Военный совет Восточной Бухары. Председателем РВС был назначен председатель Совета назиров Бухары Файзулла Ходжаев. Членами РВС являлись командир 13-го стрелкового корпуса Павлов и комиссар корпуса Мулин. С этого времени высшим органом законодательной власти в Восточной Бухаре стал

РВС, а Диктаторская комиссия продолжала оставаться исполнительным органом.

По предложению Диктаторской комиссии ЦК Коммунистической партии Бухары принял также решение о введении в состав ревкомов представителей Красной Армии и национальных частей Бухарской республики.

В отличие от других областей Восточной Бухары, где уполномоченные РВС входили только в вилайетные (губернские) ревкомы, в Локае в состав туменного ревкома на правах уполномоченных РВС вошли комиссар Ратников и я.

Туменный ревком находился в Яване — административном и политическом центре Локая. Председателем ревкома был избран таджик коммунист Мирза-Махмуд, заместителем — Карши-аксакал. К концу июля был создан кентский (волостной) ревком, во главе которого встал Абдул-Азис, а заместителем председателя избрали Кара-Муллу — газималекского таджика, проявившего себя в борьбе с басмачами — исан-ходжинцами.

Впервые в истории Локая таджики пользовались властью наравне с локайцами. Для того чтобы оградить ревкомы от басмаческих налетов, в Яван и Догана-киик прибыли постоянные гарнизоны из подразделений 9-го Туркестанского стрелкового полка.

Под руководством ревкомов проводилась систематическая работа по советизации Локая. Активное участие в этом принимал политотдел бригады. Начальник политотдела И. В. Орлов пользовался большим авторитетом как среди бойцов и командиров, так и среди местного населения. Под руководством политотдела бригады политработники и комиссары полков И. И. Жуков и Л. Л. Раппопорт вели большую партийно-политическую работу.

Значительную роль в подавлении враждебных вылазок сыграл также особый отдел бригады. Начальник его А. В. Анохин прошел хорошую партийную школу и был опытным чекистом. Анохин вступил в партию в 1917 году в городе Сызрани и работал в особом отделе 1-й армии. В 1920 году его назначили старшим уполномоченным в бригаде Марсова. А при реорганизации дивизии в отдельную бригаду он возглавил особый отдел. За мужество и отвагу, проявленные в боях с Энвер-пашой, Анохин был награжден орденом Красного Зна-

мени. Помощником Анохина был А. М. Коробко — также опытный чекист, чуткий и отзывчивый товарищ, участник героической Гиссарской экспедиции.

Анохин и Коробко делали все, чтобы обезвредить активных помощников Ибрагим-бека из числа зажиточных локайцев. В своей работе они опирались на преданных Советской власти людей, растили из них национальные кадры чекистов.

При ревкомах были созданы туменные и кентские суды, которые подчинялись Бухарскому назирату юстиции. Но суды продолжали выносить решения, опираясь на шариат, который был для мусульман сводом духовных, гражданских и уголовных законов, а также сводом морально-этических правил повседневной жизни. В условиях Локая, где господствовали темнота и отсталость населения, нельзя было не считаться с фанатичной приверженностью населения к религии. Отмена шариата должна была произойти не сверху, а снизу, по мере роста сознательности масс. В практической работе суды, правда, отказались от таких реакционных положений шариата, как телесные наказания, кровная месть, всевозможные незаконные сборы. Новый советский суд объявил беспощадную борьбу бесправному положению женщины. Деятельность суда вызывала одобрение большинства трудового населения Локая, но была враждебно встречена зажиточным меньшинством.

Вскоре работа ревкома дала свои плоды. В родные кишлаки вернулись таджики Яванского и Газималекского районов, не опасаясь больше воинственных соседей. Стали возвращаться в свои селения и семьи исанходжинцев. Первыми вернулись жители кишлаков Пакрабад, Ляур, а также Султанабада, где в это время стоял штаб бригады.

Влияние Ибрагим-бека в Локае резко упало, и туменный ревком решил провести 1-й Локайский курултай (съезд).

Съезд открылся 4 августа в кишлаке Султанабад и обсудил такие вопросы: о сущности и значении Советской власти, о борьбе населения с басмачеством, о задачах Красной Армии и о мероприятиях Советской власти в связи с осуществлением реформ, выдвинутых бухарской революцией.

Перед ревкомом стояла задача привлечь на курултай возможно большее число представителей племен, поэтому нормы представительства не устанавливались. От племени бадракли приехало 400 делегатов, племя карлюк прислало 300 человек, таджики — 150, а исанходжинцы — только 80. По числу приехавших на съезд делегатов можно было судить о степени влияния басмачества на каждое из племен.

На съезд прибыли председатель Совета назиров Бухары Файзулла Ходжаев и член Реввоенсовета комиссар 13-го стрелкового корпуса В. М. Мулин, член КПСС с 1906 года.

Высокая активность делегатов съезда свидетельствовала о том, что влияние Ибрагим-бека сильно упало. Однако националисты не хотели сдавать позиции. На съезде выступил Файзулла Ходжаев. Он потребовал проведения таких реформ, к принятию которых население Локая еще не было готово, в частности отмены шариата и замены его новым советским законодательством. Член Реввоенсовета Мулин охарактеризовал требование Файзуллы Ходжаева как «левый загиб». Выступление Мулина помогло делегатам съезда единогласно принять решения, направленные на укрепление Советской власти.

Выступление Файзуллы Ходжаева было не случайным. Левыми требованиями он маскировал свою националистическую сущность. Занимая ответственный пост председателя Совета назиров БНСР и председателя РВС Восточной Бухары, Ходжаев своей деятельностью пытался восстановить народ против Советской власти. То, что ему не удалось сделать на съезде, Файзулла Ходжаев попытался осуществить во время своей поездки по Локаю. Прежде всего он потребовал силой вернуть исанходжинцев в свои кишлаки. Мулин приказал мне не выполнять распоряжение председателя Совета назиров. Между ним и Ходжаевым произошел резкий разговор. Мы с Ратниковым были целиком на стороне Мулина.

В августе 1923 года на совещании в ЦК РКП(б) работников национальных республик была подвергнута резкой критике антипартийная деятельность действовавшей в БНСР национал-уклонистской группы (Файзулла Ходжаев и другие).

Мудрая и дальновидная политика партии помогала нам на местах бороться с явными и тайными врагами. Намереваясь возобновить против нас боевые действия после уборки урожая, когда органы Советской власти начнут сбор налога, Ибрагим-бек просчитался: население Восточной Бухары (в том числе и локайцы), разоренное басмачеством, было освобождено от уплаты сельскохозяйственного налога. Больше того, локайцы получили большие кредиты на восстановление своего хозяйства. Советская Россия, еще сама не залечившая раны, нанесенные ей двумя войнами, направила в Туркестан эшелоны с промышленными товарами. Ставка Ибрагим-бека на недовольство локайцев действиями Советской власти была бита.

* * *

В августе 1923 года банды Ибрагим-бека пришли в Локай. Население встретило басмачей настороженно. Жители кишлаков, к которым приближались банды, уходили в горы. По всему Локаю носились шайки Асадуллы, Ильбаши, Бабаджана и Курбака, но все их усилия поднять население на восстание против Советской власти были тщетны.

В течение месяца полки бригады наносили басмачам одно поражение за другим, и лишь в результате ошибок и промахов отдельных командиров басмачам удавалось одерживать победы над мелкими подразделениями наших войск.

8 августа мне сообщили, что Ибрагим-бек с 800 всадниками находится в районе кишлака Беш-Булак. Полки по тревоге покинули свои стоянки. В головном отряде бригады шел эскадрон Афанасьева из 2-го кавалерийского Гиссарского полка. За кишлаком Нарын меня догнал начальник связи штаба корпуса и передал распоряжение Павлова срочно идти в Кок-Таш, где, по сведениям корпусной разведки, Ибрагим-бек назначил сбор локайских банд. Я отправил Афанасьеву приказание следовать в арьергарде и повернул бригаду. В это время эскадрон Афанасьева стоял в кишлаке Баш-Кайнар у входа в ущелье. Жители кишлака угощали бойцов кислым молоком, лепешками и чаем.

Получив мое приказание, Афанасьев не спешил покинуть гостеприимных жителей. Он даже не позабо-

тился выставить сторожевое охранение. Между тем бригада поднялась на перевал и повернула на Кок-Таш. Сзади слышалась пулеметная и ружейная стрельба. Это заставило меня повернуть назад Гиссарский полк.

Произошло следующее. Ибрагим-бек шел в Кок-Таш и, увидев в кишлаке Баш-Кайнар красноармейцев, остановился в ущелье. Когда бригада повернула на перевал, Ибрагим-бек воспользовался беспечностью Афанасьева и обрушился всей бандой на эскадрон. Гиссарцы вовремя пришли на помощь товарищам. Как только Ибрагим-бек увидел скачущие в атаку эскадроны, он бросился по ущелью на юг. Беспечность Афанасьева дорого обошлась эскадрону, потерявшему сорок бойцов. Хорошо еще, что двое жителей кишлака, заметив выходящую из ущелья банду, подняли тревогу и бойцы успели открыть пулеметный огонь.

Пленные басмачи рассказали, что Ибрагим-бек, обеспокоенный результатами курултая, решил бросить в Локай все силы, чтобы уничтожить бригаду и вернуть себе потерянное влияние. С этой целью он стягивал в Кок-Таш все свои банды и сам намеревался пройти туда. Встреча с главными силами бригады помешала выполнению его планов.

Удачный налет на эскадрон Афанасьева как бы подсказал Ибрагим-беку новую тактику: не вступая в сражения с крупными частями Красной Армии, наносить удары небольшим подразделениям.

В середине августа эскадрон Ложкина 1-го кавалерийского Алайского полка, ведя разведку в горах Карши-Тау, остановился на ночлег в кишлаке Джалтыр-Тепе. Жители кишлака предупреждали Ложкина, что неподалеку прячется в горах банда Асадуллы. Несмотря на это, он отправил под вечер взвод Иванова с одним пулеметом в кишлак Карагач. По дороге к кишлаку взвод был неожиданно окружен конной бандой в двести джигитов. Лишь небольшой группе бойцов удалось вырваться из окружения и вернуться в эскадрон. Басмачи захватили пулемет, который возили по всем кишлакам, хвастаясь своей победой.

Я понял тактику Ибрагим-бека. Полкам было приказано действовать силами не менее эскадрона. Одновременно необходимо было вернуть захваченный пулемет, чтобы показать местному населению, что ни одно

вооруженное нападение на наши части не пройдет для басмачей безнаказанно. В погоню за Асадуллой был брошен эскадрон Алайского полка под командованием Куца. Куц подкараулил шайку Асадуллы в горах и разбил ее наголову, захватив пулемет, 65 пленных и 50 лошадей.

Тактике басмачей мы противопоставили свою тактику. Против банд, рассредоточенных по Локаю, самостоятельно действовали эскадроны. Операции, как правило, проводились ночью, так как басмачи совершенно не умели вести ночной бой. И под покровом темноты малочисленные эскадроны действовали против банд, которые намного превосходили их по силе.

В конце августа нам стало известно, что через переправу Кизыл-Кала должна уйти на левый берег Вахша шайка Ибрагим-бека.

Я взял из 1-го кавалерийского Алайского полка эскадрон Плотникова и в ночь на 29 августа пошел из Явана в Арал-Тугай. Ночь была тихая, светлая. На дороге виден был каждый камень. На рассвете подошли к переправе Кизыл-Кала. Река была покрыта туманом, слышен был лишь шум стремительно текущей воды. Эскадрон спустился в глубокий овраг.

Когда небо над горами окрасилось в розовые тона, наблюдатель, оставленный наверху, доложил, что по ущелью из кишлака Найза-Булак идет большая банда.

Плотников приказал выкатить на край оврага пулеметы. Банда выходила из ущелья к переправе, ничего не подозревая. Когда басмачи приблизились к реке на 300 метров, пулеметы открыли огонь. Это был первый бой, в котором я лицом к лицу столкнулся с Ибрагим-беком.

О храбрости Ибрагим-бека ходили легенды. Говорили, что его не берет ни пуля, ни шашка. Обычно он стоял где-нибудь на возвышенности, окруженный личным конвоем, и наблюдал за ходом боя. Если намечался успех, он бросался в ряды басмачей, воодушевляя их криками. Но наши бойцы, имевшие дело с бандами Ибрагима, знали, что близко к передовым линиям он никогда не подходил.

Пулеметный огонь отрезал банде путь к ущелью. Басмачи сбились в кучу, но быстро оправались и, развернувшись веером, галопом помчались на нас. Наши

пулеметчики заставили их остановиться и повернуть назад, к ущелью. Однако путь к ущелью был отрезан, и басмачи снова повернули и с криком «алла, алла!» вторично пошли в атаку.

В это время кто-то из бойцов крикнул:

— Смотрите, Ибрагим-бек!

Я посмотрел в указанном направлении и увидел Ибрагим-бека. Он стоял на скалистом выступе. Конь его приседал от выстрелов. Время от времени из окружающей Ибрагим-бека группы всадников отделялся то один, то другой и стремительно мчался к метавшейся под пулями банде. Повинуясь ему, басмачи снова и снова шли в атаку, теряя десятки убитых.

Я приказал пулеметчику обстрелять Ибрагим-бека. И мы увидели, как упали с коней несколько человек из его конвоя. Но сам он продолжал стоять на скале. Посмотрев в бинокль, я увидел, что скала, на которой находился Ибрагим-бек, была выше, чем площадка, где расположился конвой, и пули почти не долетали до него. Так вот она, «храбрость» прославленного курбаши! Вот где корни легенды о «неуязвимости» Ибрагим-бека!

Между тем захлебнулась третья атака басмачей. Я подал команду «По коням» и повел эскадрон в контратаку. Банда быстро рассеялась. Когда я взобрался на скалу, где находился Ибрагим-бек, то нашел там среди камней трех раненых басмачей. На вопрос, где Ибрагим-бек, один из них махнул рукой в направлении гор. Вверх по ущелью, нахлестывая коней, уходили четыре всадника.

Эскадрон пришел в Тюльки-Булак и остановился на отдых. В этом бою было захвачено три знамени, два пулемета и много пленных.

С наступлением темноты эскадрон пошел по хребту Гардани-Ушти. В кишлаке Ак-Су мы застали эскадрон алайцев Куца и провели там весь день, а вечером я повел оба эскадрона в кишлак Кара-Манды на соединение с 1-м кавалерийским Алайским полком Мельникова. В этом кишлаке у меня была назначена встреча с Абдул-Азисом. Он приехал в полночь и сообщил важные новости.

Ибрагим-бек делал отчаянные попытки поднять локайцев на борьбу против Советской власти. С этой

целью он лично объезжал Локай, встречался с вождями племен и насильно вербовал в свои банды молодежь. По сведениям, которыми располагал Абдул-Азис, банда Ибрагим-бека в эту ночь шла на Кок-Таш.

1-й Алайский кавалерийский полк Мельникова выступил на рассвете наперерез банде. К середине дня полк достиг Аул-киика и остановился на большой привал. Вокруг не было ничего подозрительного. Высланные разведки никого не встретили. Абдул-Азис разыскал пастухов, но и они ничего не слышали о басмачах. Ибрагим-бек как в воду канул. Я уже знал его повадки: когда вблизи появлялись наши части, он прятался в горных ущельях, выжидая удобного момента для внезапного нападения.

В полдень я решил спуститься в Кок-Таш. Головным пошел эскадрон Куца. В широком ущелье Куц был атакован бандой. Басмачи выскакивали из всех щелей и с обнаженными кривыми саблями обрушивались на эскадрон. Куц не растерялся и бросился с бойцами на басмачей, которых было в десять раз больше, чем красноармейцев. Расчет его был прост. В рукопашном бою, стиснутые ущельем, басмачи не могли использовать свое численное превосходство. Ибрагим-бек, как всегда, наблюдал за боем в стороне. Увидев спускающиеся к ущелью главные силы полка, дозорный басмач закричал: «Якуб-тюря!» Услышав этот возглас, басмачи повернули и помчались к кишлаку. Не давая банде задержаться, бойцы Куца рубили басмачей с хвоста. Вскоре к Куцу присоединились остальные эскадроны и погнали банду через кишлак Султанабад к перевалу Зардалю. В пылу погони никто не заметил, как Ибрагим-бек отделился с двумя всадниками от банды и ускакал в направлении Файзабада. Банда рассыпалась по горам, и, по показаниям жителей Нурека, часть ее перешла на левый берег Вахша. Вскоре ушел из Локая и Ибрагим-бек. Так полной неудачей закончилась его попытка поднять восстание в Локае.

* * *

В середине сентября в Локай прибыл командир 13-го стрелкового корпуса Павлов. Выслушав мой доклад о положении в Локае, он сказал:

— В Восточной Бухаре дело обстоит хуже. Ваш старый знакомый Хурам-бек активизировал свои действия. Положение в Бабатаге создалось напряженное. Я вынужден взять у вас один полк и бросить его против Хурам-бека.

Я высказал предположение, что активизация Хурам-бека — дело не случайное. Очевидно, Ибрагим-бек помогает ему, чтобы отвлечь внимание от Локая и ослабить наши части в Локайском боерайоне.

Павлов со мной согласился.

— Вполне вероятно, что это именно так, — сказал он. — Но и тогда я не вижу другого выхода. Бригада Тархова потеряла почти весь конский состав. Полки 11-й кавалерийской дивизии еще не подошли. Да и после их прихода соотношение сил в Восточной Бухаре будет далеко не в нашу пользу.

Чтобы успешно наносить удары по всем бандам одновременно, комкор вынужден был маневрировать частями. Мне это было ясно, и возразить против его решения я не мог. Оно было правильным и своевременным.

— Могу я надеяться, что вы с двумя полками справитесь со своей задачей? — спросил Павлов.

— Другого выхода нет. Значит, надо справиться, — ответил я.

В соответствии с новой обстановкой Павлов переместил кавалерийские части. 6-я отдельная Алтайская кавалерийская бригада сменила в Бальджуанском районе бригаду Тархова, которая, потеряв не приспособленный к горной войне конский состав, ушла из Восточной Бухары. Полки 11-й кавалерийской дивизии пришли в Восточную Бухару и действовали против басмачей в Гиссарской и Сурханской долинах, а также в Бабатаге. 1-я отдельная Туркестанская кавалерийская бригада продолжала оперировать в Локае без 3-го кавалерийского Бальджуанского полка, который ушел в Бабатаг.

Мои предположения о намерениях Ибрагим-бека оказались правильными. В первых числах сентября были демобилизованы остатки старослужащих, и в части пришел молодой необученный состав. Уход Бальджуанского полка сильно ослабил бригаду, и боеспособность ее резко упала. Этим немедленно воспользовался

Ибрагим-бек, который в сентябре снова появился в Локае.

На этот раз Ибрагим-бек действовал весьма решительно. Он понимал, что либо он должен одержать победу, либо от его авторитета не останется и следа.

Штабу бригады стало известно, что Ибрагим-бек провел повальную мобилизацию племени исан-ходжа. Всех, кто отказывался идти в банду, казнили. Но с помощью этих драконовских мер ему удалось провести мобилизации только в кишлаках Шурчи, Беш-Булак и Нарын. Жители других кишлаков уходили в горы либо в населенные пункты под защиту гарнизонов Красной Армии.

В ночь на 21 сентября 1923 года в горы на разведку был послан один из дивизионов Алайского полка под командованием помощника командира полка Гегера.

И когда на рассвете дивизион подходил к кишлаку Баш-Кайнар, он был неожиданно атакован на окраине кишлака бандой в 2000 всадников, скрывавшейся в окрестных садах. Басмачи буквально задавили своей массой малочисленные эскадроны. У Гегера был один выход — попытаться прорваться в кишлак. Это ему удалось.

Заняв центр кишлака, эскадроны Ложкина и Плотникова стали готовиться к обороне. Оставив во дворах лошадей, бойцы спешно пробивали бойницы в глиняных стенах кибиток. На крыши были втянуты и замаскированы снопами клевера и грудями подушек пулеметы. Молодые красноармейцы проявили исключительную выдержку и расторопность. Не было ни малейшей паники.

Оправившись от неожиданно дерзкой встречной атаки, басмачи попытались войти в кишлак, но встретили организованный отпор.

Ибрагим-бек понял, что победа ускользает у него из рук. Избывая камчой джигитов, он посылал их на пулеметы. Находившиеся среди басмачей муллы громко выкрикивали молитвы. Басмачи шли на приступ кишлака словно обреченные, подставляя грудь под пули. На улицах под дувалами росли груды трупов. Потери, понесенные басмачами в первых атаках, отрезвили Ибрагим-бека. Он приказал окружить кишлак, отвести из арыков воду и взять бойцов измором.

Покидая кишлак еще до прихода наших бойцов, жители унесли с собой все продовольствие, которое не успели отнять у них басмачи. Голодные, измученные бойцы жевали сухой клевер, но это не утоляло голода, а лишь разжигало жажду.

Чтобы запугать красноармейцев, басмачи волочили на арканах изуродованные трупы бойцов, убитых при встречной атаке.

Гегер решил послать донесение в штаб бригады и предложил командирам эскадронов выделить двух бойцов. Добровольно вызвались выполнить приказ красноармейцы Владимир Кириченко и Ахмет Самиров. Им дали лучших лошадей, и под прикрытием пулеметного огня эскадрона Плотникова они вырвались из кишлака. Вдогонку им бросилось около двадцати басмачей. Самиров был убит километрах в трех от кишлака, а Кириченко удалось ускакать. Километрах в десяти он встретил спешивший к кишлаку 2-й Гиссарский полк Панкеева, которому стало известно от местных жителей о тяжелом положении дивизиона.

Я тоже узнал от нашего проводника Набиева, что в кишлаке Баш-Кайнар идет сильный бой, и пошел туда с эскадронам Куца и батареей Януса. На этот раз нам не удалось захватить Ибрагим-бека врасплох. Басмачи атаковали батарею на подходе к кишлаку. Но в этот момент подошел Гиссарский полк Панкеева и ударил во фланг и тыл атакующей банды, а эскадрон алайцев Куца отрезал ей отход к кишлаку.

Вся банда бросилась к Нарынской щели. Обгоняя друг друга на узких тропах, басмачи срывались в обрыв вместе с конями. Среди разбившихся насмерть всадников был опознан труп Мурды-Мурата — заместителя Ибрагим-бека.

Ибрагим-беку с остатками банды удалось достигнуть Кафирнигана и переправиться в Бабатаг к Хурам-беку.

Значение этого боя трудно было переоценить. Самые упорные приверженцы Ибрагим-бека из племени исанходжа вскоре добровольно привезли и сдали ревкому оружие. Небольшие шайки басмачей, лишенные всякой поддержки со стороны местного населения, вынуждены были скрываться в горах.

За героическую оборону Баш-Кайнара помощник командира Алайского полка Гегер был награжден орде-

ном Красного Знамени. Красноармеец Владимир Кириченко за мужество и инициативу был награжден третьим орденом Красного Знамени.

* * *

В Бабатаге Ибрагим-беку удалось соединиться с сильно потрепанной бандой Хурам-бека, но оказать серьезное сопротивление 1-й бригаде 11-й кавалерийской дивизии и 3-му Бальджуанскому кавалерийскому полку басмачи уже не могли.

В конце сентября в горах Бабатага в одной из схваток с басмачами геройски погиб командир 1-й бригады Краснов. В командование бригадой вступил командир Бальджуанского полка Лихарев, вместо которого командиром полка был назначен начальник штаба полка Корытников.

Вскоре произошел бой, развеявший легенду о «неуязвимости» Ибрагим-бека. Меткая пуля красноармейца Бальджуанского полка выбила Ибрагим-бека из седла, когда он после очередного поражения уходил от преследования.

В начале октября раненый Ибрагим-бек появился в Локае. К этому времени уже ничего не осталось ни от его былой славы, ни от его влияния. В Локае были созданы отряды местной самообороны, которые не пускали Ибрагим-бека в кишлаки. Банда его таяла с каждым днем. А 10 октября ночным налетом Алайский и Гиссарский полки нанесли под Арпа-Булаком банде решительное поражение. Ибрагим-бек снова бежал в Бабатаг.

* * *

С ликвидацией массового басмаческого движения в Локае и во всей Восточной Бухаре на первый план выдвинулись задачи советского строительства. Для связи Локая с остальными районами Бухарской республики была построена телеграфная линия, и это сразу облегчило деятельность войск и ревкомов.

Советское строительство в Локае велось с учетом особенностей этой области. В своем революционном развитии Локай на десятки лет отстал от других районов республики. Давали себя знать присущие локайцам

феодално-родовые пережитки. Прежде всего необходимо было ликвидировать межплеменную рознь и создать условия для слияния племен и родов в единую народность.

Кое-что в этом направлении уже было сделано. В Локае существовали смешанные ревкомы, в которых вместе работали таджики и узбеки, представители различных племен. Положительный опыт деятельности этих ревкомов было решено распространить по всему Локаю.

Разгром Ибрагим-бека позволил приобщить к советскому строительству племя исан-ходжинцев. Правитель племени Абду-Рашид-бий под разными предлогами саботировал распоряжения ревкома и, как впоследствии выяснилось, вел двойную игру: на словах поддерживал Советскую власть, а на деле тайно помогал басмачам. Свое нежелание подчиняться ревкому Рашид-бий объяснял тем, что племя исан-ходжа — главное в Локае и что для исан-ходжинца оскорбительно находиться под властью таджика. В связи с этим в ревкоме состоялся серьезный разговор.

На заседании туменного ревкома, куда был вызван и Рашид-бий, председатель кентского ревкома Мирза-Махмуд спросил:

— Почему правитель племени Абду-Рашид-бий не хочет, чтобы исан-ходжинцы жили дружно с другими племенами и народностями Локая?

— Аллах повелел исан-ходжинцам быть первыми среди локайцев, — ответил Рашид-бий.

— Почему же, когда били Ибрагим-бека, исан-ходжинцы не были впереди всех локайцев? — возразил Абдул-Азис. — Может быть, Рашид-бий не считает Ибрагим-бека врагом Локая?

Вопрос Абдул-Азисом был поставлен в упор. Прижатый к стене, Рашид-бий стал оправдываться, говоря, что ему очень трудно уговорить своих соплеменников признать равными себе остальные племена и народности Локая. На это ему возразил Карши-аксакал:

— Воды, которые унес Вахш сегодня, не потекут снова завтра. То, что было в Локае вчера, не повторится сегодня.

Это заседание ревкома показало, как сильно выросло политическое сознание первых руководителей Советской власти в Локае.

В результате обсуждения этого вопроса ревком пришел к выводу о необходимости как можно скорее положить конец национальной розни в Локае и принял решение расширить сеть ревкомов. В связи с этим необходимо было пересмотреть административное деление Локая и новое деление провести с таким расчетом, чтобы оно помогало постепенно изживать племенную рознь. Для этого в кент (волость) надо было на первых порах объединять племена, имеющие наиболее тесные родственные связи. Кроме того, необходимо было привлечь к участию в советском строительстве таджиков Шурьянского района и племя дурмен, которые в Догана-киикском ревкоме не имели своих представителей.

Во время борьбы с басмачеством в племенах выдвинулись люди, на которых вполне можно было положиться как на преданных и растущих деятелей Советской власти. Но одновременно приходилось считаться и с племенными вождями, которые среди значительной части локайцев еще пользовались авторитетом старших рода.

В результате такого подхода к решению сложной национальной проблемы к концу ноября 1923 года на территории Локая появились новые органы Советской власти.

Был создан новый Султанабадский кент (волость) с центром в Султанабаде. Председателем Султанабадского ревкома, объединявшего племена исан-ходжа и бадракли, был избран Абду-Рашид-бий, а его заместителем — Абдул-Каим-бий, вождь племени бадракли. Утверждая этих людей в должности, ЦК Коммунистической партии Бухары и бухарское правительство тем самым подчеркивали демократический характер органов Советской власти. Это помогло дехканам племен исан-ходжа и бадракли на деле убедиться в двурушничестве Абду-Рашид-бия и лишить его доверия и власти. Именно это и произошло впоследствии, когда в Локае была проведена земельная реформа.

Догана-киикский кент после отхода племени бадракли к Султанабадскому кенту объединял таджиков Газималекского, Шурьянского и Карши-Тагского районов, а также племя дурмен. Председателем ревкома остался Мирза-Махмуд.

В результате нового административного деления в декабре 1923 года оформился туменный ревком, состоявший из представителей местного населения. Председателем ревкома был Абдул-Азис, представитель племени бадракли, 1-м заместителем председателя—Карши-аксакал, представитель племени карлюк, 2-м заместителем — Юзбай-аксакал, представитель племени исанходжа, членами ревкома — Абдул-Рахман от яванских таджиков и представитель командования Красной Армии.

Новые органы власти провели земельную реформу, которая подрывала корни экономического могущества байско-феодальной верхушки локайцев. Бедняки локайцы впервые получили наделы земли, на которой могли трудиться для себя. Одновременно с этим была введена единая налоговая система обложения. Налог на середняцкие хозяйства был снижен наполовину, а бедняки, нуждавшиеся в помощи, вообще освобождались от налогов.

Ревкомы занимались подбором и выдвижением кадров, способных возглавить население кишлаков и аулов. В 1924 году в Локае открылись три школы, куда пошли учиться дети бедняков.

Органы Советской власти уделяли много внимания работе среди женщин. Специальный закон устанавливал возраст, по достижении которого девушка могла вступать в брак. Этот закон запрещал отдавать замуж 11—12-летних девочек и отменял калым. Специальные агитаторы разъясняли молодежи ее право выходить замуж и жениться свободно, по любви.

В 1924 году в Локае, как и на территории всей Бухары, задачи бухарской народной революции были в основном решены.

* * *

В конце 1923 года с массовым басмаческим движением в Локае было покончено. Против мелких шаек басмачей поднялось местное население. Отряды местной самообороны, организованные ревкомом, получили оружие. Население отказывалось давать басмачам продовольствие и фураж, не пускало в кишлаки.

Главарь локайской шайки Ильбаши с полусотней всадников попытался силой овладеть кишлаком Пакра-

бад. Двести джигитов племени бадракли, посланные ревкомом, наголову разбили басмачей и вынудили Ильбаши бежать из Локая. Это настолько устрасило остальные банды, что они не решались даже приближаться к населенным пунктам.

В конце декабря 1923 года в штабе 13-го стрелкового корпуса стало известно, что Ибрагим-бек и Хурамбек задумали уйти в Среднюю и Западную Бухару на соединение с бандой Абдукагара.

Чтобы не выпустить Ибрагим-бека, командир корпуса Павлов приказал мне вывести бригаду из Локая, занять рубеж Дейнау — Ширабад и запереть выход из Восточной Бухары.

Полки бригады были стянуты в Яван. На смену нам пришли 64-й и 65-й кавалерийские полки 11-й кавалерийской дивизии.

После митинга, на который съехались жители со всех окрестных кишлаков, бригада выступила из Явана. В авангарде шел 2-й кавалерийский дважды Краснознаменный Гиссарский полк. Бригада походной колонной двигалась по дороге к Янги-Базарской переправе. Почти год назад этой же дорогой бригада шла в Яван. Но сколько перемен произошло за это время! В апреле 1923 года, когда мы вступили в пределы Локая, нас встречали опустевшие, будто вымершие кишлаки. Жители прятались в горах. Почти все население, за исключением дряхлых стариков, женщин и малолетних детей, было вовлечено в ряды басмачей. Снежные вершины гор, бурные реки, узкие глубокие ущелья казались неприступными. Помню тяжелое ощущение затерянности, охватившее меня, когда мы вступили в незнакомую, враждебно настроенную долину Локая — это грозное гнездо Ибрагим-бека.

За короткое время мы привыкли к суровой величественной природе Локая, полюбили его людей, за свободу и счастье которых было отдано так много красноармейских жизней, и теперь с грустью покидали этот край. Жители кишлаков выходили на дорогу, чтобы проститься с бригадой. Резкие звуки карнаев прорезали воздух, эхом отдавались в горах, извещая население о нашем уходе. В проводах бригады принимали участие все, от мала до велика. Провожали нас даже женщины. Кутаясь в паранджу, они выбегали из дворов и при

одобрительном молчании мужчин совали в руки красноармейцев скромное угощение. Лица их еще были закрыты чадрой, но сам факт, что женщины не побоялись покинуть женскую половину дома и выйти на дорогу к войскам, говорил о том, что многое здесь изменилось за истекший год.

По обочинам дороги скакали локайские всадники, провожавшие нас до самой переправы. Вместе с нами ехали ревкомовцы Абдул-Азис, Карши-аксакал, Мирза-Набиев — наши верные боевые товарищи и преданные друзья. Когда последний красноармеец перешел Кафирниган, на локайском берегу все еще стояли толпы людей.

В начале 1924 года я уехал в Москву на Высшие Академические курсы Красной Армии и на год расстался со Средней Азией.

В ПУСТЫНЯХ ХОРЕЗМА

НЕМНОГО ИСТОРИИ

В июне 1924 года, по окончании Академических курсов, я вернулся в Ташкент и привез с собой приказ Народного комиссара по военным и морским делам М. В. Фрунзе о назначении меня командиром 7-й (бывшей 1-й) отдельной Туркестанской кавалерийской бригады, стоявшей в это время в Ширабаде. Командующим Туркестанским фронтом в это время был М. К. Левандовский.

Михаил Карлович Левандовский родился в 1890 году в Терской области, в семье фельдшера. Окончив реальное, а затем военное училище, он служил офицером царской армии и участвовал в первой мировой войне. После Октябрьской революции Левандовский вступил в Коммунистическую партию и, вернувшись на родину, пошел добровольно в Красную гвардию. Вскоре он был

назначен командующим войсками, а затем военным комиссаром Терской республики.

В начале октября 1918 года войска Северного Кавказа, сведенные в 11-ю армию, разбили части генерала Деникина под Армавиром и Ставрополем. Но эти победы достались дорогой ценой, армия понесла большие потери в личном составе и осталась без боеприпасов. А с потерей железной дороги Тихорецкая — Царицын армия к тому же оказалась отрезанной от главных сил Южного фронта. Вскоре начались осенние дожди, и в армии вспыхнула эпидемия тифа. В этот тяжелый момент было раскрыто предательство командующего армией Сорокина.

Против 11-й армии Деникин бросил свои лучшие части под командованием генералов Врангеля, Шкуро, Покровского и Слащова. Советские войска вынуждены были отступать. Заболевшего тифом командующего армией И. Ф. Федько сменил Левандовский, который сумел вывести армию из-под удара врага и привел ее к Кизляру. Здесь кончалась железная дорога, и дальше пришлось отходить походным порядком. Основная группировка армии во главе с М. К. Левандовским пошла на Астрахань, другая группа под командованием Г. К. Орджоникидзе — на Владикавказ.

Труден был путь зимой через астраханские степи. Но Левандовский привел к Астрахани 45 000 бойцов, сохранив около 300 пулеметов и 100 орудий.

Из остатков 11-й армии в мае 1920 года была сформирована 33-я стрелковая Кубанская дивизия. Начальником этой дивизии назначили М. К. Левандовского. 33-я Кубанская дивизия прошла путь от Астрахани до Ростова, громя белоказаков под Чертковом, Кантемировкой, Павловском, форсировала реки Дон и Северный Донец, взяла Луганск и подошла к Ростову. В районе Генеральского моста кубанцы М. К. Левандовского вместе с 6-й кавалерийской дивизией С. К. Тимошенко разгромили конные корпуса Мамонтова и Топоркова, в уличных боях овладели Ростовом и завершили разгром армии Деникина.

В июле 1920 года Левандовский был назначен командующим 9-й Кубанской армией. Десант Улагая, выброшенный Брангелем с Крымского полуострова, устремился в глубь Кубани. Левандовский сумел быстро

перебросить части Кубанской армии и наголову разбил десант Улагая.

После назначения М. В. Фрунзе командующим Южным фронтом, действовавшим против Врангеля, Левандовский вступил в командование Таганрогской группой войск Кавказского фронта, которая оперативно подчинялась Фрунзе. Войска Левандовского остановили Донской корпус генерала Абрамова и этим помогли взять Крым.

В начале 1924 года Левандовский был назначен командующим Туркестанским фронтом.

И когда, приехав в Ташкент, я представился ему, он прочитал мое предписание и, отложив его в сторону, спросил:

— Вы хорошо знаете Хорезм?

— Я вырос в Ашхабаде и хорошо знал Хивинское ханство. Но за последние годы о положении в Хорезмском оазисе знаю только по рассказам товарищей и оперативным сводкам, — ответил я.

— Загадочная страна. Загадочная и непонятная, — говорил Левандовский. — Внешне в Хорезме все как будто спокойно. Но каждый час ждешь вспышки...

Меня, естественно, больше всего интересовала Восточная Бухара, куда я должен был ехать согласно назначению Наркома. Но Левандовский не спешил говорить о ней. Неожиданно для меня он попросил рассказать о восстаниях, которые происходили в Хивинском ханстве в 1912 и 1916 годах.

— Я думаю, что ключ к пониманию сегодняшней обстановки в Хорезме — в его истории, — сказал он.

И это было действительно так.

После распада империи Тамерлана в Хорезмском оазисе, на границе песков Кара-Кум и Кызыл-Кум, образовалось Хивинское ханство, которое просуществовало под протекторатом России до 1917 года.

Господствующее положение в Хивинском ханстве занимали узбекские феодалы. Из 600 000 жителей, населявших ханство, 65 процентов составляли узбеки, 25 процентов — туркмены и 10 процентов — каракалпаки, казахи и прочие национальности.

Между узбекскими феодалами и племенными вождями туркмен шла ожесточенная борьба за власть, от

которой страдали трудящиеся массы туркмен и узбеков.

Туркменские племена жили в пустыне. В условиях постоянной борьбы за колодцы и пастбища они привыкли все спорные межплеменные вопросы решать силой оружия. Туркмены с детства привыкали к коню и учились владеть оружием. Несмотря на свою малочисленность, они представляли грозную силу, с которой узбекские феодалы не могли бы справиться, если бы не вражда между главными племенами туркмен — иомудами и теке, совершавшими набеги друг на друга, грабившими и разорявшими аулы.

Третье значительное туркменское племя — шейх — не принимало участия в междоусобицах. Это было племя просветителей, ученых, мудрецов, пользовавшееся среди населения почетом и уважением. В шейха нельзя было стрелять. Если во время столкновения между иомудами и теке среди них появлялся шейх, схватка прекращалась, и, пока шейх находился поблизости, никто не смел применять оружия.

Племя шейх было знаменито своими умельцами. До сих пор непревзойденной по своим качествам является туркменская парусная лодка, созданная руками шейхов.

Однако влияния шейхов было недостаточно, чтобы положить конец межплеменной вражде туркмен, так как в этой вражде были заинтересованы узбекские феодалы во главе с ханом.

В Средней Азии, и в Хорезме особенно, основу всей экономической жизни составляла вода. Дать или не дать туркменским племенам воду, решал хан. Туркмены жили по границам оазиса, вдали от головных арыков, и воды, которую давал им хан, не хватало. Поэтому возле распределительных щитков нередко происходили вооруженные столкновения, что также использовали ханы, чтобы не дать затихнуть межплеменной вражде.

Вода в руках узбекских феодалов являлась средством разобщения трудящихся масс узбеков и туркмен. В приграничных районах узбекские феодалы сознательно лишали воды туркмен, что приводило к нападениям туркмен на своих соседей узбеков. Вода, таким образом, была основой и туркмено-узбекских противоречий. И из этого ханы извлекали немалую выгоду. Чтобы держать в повиновении трудящиеся массы узбеков,

ханы ввели для туркмен воинскую повинность — нокерство (нечто вроде русского казачества). Нокеры вербовались из среды туркменских всадников и за свою службу получали от ханов земельные наделы и воду.

К 1912 году социальные и национальные противоречия в Хивинском ханстве чрезвычайно обострились. Вспыхнуло народное восстание под руководством Шамми-Келя — дехканина-бедняка из туркменского племени номудов.

С этого времени народное движение против ханской власти не прекращалось. В 1914 году повстанческие отряды овладели узбекским городом Газабад, а в марте 1915 года захватили административные центры Ильялинского, Порсинского и Куня-Ургенчского бекств, арестовали ханских хакимов и двинулись на Хиву.

В 1916 году к восставшим туркменам присоединились ремесленники узбеки, а затем дехкане Шах-Абадского, Ургенчского, Мангитского и Гурленского районов узбекской части Хорезма.

Среди восставших четко определились различные социальные группы, политические цели которых были прямо противоположны. Главные силы восстания составляли трудящиеся массы узбеков и туркмен. Руководил ими Шамми-Кель. Определенной программы и ясной цели борьбы у шамми-кельцев не было. Это было стихийное крестьянское движение, направленное в первую очередь против притеснений и насилий, чинимых ханской властью и царской военной и чиновничьей администрацией, а также против привилегированных туркменских и узбекских феодалов.

В этом восстании принял участие и Джунаид-хан — крупнейший представитель туркменской феодально-ишанской верхушки. Но у Джунаид-хана были особые цели. Он стремился прежде всего к тому, чтобы захватить в свои руки управление туркменской областью Хорезма, освободиться из-под власти хивинского хана и господствовавшей в стране узбекской феодальной верхушки и бесконтрольно эксплуатировать туркменских дехкан.

Не осталась в стороне и группа младохивинцев. Представители узбекской национальной буржуазии рассчитывали за спиной восставших добиться замены

ненавистного всем Исфендиара другим, более покладистым «владыкой». Программа младохивинцев была умеренно-либеральной. Главным их лозунгом было: «равенство по шариату», другими словами, равенство буржуазии с феодалами в политических правах. Группа младохивинцев была как бы родной сестрой партии младобухарцев, о которой говорилось в первой и второй частях этой книги.

У восставших трудящихся масс не было партии с четкой программой, и это привело к тому, что их использовали в своих целях и Джунаид-хан, и младохивинцы.

Царское правительство, напуганное размахом восстания, направило в Хиву крупный карательный отряд под командованием губернатора Сыр-Дарьинской области генерал-лейтенанта Галкина. Пользуясь огромным превосходством в силах, отряд Галкина выбил повстанцев из Хивы и, преследуя их, нанес им 16 марта жестокое поражение.

В Хиве был установлен режим кровавого террора.

Поражением шамми-кельцев и повстанцев узбеков в Шах-Абаде и Кошкопыри закончилось восстание туркмено-узбекских дехкан и городской бедноты.

Новый подъем революционного движения масс начался в 1917 году.

* * *

Февральская революция подняла народные массы на новое вооруженное восстание. Напуганная размахом народных выступлений, зажиточная верхушка Хорезма объединила свои усилия. Младохивинцы обратились к Исфендиару, умоляя его ради сохранения ханства поделить с ними власть. События в Петрограде и отречение Николая II от престола сделали хана более покладистым. Он согласился подписать манифест, провозглашавший конституционную монархию и создание меджлиса, который утверждал Совет назиров (министров).

В состав меджлиса вошли представители узбекской национальной буржуазии, высшей знати и духовенства. Ни одного представителя туркменских племен в меджлисе не оказалось.

Обманутые в своих ожиданиях, дехкане и ремесленники снова подняли восстание. Джунаид-хан, бежавший в 1916 году за границу, вернулся в Хиву, и вокруг него сгруппировались туркменские племенные вожди, оскорбленные тем, что их лишили права участвовать в меджлисе.

Царский генерал Ходжа Мирбадалов выехал в Ташауз и Тахту, чтобы успокоить феодальную верхушку. По настоянию Мирбадалова младохивинцы согласились включить в состав меджлиса туркменских мюхердаров. Кроме того, Мирбадалов заверил Джунаид-хана, что ему будет предоставлен высокий пост, и взамен потребовал, чтобы Джунаид-хан принял участие в подавлении народного восстания.

В это время двухтысячный отряд Шамми-Келя вел успешный бой под Газабадом с частями казачьих войск под командованием начальника хивинского гарнизона Зайцева. В ночь на 15 сентября Джунаид-хан предательски напал на отряд Шамми-Келя с тыла. Отряд был разбит, и началась беспощадная расправа с мирным населением, поддерживавшим Шамми-Келя.

14 ноября 1917 года в Ташкенте была провозглашена Советская власть, что оказало решающее влияние на развитие событий во всем Туркестане. Революционно настроенные русские солдаты заявили, что они не желают проливать народную кровь, защищая хана. Подкупленный ханом начальник Хивинского гарнизона Зайцев вывел из Хивы две пехотные роты, настроенные особенно революционно. Однако уже ничто не могло помочь. Не только пехотные, но и казачьи части отказывались повиноваться офицерам и требовали оставить Хиву. Первые большевистские ячейки, организованные в Хиве, объединили действия солдатских комитетов и революционно настроенных трудящихся города. Под их напором в начале января 1918 года Зайцев вынужден был заявить хану, что русские войска не будут больше помогать ему.

В этот же день русский гарнизон покинул Хиву. Большая часть солдат и казаков ушла в Ташкент, где собирались силы революции, а наиболее реакционные сотни, состоявшие из зажиточных казаков, вместе с

Зайцевым выступили в Чарджуй. Немногочисленные остатки Хивинского гарнизона (около 70 человек) ушли на правый берег Аму-Дарьи, в Турткуль. Турткульский Совет стал в дальнейшем руководящей силой трудящихся Хивинского ханства, боровшихся за установление Советской власти в Хорезме.

С уходом казаков Зайцева из Хивы хан и родовитая знать лишились поддержки. Не в силах противостоять революционному напору масс, узбекская национальная буржуазия обратилась к туркменским феодалам с просьбой взять на себя защиту интересов имущих классов.

В конце января 1918 года в столицу ханства Хиву вступил Джунаид-хан и потребовал, чтобы Исфендиар предоставил ему неограниченную власть. Узбекская феодальная знать вместе с ханом немедленно согласилась удовлетворить это требование Джунаид-хана.

Отряды Джунаид-хана заняли все города ханства. Начался разгром сил революции. Даже младохивинцы, эти покорные слуги хана, и те показались Джунаиду опасными, и он расправился с ними, заключив многих под стражу. Не желая ни с кем делить власть и используя национальную вражду между туркменами и узбеками, Джунаид-хан натравливал их друг на друга, грабя одновременно и тех и других.

Единственной силой, которую можно было противопоставить диктатуре Джунаида, были узбекские и туркменские трудящиеся. Вскоре по всему Хорезму вспыхнули восстания. Вожди многих туркменских племен, завидуя Джунаиду, примкнули к повстанцам Шамми-Келя. Это придало восстанию размах, но и ослабило его силу, так как вожди племен постоянно входили в сделки с хакимами диктатора и то покидали ряды восставших, то снова возвращались к ним.

Диктатуре Джунаид-хана удалось продержаться до 1920 года только потому, что он ловко играл на национальных чувствах народа, выдавая себя за противника колониальной политики. При этом он пытался внушать народу, что царизм и Советская власть — одно и то же. Одновременно Джунаид-хан поддерживал связи с русскими белогвардейцами и руководителем английской разведки на Ближнем Востоке Маллесоном.

Когда в апреле 1918 года VI Всетуркестанский съезд Советов объявил Туркестанский край Автономной Со-

ветской Социалистической Республикой, Джунаид-хан выступил совместно с белогвардейцами против молодой Советской республики. Вот что писал об этом казачий атаман Зайцев: «Я поддерживаю связь с Джунаид-ханом. Мы просили его оказать помощь асхабадцам, и он нашу просьбу удовлетворил. В асхабадских событиях участвовали и хивинские туркмены. Далее я предложил Джунаид-хану в условленное время действовать против Петро-Александровска¹ и в направлении на Чарджуй».

Объединенные силы внутренней контрреволюции и английских интервентов в Туркестане особую роль отводили Джунаиду в подготовке наступления на Ташкент. Дутов должен был наступать с Оренбургско-Актюбинского фронта, асхабадцы с отрядами интервентов и Азис-хана — с Закаспийского фронта, а эмир бухарский намеревался захватить участок Среднеазиатской дороги между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей. Одновременно ферганская басмаческая шайка Мадамин-бека и Иргаш-бека готовилась к походу через Ферганскую долину на столицу молодой Советской республики — Ташкент. «В то же время, — писал Зайцев, — Джунаид со своими туркменами, двигаясь по левому берегу Аму-Дарьи на Дарган-Ата, должен был подйти к Чарджую и захватить Чарджуйский мост через Аму-Дарью. Таким образом, две группы Туркестанской Красной Армии — Актюбинская и Асхабадская, теснимые с фронта, должны были оказаться отрезанными от центра».

В конце 1918 года для молодой Туркестанской республики обстановка сложилась крайне тяжелая. Врагам Советской власти удалось окружить республику со всех сторон и отрезать ее от России.

В этот трудный период отряды Шамми-Келя, настроенные оппозиционно к диктатуре Джунаида, родовые вожди Кош-Мамед-хан и Гулям-Али-хан и трудящиеся узбеки усилили свою активность. Внутри Хивинского ханства то и дело вспыхивали восстания и не прекращалась вооруженная борьба.

Народному движению в Хиве помогли действия Восточного фронта, во главе которого стоял М. В. Фрунзе. В начале 1919 года войска фронташибили оренбург-

¹ Ныне Турткуль.

скую пробку и соединились с частями Туркестанской Советской Социалистической Республики. В это же время перешли в решительное наступление против английских интервентов и белоказаков войска Закаспийского фронта.

Эти сокрушительные удары вынудили Джунаид-хана запросить мира. Выполняя указания Центрального Комитета партии и Советского правительства, торжественно провозгласившего право наций на самоопределение вплоть до отделения, М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев дали согласие на заключение мирного договора с Хивинским ханством.

Но лишь только было подписано мирное соглашение, как Джунаид-хан снова начал враждебные действия против Советского Туркестана. Совместно с эмиром бухарским и белогвардейским командованием Джунаид-хан готовил удар против Советского Туркестана, рассчитывая овладеть Ташкентом. Выполнение этого плана было отложено до зимы, когда реки покрываются льдом и становятся удобными для переправы.

Но силы Джунаид-хана были отвлечены внутрь Хивы повстанческим движением народных масс. После гибели Шамми-Келя, убитого в одном из боев с отрядами диктатора, во главе повстанцев стал Кош-Мамед. Повстанческое движение ширилось с каждым днем. Именно это и заставило Кош-Мамеда послать в Ташкент своих представителей с просьбой помочь свергнуть Джунаид-хана.

Большую помощь Джунаиду оказывали белоказачьи атаманы Феличева. Готовился начать военные действия против Туркестанской республики и эмир бухарский. Используя создавшуюся обстановку, Джунаид-хан бросил силы против восставших, рассчитывая сначала покончить с ними, а затем уже перейти в общее наступление на Советский Туркестан.

Командующий советской группой войск в Турткуле Н. А. Шайдаков прислал в Ташкент следующее донесение: «Иомуды, противники Джунаида, настаивают на скорейшем оказании им помощи. Восставшая против Джунаида часть иомудов была принуждена сложить оружие. Остальные племена готовы к восстанию, ждут нашего перехода границы как сигнала. Этого сигнала ждут весьма нетерпеливо. Дальнейшее промедление

очень нежелательно, так как истолковывается как нежелание оказать помощь и дает почву агитации мулл и ишанов, говорящих, что русские хотят лишь стравить хивинцев между собой...»

М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев, внимательно наблюдая за событиями в Хиве и Аму-Дарьинской области, считали, что трудящимся Хивы необходимо помочь освободиться от разбойничьих банд Джунаида и белоказаков. 22 декабря 1919 года командованию советских войск в Турткуле был отдан приказ: «Реввоенсовет Туркестанской республики, считая борьбу с казацко-иомудской авантюрой затянувшейся и предупреждая готовящееся нападение на наш берег, ставит войскам Аму-Дарьинской группы задачу скорейшей ликвидации феличевой авантюры и последних остатков белогвардейщины в Аму-Дарьинском отделе». По указанию Фрунзе Шайдаков был назначен уполномоченным Туркестанского Военно-революционного комитета.

20 февраля 1920 года диктатура Джунаида пала, а вместе с ней кончилась власть его лакея хана Сеид-Абдуллы, вступившего на хивинский престол после отречения хана Исфендиара.

Обманув бдительность трудящихся и воспользовавшись тем, что войска Туркестанского фронта были отвлечены борьбой против эмира бухарского, младохивинцы захватили власть в провозглашенной Хивинской Народной Советской Республике.

Борьба Коммунистической партии Хивы с младохивинцами закончилась провозглашением в 1923 году Хивинской Советской Социалистической Республики. Однако отголоски национализма еще долго давали себя знать в деятельности младохивинцев, пробравшихся с помощью русских троцкистов на руководящие посты в республике.

Так, командир Хорезмской бригады троцкист Дубянский, готовя с младохивинским военным назиром Шакировым заговор против Советской власти, не останавливался ни перед какими преступлениями. В сентябре 1920 года они обратились от имени советского командования и полпредства к Кош-Мамеду с предложением собрать 700 всадников из числа добровольцев и вместе с ними прибыть в Хиву якобы для отправки на Бухарский фронт.

Кош-Мамед выполнил это распоряжение. 20 сентября 1920 года он привел в Хиву отряд численностью в 600 всадников. Отряд был размещен в ханском пригородном саду Тазабаге, а самого Кош-Мамеда пригласили на секретное заседание правительства. Здесь один из заговорщиков выстрелом из нагана в спину убил Кош-Мамеда. Туркмены-добровольцы были разоружены, часть их расстреляли, а часть выслали за пределы Хивинской республики.

Затевая эту провокацию, заговорщики рассчитывали восстановить массы против Советской власти. И действительно, некоторое время колеблющиеся слои населения стали активно поддерживать басмачество и пополнять отряды Джунаид-хана.

Чтобы усилить напряженность, Шакиров потребовал, чтобы из Ташкента были присланы части Красной Армии для разоружения туркмен, которые якобы готовили восстание против Советской власти.

Но предатели просчитались. Туркбюро ЦК РКП(б) и Турккомиссия ВЦИК в Ташкенте, получив сигнал о кровавых событиях, направили в Хиву Чрезвычайную комиссию для расследования причин хивинских событий и привлечения к ответственности преступников, действовавших от имени Советской власти.

Проведенное комиссией расследование показало, что младохивинцы совершили это кровавое преступление с целью обострения национальной розни между узбеками и туркменами, чтобы, обвинив туркмен в измене, обезоружить и подавить их силами Красной Армии.

* * *

Такова, кратко, история революционной борьбы в Хорезме, о чем я считал необходимым рассказать Левандовскому, который, как всякий новый человек в Туркестане, еще не успел разобраться в чрезвычайно сложной обстановке того времени.

— Власть на местах в Хорезме полностью принадлежит Советам, — говорил Левандовский. — А между тем там по-прежнему много безземельных дехкан. Распределение воды вызывает столкновения, время от времени точно из-под земли появляются басмаческие

шайки. И это тогда, когда все племенные вожди клянутся в верности Советской власти.

— Думаю, что все дело в племенных вождях, — ответил я. — Здесь очень сильны феодально-родовые пережитки. Я в этом убедился в Локае. Правда, не побывав в Хорезме и не изучив обстановку на месте, трудно разобратся во всех тонкостях.

Левандовский взял в руки мое предписание и, снова прочитав его, сказал:

— Яков Аркадьевич, мы с вами люди военные. В Восточной Бухаре все спокойно... Я полагаю, что ваше место сейчас в Хорезме. Как вы смотрите на то, чтобы принять 8-ю бригаду?

Вопрос Левандовского был для меня неожиданным. Сколько труда пришлось мне затратить в Москве, чтобы вернуться в свою бригаду, и вот, когда я был уже почти у цели, все рушилось.

Пока я собирался с мыслями, Левандовский, видимо, понял, что у меня на душе, и сказал:

— Яков Аркадьевич, перемена вашего назначения — не мой каприз. Нам крайне важно и нужно иметь в Хорезме человека, хорошо знающего особенности местных условий.

— Но приказ Наркома... — пробовал было возразить я.

— Это мы уладим. Нарком нас поймет и поддержит. Значит, решено?

Мне не оставалось ничего другого, как согласиться с командующим.

Когда я вышел из штаба, солнце садилось. Лучи его пробивались сквозь густые кроны карагачей. Дворники поливали улицы из арыков. Вода веером падала на тротуары, прибивая пыль. Я шел к гостинице, где меня ожидала жена, приехавшая из Самарканда. Она еще ничего не знала о моем новом назначении, как не знали о нем и мои товарищи, которым я сообщил, что возвращаюсь в свою бригаду. Сколько таких внезапных перемен уже бывало в моей жизни! Может быть, потому я и полюбил военную службу, требующую постоянной собранности и готовности следовать туда, где ты больше всего нужен, службу беспокойную, но неизменно интересную, не позволяющую обрасти жирком.

ХОРЕЗМСКИЙ ОАЗИС

В Хиву я отправился на самолете. Мы летели на северо-восток, навстречу солнцу, и далеко внизу скользила по песчаным барханам крылатая тень. Накаленные солнцем пески излучали зной. Самолет то взмывал кверху, то стремительно падал, как бы повторяя линии полета рельеф местности. Глаза уставали смотреть на однообразные, застывшие волны песка. Но вот впереди обозначилась темная полоса. Вскоре под крылом самолета заблестела вода, замелькали квадраты полей, разделенные арыками, зазеленели сады, окружавшие кибитки. Мы пересекли границу оазиса.

Хорезмский оазис начинается в низовьях Аму-Дарьи и тянется вдоль левого берега реки неширокой полосой, от 10 до 60 километров. Местами пески пустынь вплотную подходят к кишлакам, вклиниваясь в зеленую полосу оазиса гигантскими языками и грозя разорвать ее на части. Людям, населяющим оазис, стоило огромных усилий отстаивать свои земли от постоянного наступления песков. Аму-Дарья была капризным, но верным союзником человека в этой борьбе. Часто меняя русло, отклоняясь то влево, то вправо, широко разливаясь во время паводков, река покрывала слой песка плодороднейшим лёссом. Воды Аму-Дарьи, наполняя искусственные каналы, текли в глубь песков, неся в поля и сады живительную влагу.

Волнистая равнина Хорезмского оазиса лишь местами прерывалась невысокими отрогами гор Кушкана-Тау и Кобе-Тау. Вся равнина имела незначительный уклон к северо-западу, где к ней прилегалo плоскогорье Усть-Урт, спускающееся к равнине крутыми обрывами высотой до 180 метров.

Не отрываясь смотрел я из окна кабины, перебирая в памяти все, что знал о бывшем Хивинском ханстве.

В полдень самолет приземлился в Хиве. Меня встретили комиссар бригады Н. В. Серденко, начальник особого отдела В. Н. Четвертаков, работники штаба и представители правительства Хорезмской республики.

Когда выходил из самолета, на меня пахнуло сухим, палящим зноем, будто где-то очень близко топилась гигантская печь.

С аэродрома мы поехали в штаб бригады, находившийся в бывшем ханском дворце Нурлабай. Искусственные водоемы, огромные деревья умеряли зной. Из глубины сада тянуло влажной прохладой.

В штабе мне предложили искупаться и отдохнуть в отведенных для меня комнатах. Распоряжался всем Серденко. Он держался самоуверенно, на всех начальственно покрикивал, а со мною разговаривал каким-то фамильярно-доверительным тоном. Я насторожился. Мне не понравилось сонное благодушие, царившее в штабе. Часовые прятались в тени деревьев, лениво поглядывая на проходящих, в отделах покрашенные машинистки кокетничали со штабными командирами.

Отказавшись от отдыха, я потребовал, чтобы мне доложили положение дел. По недоуменным взглядам, которыми обменялись командиры, я понял, что мое требование показалось им по меньшей мере странным.

— Какие у нас, комбриг, дела? Все тихо, мирно, — сказал Серденко. — Джунаид за границей чаек попивает, а местных басмачей силой против нас не подымай.

Меня покорило от этих слов комиссара и его манеры разговаривать. Я еще не знал тогда, что в бригаде к Серденко пристало прозвище Наполеон, данное ему за самоуверенность и зазнайство. Невольно вспомнился мой друг и боевой товарищ Ратников, с которым было так легко работать. Я с трудом сдержался, чтобы не ответить комиссару резкостью.

— Боюсь, что вы себя убаюкиваете, товарищ комиссар. Благо, к этому располагает и климат Хорезма — знойный и сонный. Может быть, вы все-таки расскажете о политических настроениях населения, о наиболее угрожаемых районах? — спросил я.

— Вам обязательно подавай угрожаемые районы, — ответил Серденко и снисходительно улыбнулся. — Нет их у нас. Мы бывших басмачей вот где держим. — Серденко показал кулак. — Понимаю, обидно боевому командиру, когда все мирно, но уж тут ничего не поделаешь. Все так сложилось, что до вашего приезда со всеми делами управились.

Я понял, что, пока не буду располагать фактами, спорить с Серденко нет смысла.

Доклад начальника штаба А. В. Хилинского был такой же бесцветный. Из него я узнал только, что гарнизон Хивы состоит из 1-го батальона 1-го Туркестанского стрелкового полка, Хорезмского отдельного эскадрона, конно-горной батареи и двух эскадронов — связи и саперного. Начальник штаба сообщил, что 83-й кавалерийский полк находится в Ташаузе, 82-й — в Мерве, а 84-й — в Самарканде в оперативном подчинении 4-й Туркестанской стрелковой дивизии. Никакой оперативно-разведывательной работы штаб бригады не вел.

Выслушав доклады, я вышел в сад. Вместе со мной вышел и начальник особого отдела Четвертаков.

— Зайдемте ко мне, товарищ Мелькумов, — предложил он.

Мы прошли по тенистой аллее, обогнули хауз и подошли к крыльцу небольшого флигеля. У крыльца стоял часовой, который проводил нас внимательным взглядом. В комнате, куда мы зашли, стоял сбитый из досок стол, полевой телефон и обитый железом сундук. Очевидно, здесь были и кабинет, и спальня, и столовая Четвертакова, так как в углу я увидел разобранный топчан и аккуратно свернутую постель, а на окне накрытые бумагой тарелки, чайник и бутылку с водкой. Четвертаков, следивший за моим взглядом, улыбнулся:

— Малярия забивает, — сказал он, точно оправдываясь.

— Я это сам понял. Вряд ли пьяница стал бы так открыто держать водку, — ответил я.

Четвертаков мне сразу понравился. В его сдержанной манере говорить, в прищуре серых, пытливых глаз угадывалось умение разбираться в людях и постоянная настороженность. В отличие от Серденко настроен он был далеко не благодушно. Он открыл сундук, предварительно повозившись с огромным висячим замком, и достал зеленую папку.

— Познакомьтесь... — предложил он.

Это был список племенных вождей. Против почти каждой фамилии стояло: председатель ревкома. Так, Нияз-Бакши был председателем ревкома в Ак-Тепе, Якши-Кельды — в Куня-Ургенче, а Гулям-Али-хан — в кишлаке Мая-Батан. Каждому из вождей давалась довольно подробная характеристика, из которой было ясно, что настроения у вождей далеко не советские. Сло-

вом, почти все они были явными или тайными басмачами.

— Вы делились с комиссаром своими соображениями? — спросил я.

— Много раз. Но он мне отвечал так же, как и вам: раз все спокойно и нет открытых выступлений против Советской власти, значит, нечего волноваться. Да что говорить: я докладывал не только Серденко. Дело в том, что в Ташкенте, уже не говоря о местных властях, не вникают в ход событий. Распоряжения или решения правительства, направленные на укрепление Советской власти, не встречают со стороны вождей возражения. Но в кишлаках и аулах все остается по-старому, как было до революции: дехкане не имеют земли, распределение воды остается в руках родовых старшин.

— Но ведь по материалам, которые вы собрали, Якши-Кельды — явный басмач, — сказал я.

— Вы, кажется, знаете историю Хорезма, — ответил Четвертаков. — Многие племенные вожди участвовали в восстаниях против хана. Но никого не интересует, что их приводило в ряды восставших, какие цели они преследовали. Якши-Кельды, Гулям-Али-хан и Нияз-Бакши не поддержали Джунаида во время прошлогоднего восстания. А почему? Да просто потому, что они давно враждовали с Джунаидом. Но об этом забыли и относились к ним чуть ли не как к героям и доверили им власть. Тяжело признаться, но вы меня поймете, я не верю ни председателю Совета назиров республики Турсуну Ходжаеву, ни партийному руководству Хансуарова. Они, по-моему, за то, чтобы оставить власть в руках племенных вождей и через них держать в повиновении трудящихся туркмен. Вместо того чтобы способствовать разрешению национальных противоречий, они пытаются при помощи сделки с вождями заглушить эти противоречия. Такое положение идет вразрез с национальной политикой партии... Вот и выходит: внешне как будто все спокойно, а на самом деле все накалено...

Еще не зная всех подробностей политической обстановки в Хорезме, я видел, что Четвертаков прав. Понятным мне стало и беспокойство командующего Левандовского, до которого, очевидно, доходили в пересказе

доклады Четвертакова. Надо было немедленно действовать.

— Что вы думаете делать? — спросил Четвертаков.

— Поеду по гарнизонам, посмотрю, что происходит на местах, — ответил я.

* * *

Но выехать в тот день в гарнизоны мне не удалось. В штабе меня уже ждал порученец председателя Совета назиров, который передал мне приглашение Турсуна Ходжаева на плов. Отказываться было неудобно. К тому же мне самому захотелось познакомиться с членами правительства.

На обеде у Ходжаева я сразу почувствовал, что ко мне относятся настороженно. За внешним радушием и гостеприимством Ходжаева скрывалось желание показать мне, что хозяин положения в Хиве — он и что мне придется с этим считаться.

— Какое впечатление произвела на вас Хива? — спросил Ходжаев.

Я ответил, что ничего еще не видел, а то, что узнал из докладов своих подчиненных, мне не понравилось.

— Что же вам не понравилось? — допытывался Хансуаров, также присутствовавший на обеде. — Хорезм — первый после Туркестана провозгласил себя социалистической республикой. После прошлогоднего восстания Джунаида в оазисе не произошло ни одного крупного контрреволюционного выступления.

— Провозглашение Хорезма социалистической республикой, конечно, факт значительный, — ответил я. — Однако меня интересует не только форма, но и содержание. Насколько я могу судить, в этой области не только не начаты социалистические преобразования, но и не решены даже проблемы народной республики. Положение с водой и землей — дореволюционное.

— Туркменские племена издавна славятся разбоями. И если их не держать в руках с помощью воды, они всю республику разграбят, — сказал Турсун Ходжаев.

Такого открытого проявления национализма со стороны председателя Совета назиров я не ожидал. Объяснить это можно было лишь тем, что Ходжаев чувст-

вовал свою полную безнаказанность и имел какую-то сильную поддержку в центре.

Присутствовавший на обеде комиссар бригады Серденко засмеялся и, похлопывая меня по плечу, сказал:

— Прислушайся, комбриг, Ходжаев дело говорит.

Серденко не был предателем или двурушником. В этом я впоследствии убедился. Но, как все ограниченные люди, обладающие большим самомнением, он многое упрощал и, не умея проникнуть в глубь сложных явлений, действовал прямолинейно, подчас вредя нашему делу.

Тут же у Ходжаева меня пригласил на обед Хансуаров. Это означало, что я тоже должен устраивать ответные обеды. Нетрудно было догадаться, что целью всех этих взаимных угощений было задержать меня подольше в Хиве. Поразмыслив, я решил в данном случае пренебречь правилами восточного этикета и выехал в Ташауз, известив запиской Хансуарова, что обстоятельства службы не позволяют мне остаться в Хиве и посетить его дом.

Провожая меня и секретаря партийной комиссии П. В. Шарыбина за городские ворота, Четвертаков говорил:

— В восемьдесят третьем полку есть хороший помощник начальника штаба. Он участник гражданской войны. Командир молодой, но опыт у него богатый. Вот кто пригодился бы нам...

— Ты о Севрюгове? — спросил Шарыбин.

— О нем... Он здесь недавно, но, по-моему, уже много знает...

В Хорезме я был впервые и поэтому поехал в Ташауз верхом, чтобы видеть места, в которых, возможно, предстоит действовать. До Ташауза было всего восемьдесят километров довольно хорошей дороги. Вправо и влево на большом расстоянии друг от друга виднелись одинокие курганчи (крепости). Массивные деревянные ворота и глинобитные стены были с бойницами, через которые, находясь в укрытии, можно было отбивать нападение, не подвергая себя опасности.

В туркменских районах Хорезма жилища, как правило, находились далеко друг от друга. Даже самые бедные дехкане старались превратить свой дом в крепость — так беспокойна и опасна была жизнь туркмена.

Его семья, его хозяйство всегда были под угрозой нападения со стороны враждебного рода и племени.

Мы ехали быстро, только в полдень остановившись на привал, чтобы накормить лошадей и дать им передохнуть. Шарыбин, бывший комиссар 83-го кавалерийского полка, рассказывал мне о командирах этого полка. Командовал полком Петр Иванович Ежов, человек очень храбрый и хороший знаток военного дела. За годы гражданской войны он прошел путь от командира эскадрона до командира бригады 11-й кавалерийской дивизии.

Комиссаром в полку был литовец Виктор Андреевич Гришкялис, вдумчивый, спокойный человек. Вместе с ним в Ташаузе находилась его жена, член партии с 1915 года, принимавшая активное участие в политической и хозяйственной жизни области. Эта замечательная женщина делила с мужем нелегкую и полную опасностей походную жизнь и этим завоевала любовь и уважение командиров и бойцов.

Шарыбин хорошо знал всех командиров и политработников полка и тепло отзывался о многих из них. Исключение составил уполномоченный особого отдела Петрищев, которого Шарыбин охарактеризовал как бюрократа, склочника и неумного человека.

Довольно подробно рассказал мне Шарыбин и о партийном и хозяйственном аппарате Ташаузской области.

Секретарем окружного комитета партии был Анна-Кули Артыков. Это был честный и преданный своему народу член партии. Но работать ему было трудно, так как он не имел опыта партийной работы, а к тому же был малограмотным и нуждался в помощи. Но этой помощи ему ждать было не от кого, ибо заместителем у него был приехавший из Москвы троцкист Краскин, уже в то время открыто выступавший против национальной политики партии.

Еще хуже обстояло дело в Ташаузском ревкоме. Председатель ревкома Ходжа-Мухамедов был дальним родственником вождя туркменского рода ушак Ахмедбека и к тому же находился под сильным влиянием своего заместителя Лезинова, также, как и Красиков, отъявленного троцкиста. Вторым заместителем Ходжа-Мухамедова был Качкаров, трус и подхалим. Этой группке

предателей противостояли политработники 83-го кавалерийского полка и жена комиссара Гришкялис.

Шарыбин точно охарактеризовал людей, с которыми мне предстояло встретиться, и я убедился в этом очень скоро.

Мы подъехали к магистральному арыку Шах-Абад, за которым виднелись крепостные стены Ташауза. Вправо от дороги строились полковые казармы. Рабочие-узбеки, стоя цепочкой, перебрасывали друг другу саманный кирпич-сырец. Заглядевшись на нас, один из рабочих уронил кирпич, и трудовой ритм нарушился. Внезапно откуда-то появился человек в белой туркменской папахе и дорогом халате и начал хлестать уронившего кирпич камчой и ругать его по-туркменски.

— Качкаров, ты что делаешь? — закричал Шарыбин.

Качкаров засунул камчу за пояс и, подобострастно улыбаясь, подошел к нам. Я сделал вид, что не заметил его протянутой руки, и, дав шпоры коню, переехал мост. Все во мне кипело. Я не мог поверить, что этот негодяй занимает пост заместителя председателя окружного ревкома. Через несколько месяцев Качкаров убежал в пески, открыто перейдя к басмачам.

Ташауз стоял у границы песков. За арыком на нас пахнуло горячим воздухом пустыни. Она лежала совсем рядом, мертвая и огромная. К горизонту уходили желтые барханы.

Я не сообщил командованию, что выехал в полк, хотя между Хивой и Ташаузом была телефонная связь. Однако о моем прибытии все же узнали, и у ворот крепости меня встретили Ежов, Гришкялис и Петрищев.

Петрищев подъехал ко мне и, оттирая моего коня в сторону, начал вполголоса рассказывать мне, как ведут себя жены командиров, какие и с кем изменяют мужьям, кто из командиров и когда был замечен пьяным и т. д.

— А о Качкарове что вы можете сказать? О Ходжа-Мухамедове? Об их связях? — прервал я его.

Петрищев опешил.

— А что о них говорить? Ходжа-Мухамедов — коммунист, председатель окружного ревкома, а Качкаров его заместитель...

Говорить с Петрищевым больше было не о чем. Слезая с коня и передавая повод своему ординарцу, я думал о том, что не такой нужен здесь уполномоченный особого отдела.

У входа в штаб нас встретил молодой командир с четырьмя кубиками на синих петлицах.

— Помощник начальника штаба полка Севрюгов... — представился он.

Я внимательно разглядывал коренастую подтянутую фигуру молодого командира, о котором рассказывал мне Четвертаков. Севрюгов был невысокого роста, но, видимо, очень сильный физически. Характерная, немного неуклюжая походка выдавала природного кавалериста. Встретив ответный взгляд его умных и по-мальчишески живых глаз, я сказал:

— Вот вы какой, товарищ Севрюгов...

Мое замечание, очевидно, удивило его и обеспокоило. Он вопросительно взглянул на командира полка Ежова, как бы спрашивая: «Откуда он меня знает? Не вы ли обо мне рассказали?» Я не торопился рассеять его недоумение и нарочито строго приказал явиться ко мне вечером.

Командир полка Ежов дал молодому командиру самую лучшую характеристику.

Севрюгов вполне подходил для дела, которое я задумал. В этом я убедился, когда он явился ко мне вечером. Прежде чем сказать ему, зачем я его вызвал, я решил проверить, хорошо ли знает он местные условия и правильно ли разбирается в происходящих событиях. С этой целью я попросил его рассказать об операциях 82-го кавалерийского полка во время январского восстания.

17 октября 1923 года IV Всехорезмский курултай провозгласил Хорезм Советской Социалистической Республикой. Но пришедшая к власти молодая Коммунистическая партия Хорезма не смогла закрыть доступ в свои ряды бывшим младохивинцам. Неопытность молодых партийных работников, малочисленность и политическая незрелость национального пролетариата, а также засоренность рядов партии националистами привели к грубым политическим ошибкам. Так, например, мелкие торговцы и бедные дехкане облагались налогами наравне с крупными коммерческими предприя-

тиями и богатыми землевладельцами. Обложение налогом всей без исключения земли, без учета состояния дехканских хозяйств, приводило бедняков к разорению. К тому же отдельные представители местных органов власти оскорбляли религиозные чувства населения, воспитанного на шариате и адате: запрещали женщинам узбечкам носить паранджу, запрещали населению справлять курбан-байрам и так далее.

В узбекской части Хорезма, в таких отдаленных от центра районах, как Хазарасп, Янги-Арык, Питняк, Ханки, где жили Мадраим-бай (бывший ханский аксакал, а затем член правительства ХНСР при младохивинцах), Джумбай-хан (крупный торговец скотом), Сапар-Косе (бывший ханский ишан), духовенству и крупным землевладельцам удалось поднять восстание.

Этим воспользовался Джунаид-хан. Остатки его разгромленных отрядов отсиживались в песках Кара-Кум. Мятежные узбекские баи прибыли в ставку Джунаида у колодца Палчыклы с предложением возглавить восстание. Джунаид-хан согласился и во главе нескольких сотен всадников вышел из песков. В начале 1924 года к восстанию примкнули банды узбекских баев Шакир-Бала и Садуллы-Бала. Банды Джунаид-хана к этому времени уже насчитывали несколько тысяч человек, и он решил идти на Хиву, рассчитывая, что к нему присоединятся трудящиеся туркмены и узбеки, обиженные несправедливым налогом. Но этого не случилось. Идеи Советской власти пустили глубокие корни. Дехкане и мелкие ремесленники хорошо помнили кровавую диктатуру Джунаида и больше не хотели верить ему свою судьбу.

Когда Джунаид-хан подошел к Хиве, силы его не только не возросли, а, наоборот, значительно уменьшились, так как многие бедняки, обманом и силой собранные в шайки, по дороге разбежались. Первыми стали уходить туркменские дехкане, которые увидели, что им не по пути с главарями мятежа, мечтавшими о возврате феодальных привилегий. В бандах остались в основном узбекские баи, что ставило Джунаид-хана в затруднительное положение. Чтобы привлечь на свою сторону туркмен, он решил использовать старые «узбекско-туркменские противоречия» и с этой целью пошел на провокацию, которая дорого стоила трудящимся

узбекам, вовлеченным баями в борьбу против Советской власти.

В двух километрах от Хивы, в доме Розмет-дивана, Джунаид-хан собрал совет старейшин. На этом совете он обвинил в измене узбекских главарей банд, не сумевших поднять восстание в Хиве. Некоторые из них были тут же убиты. Между узбеками и туркменами внутри банд началась резня. Однако эта резня, спровоцированная Джунаидом, не прибавила ему популярности среди туркменских племен. Воспитанное среди трудовых масс узбеков и туркмен годами революционной борьбы классовое самосознание оказалось сильнее искусственно разжигаемой национальной вражды.

6 января 1924 года по решению Среднеазиатского Бюро ЦК РКП(б) Реввоенсовет Туркестанского фронта направил в Хиву советские войска, чтобы прекратить резню и одновременно покончить с контрреволюционным восстанием узбекских и туркменских баев.

22 января один из старейших и заслуженных полков Красной Армии — 82-й кавалерийский Актюбинский полк (бывший 4-й полк 8-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригады) прибыл из Ферганы в Чарджуй и отсюда выступил на Хиву.

Полку пришлось совершить 600-километровый марш по размытой непрерывными дождями дороге, без обозов, когда по пути не было продовольственных баз. Но бойцы и командиры понимали, что их прихода ждут в Хиве, что ее героические защитники расходуют последние патроны и доедают последние запасы продовольствия. Полк шел, не останавливаясь на ночлег, делая лишь короткие привалы, чтобы покормить лошадей.

На четвертый день марша начались стычки с противником. Силы басмачей к этому времени распались на две группировки: узбекскую, базировавшуюся на оазис, и туркменские банды Джунаид-хана.

Узнав о приближении 82-го кавалерийского полка, Джунаид-хан 28 января стал отходить в пески Кара-Кум. Таким образом, одно лишь появление частей Красной Армии положило конец спровоцированной Джунаидом резне.

29 января головной отряд полка в районе Хазараспа натолкнулся на засаду басмачей, которой командовал «местный святой» Агаджан-ишан. «Святость» этого отъ-

явленного бандита не помогла: кавалерийской атакой банда была разгромлена.

2 февраля при подходе к Хазараспу разъезд полка увидел развевающеся над хлопкоочистительным заводом красное знамя. Со стороны завода слышалась сильная перестрелка. Командир разъезда отправил донесение командиру полка, и вскоре полк примчался к месту боя и обрушился на банду, осаждавшую завод.

После боя выяснилось, что на заводе оборонялся отряд турткульских рабочих-добровольцев, три дня выдерживавший непрерывные атаки басмачей. В этом бою был тяжело ранен командир полка Б. Я. Лавиновский, и в командование полком вступил И. И. Хорун.

За два дня бойцы 82-го кавалерийского полка освободили от басмачей Ханки, Янги-Арык, Питняк, а 6 февраля полк вступил в Хиву, восторженно встреченный гарнизоном и населением.

Одновременно с этим в Хорезме проводилась огромная политическая работа, целью которой было оторвать узбекских и туркменских дехкан от басмаческих главарей. Немедленно был отменен несправедливый налог и приняты меры к полной изоляции басмачества.

Видя, что население их больше не поддерживает, первыми сложили оружие узбекские басмачи. Чтобы избежать такой же участи, Джунаид-хан ушел в глубь Кара-Кумов.

Пройдя шестьдесят километров, полк 27 февраля встретил в районе колодцев Балыклы дозорные отряды Джунаид-хана, а к вечеру натолкнулся на главные оборонительные позиции басмачей, расположенные по песчаным барханам.

Джунаид бросил против правого фланга полка до 500 всадников во главе со своим сыном Ишик-ханом. Встреченные пулеметным огнем, басмачи повернули назад. Полк в пешем строю атаковал первую линию обороны и принудил басмачей отойти в заросли саксаула.

2-й и 3-й эскадроны, с трудом преодолевая сыпучие пески, наступали с фронта. В это время 1-й эскадрон Лухотина обошел позиции басмачей с фланга и обрушился на них в конной атаке. Но кони, увязая в песке, быстро устали, и бойцам пришлось спешиться и отражать контратаку пулеметным огнем. Исход боя решили бойцы 3-го эскадрона Швецова. Они подползли к

позициям противника и с криком «ура!» бросились в атаку. Басмачи не выдержали и побежали.

После восьмичасового боя колодцы Балыклы были взяты. Ночные сумерки и густой туман помогли басмачам оторваться от преследовавших их бойцов и уйти. Вечером 2 марта полк подошел к колодцу Чарышлы. Наступавшие бойцы определяли направление по вспышкам выстрелов. Басмачи и здесь не выдержали ночной атаки.

Преследуя остатки банд Джунаид-хана, полк вынудил его бежать за границу. 10 апреля 1924 года, совершив 46-дневный марш с непрерывными боями, пройдя по пескам грозной пустыни тысячу километров, полк прибыл в город Кизыл-Арват.

За героический поход в Кара-Кумы и разгром Джунаид-хана ЦИК Союза ССР наградил 82-й Актюбинский кавалерийский полк третьим почетным Революционным Красным Знаменем, а 26 бойцов, командиров и политработников этого полка были награждены орденом Красного Знамени.

Рассказ Севрюгова о январских событиях и разгроме Джунаида проливал свет на положение в Хорезме. Выслушав его, я пришел к выводу, что племенная верхушка, сохранив свое привилегированное положение, возглавила местные органы Советской власти только благодаря недалёковидности, а возможно, и прямому предательству отдельных руководящих работников в правительстве республики.

Мне нужны были факты, подтверждающие мои выводы, и я решил глубоко изучить положение в оазисе. Севрюгов был как раз тем человеком, которого, несмотря на его молодость, можно было привлечь к этому большому и сложному делу. В этом меня убедил его интерес к событиям, далеко выходящий за рамки обычной штабной службы. Когда я спросил его, откуда он так хорошо знает о прошлогоднем восстании и действиях 82-го Краснознаменного полка, Севрюгов смущенно ответил:

— Я, товарищ комбриг, собираю материал... Если хватит сил, попробую написать об этом книгу.

Мне понравился его ответ, и я спросил:

— А как вы смотрите на то, чтобы поехать по турк-

менским районам и подготовить подробный доклад о политических и экономических отношениях племен?

Северюгов, не задумываясь, принял мое предложение.

* * *

Подготавливая в Ташаузе поездку Северюгова, я столкнулся с таким довольно странным фактом. Оказывается, прежде чем послать своего работника в глубь области, местные органы власти должны были известить об этом соответствующего вождя. В противном случае тот не отвечал за жизнь посылаемого.

Нетрудно было догадаться, что, ставя такое условие, племенные вожди стремились избавиться от неудобных им лиц. Или же, заранее зная, кто и зачем собирается к ним приехать, они окружали этого человека своими людьми и под предлогом охраны его жизни следили за каждым его шагом и поступком, получая, таким образом, полную информацию о планах и намерениях правительства. Требование вождей я мог понять, но как могло правительство республики мириться с подобным положением? И после этого Серденко и Турсун Ходжаев смели утверждать, что обстановка в Хорезме не вызывает беспокойства?

Посоветовавшись с командованием полка и местными товарищами, я решил нарушить установленный вождями порядок. Чтобы оградить свой авторитет, племенные вожди нередко сами организовывали убийства советских людей, посланных в их районы без согласия этих вождей. Поэтому я оповестил вождей, что отныне мои люди будут ездить по кишлакам и аулам, когда и куда им нужно, ибо мне известно, что трудовые массы туркмен сочувственно относятся к представителям Красной Армии и что, если с моими людьми что-нибудь случится, ответственность за это будут нести вожди.

В середине августа 1924 года Северюгов в сопровождении проводника туркмена Кемине-Шиха выехал из Ташауза для выполнения моего задания. А через два дня я вернулся в Хиву.

На заседании Реввоенсовета Хорезмской группы войск я потребовал от политработников, чтобы они

начали серьезно изучать обстановку и в узбекских районах. Прямо мне никто не возражал, но я чувствовал, что в лице Турсуна Ходжаева и близких ему людей я приобрел серьезных врагов.

Чтобы намеченные мною мероприятия прошли успешно, мне необходим был хорошо сколоченный и оперативно действующий штаб. Начальник штаба бригады Хилинский не мог обеспечить этого, и пришлось с ним расстаться.

Я обратил внимание на молодого начальника оперативного отдела А. В. Васильева.

В 1919 году Васильев, находясь в 3-й Туркестанской кавалерийской дивизии, участвовал в прорыве оренбургской пробки, хорошо проявил себя в боях и был назначен начальником разведки в бригаде Ушакова. Его незаурядные способности штабного работника мы обнаружили во время боев с басмачами в Ферганской долине. Здесь он проявил себя как вдумчивый командир, умеющий после тщательного изучения обстановки делать глубокие, обобщенные выводы, помогающие принять правильное решение. Эта замечательная черта Васильева и побудила меня просить командующего фронтом Левандовского назначить Александра Васильевича Васильева начальником штаба бригады¹.

Реорганизовав штаб и включив Васильева в оперативную работу, я по опыту Локая предпринял ряд поездок для установления личного контакта с племенными вождями и изучения обстановки на местах. Как и везде на территории Средней Азии, мне помогало знание местных языков и обычаев населения Хорезма. Во время поездок я чаще всего останавливался в юртах бедняков. И не нужно было быть особо проницательным, чтобы видеть, что среди трудовых масс зреет недовольство существующим положением. Племенные вожди всячески старались оградить рядовых туркмен от влияния Советской власти, тормозили осуществление намеченных партией социалистических преобразований, которых так ждали дехкане. Вот почему мое общение с дехканами пришлось

¹ В настоящее время генерал-майор А. В. Васильев — кандидат военно-исторических наук, доцент, работает в Военно-научном управлении Генерального штаба Советской Армии.

не по вкусу племенной верхушке. Во время обедов, от которых не всегда удавалось уклониться, меня часто упрекали в том, что я пренебрегаю авторитетом старших племени и тем самым якобы наношу ущерб Советской власти. Я отшучивался, стараясь преждевременно не обострять отношений.

В конце августа в Хиву приехал Севрюгов. Результаты его поездки превзошли всякие ожидания. За две недели он собрал исключительно ценные данные. В руках у меня оказались факты, которые изобличали племенную верхушку. У всех вождей были хорошо вооруженные отряды, которые постоянно находились в боевой готовности. Эти отряды держали в страхе дехкан и по первому слову вождя чинили над ними суд и расправу, вопреки всем советским законам.

Севрюгов доложил, что настроение рядовых туркмен тревожное. Дехкане не могли понять, каким образом Советскую власть, за которую было пролито столько народной крови, возглавили на местах прежние правители. И я увидел, что недовольство родоплеменной верхушкой может вылиться в недовольство Советской властью, ибо на племенную верхушку туркмены смотрели как на представителей этой власти.

Удалось установить наиболее опасные очаги, в которых свили себе гнездо племенные вожди. В двенадцати километрах юго-западнее Ходжели находилась крепость Ак-Кала, в которой Якши-Кельды сосредоточил отряд в 150 всадников. Гулям-Али-хан имел резиденцию в кишлаке Мая-Батан, где находился отряд в 80 всадников. В Ак-Тепе засел со своими 70 джигитами Ниязбаши. Ахмед-бек с сотней всадников проживал в Ак-Сарае. Таким образом, под рукой у вождей постоянно находилось до 400—500 хорошо вооруженных всадников.

По моему настоянию Турсун Ходжаев запросил вождей, для чего они держат такую вооруженную силу. Поступил ответ: туркмены ведут себя беспокойно. Отряды нужны для того, чтобы поддерживать авторитет Советской власти. Ответ этот вполне устраивал Турсуна Ходжаева. Но у меня он вызывал серьезные опасения: вожди открыто заявляли, что они готовы силой подавить

законное недовольство дехкан. Назревала новая вспышка недовольства, которую провоцировали племенные вожди.

В середине сентября ко мне пришел начальник штаба Васильев и доложил, что в песках Кара-Кум появился Джунаид-хан. Появление его в это тревожное время лишь подтверждало мои опасения, и я приказал организовать за Джунаидом непрерывное наблюдение и каждый день докладывать мне.

Сразу же после появления Джунаида стали поступать сообщения о налетах басмачей на караваны торговых организаций и узбекские кишлаки. Проще всего было приписать эти налеты Джунаиду, тем более, что об этом говорили племенные вожди. Но агентурные данные свидетельствовали о том, что Джунаид-хан ведет себя пассивно. Тщательное же расследование каждого случая ограбления уводило далеко в сторону от колодцев Орта-Кую, где находилась ставка Джунаида.

Мне стало ясно, что басмаческие налеты — дело рук племенных вождей, пользующихся появлением Джунаид-хана, чтобы свалить на него вину.

Вскоре это подтвердилось. Штаб бригады получил сообщение, всколыхнувшее всю Хиву и вызвавшее возмущение всех слоев трудового населения: на озере Кара-Терен были убиты басмачами 22 комсомольца. Через агентурную сеть я получил неопровержимые доказательства, что убийство совершено бандой Дурды-Клыча с одобрения и под руководством Якши-Кельды.

Я доложил об этом Турсуну Ходжаеву, но он заявил, что Якши-Кельды — преданный Советской власти человек и что он не мог пойти на такое преступление. «Комсомольцев убили люди Джунаид-хана», — безапелляционно заявил Ходжаев.

События развивались столь стремительно, что каждый день можно было ожидать вооруженного столкновения. Чтобы не быть застигнутыми врасплох, я сообщил командующему фронтом Левандовскому о своих опасениях и просил разрешения приступить к разоружению наиболее реакционных вождей.

В ответ пришла шифровка, в которой Левандовский сообщал о своем скором прибытии в Хорезм.

ЛИКВИДАЦИЯ ТУРКМЕНСКИХ ФЕОДАЛЬНЫХ ВОЖДЕЙ

В Локае нам сравнительно легко удалось привлечь на свою сторону некоторых племенных вождей, дороживших интересами своего народа и потому боровшихся за Советскую власть. Такими вождями были Абдул-Азис, Карши-аксакал и Доны-аксакал. В Хорезме дело обстояло иначе.

Наиболее прогрессивно настроенные племенные вожди погибли во время народных восстаний и кровавой диктатуры Джунаид-хана. Оставшиеся в живых вели двурушническую политику, лишь бы сохранить в своих руках власть. Они готовы были сотрудничать с кем угодно, но при одном условии: за ними сохраняются все их богатства и сословные привилегии. С этим мне уже приходилось сталкиваться в Восточной Бухаре, где крупные курбаши нередко предлагали нам свое сотрудничество в обмен на признание их права эксплуатировать бедняков.

В Хорезме реакционным племенным вождям удалось пробраться к власти. Поэтому, разоблачая предательскую роль вождей с помощью агитационно-политической работы в массах, нужно было готовиться к их немедленному разоружению. Восстание, которое назревало среди трудового населения Хорезма, было очень опасно: во-первых, почти во всех аулах на руках у туркмен имелось много оружия; во-вторых, восстание, начатое против феодальных вождей, было бы одновременно восстанием против Советской власти, которую вожди представляли на местах.

Надо было как можно быстрее доказать дехканам, что феодальные вожди — враги Советской власти, что Советская власть стоит на стороне трудящихся, является их родной властью. Надо было возглавить дехкан и повести их на борьбу против феодальных вождей.

В сентябре мы и приступили к этой трудной работе. Правительство Хорезмской республики имело дело только с вождями. О народе не думало. Например, если выделялись средства для закупки хлопка, то эти средства поступали в распоряжение вождей. А те клали деньги себе в карман и забирали хлопок у дехкан. Так, вождь племени имрали Хаким-бек получил 150 тысяч

рублей серебром для закупки хлопка. По тому времени это были огромные деньги, на которые можно было обеспечить всем необходимым сотни дехканских хозяйств. Но Хаким-бек употребил их по своему усмотрению, построив огромную курганчу.

Меня, комиссара бригады Серденко и начальника особого отдела Четвертакова избрали в Хивинский обком партии. Так, оказавшись в центре политической и хозяйственной жизни республики, мы поставили вопрос об изменении существующего порядка контрактации хлопка, предложив заключать договоры с каждым дехканским хозяйством и расплачиваться с ними на месте. Одновременно мы предложили взыскать с Хаким-бека присвоенные им деньги. Нас поддержало большинство членов обкома, а те, кто были против, молчали, боясь разоблачить себя в глазах честных коммунистов.

Была также предпринята попытка оздоровить органы власти на местах. За открытую поддержку антисоветской деятельности феодальных вождей был снят с работы и исключен из партии председатель Ташаузского ревкома Чары Перлиев. Но в условиях засоренности правительственного аппарата республики младохивинцами такие мероприятия почти ничего не меняли: вместо Чары Перлиева председателем ревкома был назначен родственник Ахмед-бека (вождя племени ушак) Ходжа-Мухамедов.

Чтобы на конкретном примере показать дехканам, как надо бороться с феодальными вождями, политотдел бригады взял шефство над аулом Ходжа-Кумез.

Этот аул, в котором насчитывалось 90 дворов, населяли бедняки, выходцы из разных племен. Коммунисты бригады организовали здесь аульный Совет и партийную ячейку, объединив таким образом усилия всех жителей Ходжа-Кумеза для поднятия хозяйства. Красноармейцы бригады помогали своим подшефным во время полевых работ, очищали арыки, учили обращаться с плугом, который постепенно вытеснял кетмень. Аульный Совет ведал заключением договоров с Центросоюзом и следил за тем, чтобы каждый дехканин получал за свою продукцию все, что ему положено. Эти мероприятия быстро дали результаты. Только от продажи государству одного урожая жители аула по-

лучили столько денег, сколько не получали за несколько лет.

В ауле всегда находился кто-нибудь из политработников бригады, помогая членам Совета и партийной ячейке в практической работе.

Аул Ходжа-Кумез, расположенный на краю пустыни, в самом беспокойном Тахтинском районе, привлек внимание всей Ташаузской области. В аул со всех концов области приезжали дехкане и жили здесь по нескольку дней, наблюдая за работой Совета. Ходжа-кумезцы показывали всем, как нужно начинать борьбу с феодальными пережитками.

Вожди заволновались. У всех на глазах рушился вековой предрассудок: бедняки сами начинали управлять своей жизнью. Вскоре возле аула стали появляться банды Таганкура. На аул готовилось нападение. Можно было, конечно, оставить в ауле гарнизон. Но я считал, что дехкане могут своими силами обеспечить собственную безопасность. При помощи бригады в ауле был создан отряд самообороны. Бойцов отряда обучали опытные командиры, которые постоянно жили в ауле. Вокруг аула были отрыты окопы, и каждому подразделению отряда был отведен участок. Но оружия было мало.

Первый же ночной налет Таганкура окончился для басмачей весьма печально. Когда из Ташауза на помощь ходжа-кумезцам прибыл эскадрон, в ауле уже было спокойно, а возле помещения Совета лежали на земле связанные пленные басмачи.

Опыт Ходжа-Кумеза был первым ростком, указавшим путь, по которому следует идти, чтобы оздоровить обстановку в Хорезме. Но Турсун Ходжаев, возглавлявший правительство республики, ничего не признавал и по-прежнему ориентировался на феодальных вождей.

Когда один из активнейших помощников Джунаид-хана в период январских событий — Анна-Бала пришел к Ходжаеву с повинной, последний предоставил ему и его банде в 150 всадников земли в Имрали. Поселившись в пределах республики, Анна-Бала готовил по поручению феодальных вождей провокацию. Приехав в штаб бригады, он предложил организовать экспедицию в пески против Джунаид-хана.

Это был хитрый маневр, целью которого было увести воинские части из Хорезма и развязать вождям руки для расправы над дехканами, проявлявшими недовольство. Разумеется, мы отклонили предложение Анна-Бала. Тем более, что к концу 1924 года Джунаидхан жил в двухстах километрах от границ Хорезма и вел себя пассивно.

* * *

В сентябре 1924 года II сессия ЦИК СССР приняла историческое решение о преобразовании Узбекистана и Туркменистана в самостоятельные советские социалистические республики. Вековым «национальным противоречиям» между узбеками и туркменами был положен конец.

А 2 октября 1924 года 5-й Всехорезмский курултай принял постановление, в котором говорилось:

«Во исполнение выраженной всеобщей воли рабочих и дехканских масс узбеков, туркмен, киргизов, каракалпаков, населяющих Хорезмскую ССР, предоставить право выйти из состава Хорезмской ССР и войти: узбекам — в состав вновь образуемой Узбекской ССР, туркменам — в состав вновь образуемой Туркменской ССР и киргизам — каракалпакам — в состав вновь образуемой Кара-Калпакской автономной области. Считать Хорезмскую ССР с настоящего момента ликвидированной».

Хорезмская республика перестала существовать, и 22 ноября было принято новое административное деление: 1) Ходжейлинская область, населенная в большинстве каракалпаками, была передана вновь образованной Кара-Калпакской автономной области; 2) Туркменская область (включая районы Дарган-Ата, Ташауз, Садуар) вошла в состав Туркменской ССР; 3) Хивинская (ныне Хорезмская) область, населенная в большинстве узбеками, передавалась Узбекской ССР.

Ленинская национальная политика нанесла ошеломляющий удар контрреволюционным силам Хорезма. Феодалы лишились опоры, на которой держалась их власть. С ноября 1924 года все народы Средней Азии получили возможность строить свою жизнь, сообразуясь со своими национальными особенностями. На-

всегда было уничтожено господство одной нации над другой, а вместе с этим рушились основы феодально-родовых отношений туркмен.

Силу удара по контрреволюции, нанесенного партией, невозможно переоценить. Советская власть дала народам Средней Азии то, чего они добивались веками. Отныне роль вождя как защитника национальных интересов сводилась на нет. Джунаид-хан, рассчитывавший на обострение противоречий между узбеками и туркменами, понял, что ему не дождаться этого момента, и прислал на I курултай Туркменской ССР своего духовника Ахун-ишана, который смиренно просил разрешения на поселение Джунаид-хана в песках. От имени Джунаида Ахун-ишан заверил делегатов в том, что люди Джунаида будут жить мирно, не причиняя ущерба Советской власти.

Я не верил ни Джунаиду, ни феодальным вождям. И хотя растерянность, охватившая их, была временной, тем не менее она облегчала нам ликвидацию остатков их влияния на соплеменников.

Турсун Ходжаев, занимавший пост председателя Хивинского облисполкома, уже не мог вмешиваться в дела Туркменской ССР, но на территории своей области он продолжал всячески препятствовать советскому строительству. Так, например, он пытался убедить общественность, что за спиной у вождей стоят массы и что стоит лишь тронуть вождя, как тотчас вспыхнет восстание. Эта лживая версия, подхваченная и усиленно распространяемая единомышленниками Турсуна Ходжаева, сыграла свою роль. Даже секретарь Средазбюро ЦК ВКП(б) Зеленский и тот попался на эту удочку, запретив Левандовскому дать свое согласие на разоружение вождей.

Я вынужден был считаться с полученными распоряжениями и, ожидая приезда командующего фронтом, не трогал вождей. Однако я считал себя не вправе не замечать открытых басмаческих налетов и решил за каждый налет наносить басмачам ответный удар.

В десятых числах апреля 1925 года штабу 83-го кавалерийского полка стало известно, что в районе Питняка появилась сотня всадников племени ак-салах во главе с Овес-Кули. Вслед за этим в штаб стали посту-

пять сообщения об ограблении кишлаков и массовом угоне скота.

При дележе награбленной добычи между подчиненными Овес-Кули и Меред-Деу (один из ближайших приспешников вождя Гулям-Али-хана), который официально являлся начальником отряда добровольческой милиции, произошло вооруженное столкновение.

Всадники Овес-Кули заняли крепость Казанджик-Кала, в пятнадцати километрах юго-западнее Тахты. Меред-Деу не мог их выбить оттуда и, пользуясь своим положением начальника отряда, послал за помощью в Тахту, где стоял 2-й эскадрон.

29 апреля разъезд в 16 сабель во главе с командиром Малоглазовым спешил к стенам крепости и предпринял атаку. Но у атакующих не было ручных гранат, поэтому атака успеха не имела и разъезд отошел к арыку, чтобы дождаться подкрепления. Во время этой атаки был ранен помощник командира взвода Юрчук.

Вскоре прибыл второй разъезд под командованием помощника командира эскадрона Калошина. Не подозревая о двурушничестве Меред-Деу, Калошин при окружении крепости оставил ему самостоятельный участок против небольшой калитки в крепостной стене, а сам вернулся на ночь в Тахту.

Ночью мне позвонил командир 83-го кавалерийского полка Ежов и, доложив обстановку, сообщил, что решил идти с полковой школой к крепости Казанджик-Кала. Он и военный комиссар Гришкялис опасались, что на помощь Овес-Кули придет со своей бандой Гулям-Али-хан. Опасение это было вполне реальным, и я одобрил решение Ежова, пообещав ему, что прибуду в Тахту с саперным полуэскадром и двумя орудиями.

Между тем в крепости Казанджик-Кала произошло следующее. Гулям-Али-хан, боясь открыто выступить на помощь Овес-Кули, приказал Меред-Деу выпустить из крепости басмачей. Банда Овес-Кули вышла через калитку на участке Меред-Деу, а в крепость проникло несколько «милиционеров», которые должны были создавать впечатление, что басмачи по-прежнему находятся в крепости.

Когда прибывшая полковая школа и подразделение 2-го эскадрона ворвались на рассвете в крепость, они обнаружили там лишь кучу стреляных гильз. В это

время через калитку в крепость входили «милиционеры» Меред-Деу. Подрытая калитка, следы конских копыт, уводящие в пески, объяснили все. В результате проведенного расследования было установлено предательство Меред-Деу, и ближайший помощник Гулям-Али-хана был расстрелян.

Гулям-Али-хан категорически отрицал свою связь с басмачами, но бандитизм в Тахтинском районе усилился. Одновременно заметно активизировалась деятельность аульных Советов и возросла роль партийных ячеек, созданных по опыту нашего подшефного кишлака. Дехкане сами стали давать отпор басмаческим бандам. Таким образом, недовольство рядовых туркмен своими вождями удалось направить по верному пути. Опасность вовлечения в восстание широких масс дехкан была в значительной мере ликвидирована. Это облегчало борьбу с басмачеством и его вдохновителями — феодальными вождями.

10 мая 1925 года у колодца Палчыкклы, в 90 километрах юго-западнее Ильялы, был ограблен большой текинский караван. Налет на караван совершил брат Таганкура — Байрам-Юзбаши. Большая часть награбленного была отправлена в крепость Гуляма.

Получив донесение о нападении на караван, я решил совместно со штабом 83-го кавалерийского полка подготовить операцию против Таганкура.

Таганкур, правая рука Гулям-Али-хана, совершенно уверенный в своей безнаказанности, открыто жил в кишлаке Беш-Кыр, в сорока километрах юго-западнее Ташауза. Прячась за высокими стенами курганчи, банда Таганкура устраивала дикие оргии. На эти оргии, в которых активное участие принимал Таганкур, в крепость насильно привозили девушек из окрестных кишлаков.

Чтобы покончить с этим осиным гнездом, я разделил все имевшиеся в моем распоряжении силы на четыре колонны. В 22 часа 19 мая из Ильялы на Беш-Кыр выступили правая колонна — полковая школа и саперный эскадрон под командованием командира 83-го полка П. И. Ежова — и колонна «А» в составе 1-го эскадрона с двумя горными орудиями. Колонну «А» возглавлял М. С. Зорников. Около 24 часов обе колонны вышли к развалинам огромной старинной крепости Змукшир-

Кала и, разделившись, свернули направо, в пески. В час ночи 20 мая правая колонна заняла назначенное приказом исходное положение в километре западнее Беш-Кыр.

Одновременно из Ташауза выступила колонна «Б» в составе 3-го эскадрона В. И. Дьяконова и пулеметного эскадрона А. М. Каца. С этой колонной шел и я. Колонну вел молодой туркмен-проводник из племени окуз по имени Кака-Бахши, который великолепно знал местность и весьма искусно обходил населенные пункты.

В 23 часа из Тахты выступила левая колонна — 2-й эскадрон 83-го кавалерийского полка И. Г. Лапкина с горным артиллерийским взводом, — которая должна была замкнуть кольцо с юга. Колонну вел комиссар полка В. А. Гришкялис.

Прошел обильный дождь, и дороги размыло. Кони по щиколотку увязали в грязи. Особенно трудно приходилось артиллеристам. Но когда вышли из оазиса и вступили в пески, движение ускорилось.

Колонна «А» пересекла дорогу из Мая-Батан в Беш-Кыр и, не замеченная ни таганкуровскими, ни гулямовскими дозорами, пошла по пескам, перетаскивая на руках орудия через сухие арыки и заросли саксаула. К Беш-Кыру подходили с севера. Поднявшись на высокий бархан, колонна внезапно оказалась перед крайней кибиткой аула, из которой по колонне был открыт огонь. Хотя до назначенного времени атаки оставалось пятнадцать минут, медлить было нельзя, так как Таганкур все равно уже услышал стрельбу, да и момент внезапности был упущен. И Зорников, не задумываясь, повел эскадрон в конную атаку и ворвался в аул.

Колонна «Б» находилась в двух — трех километрах от кишлака и поспешила на выстрелы. Но левая колонна была еще далеко. Этим воспользовался Таганкур, в сопровождении десяти всадников проскользнувший между этими колоннами.

Если бы Гришкялису удалось подойти к своему исходному положению пятнадцатью минутами раньше, с Таганкуром было бы покончено. Но этого, к сожалению, не случилось, так как, разрабатывая план операции, в штабе не учли, что кишлак разбросан на большой территории.

Остаток ночи полк провел в кишлаке, выставив в сторону Мая-Батан (крепость Гулям-Али-хана) усиленную сторожевую заставу. Расстояние до крепости не превышало пяти километров, и нападения со стороны Гуляма можно было ожидать каждую минуту. И вдруг утром следующего дня ко мне приезжает от Гулям-Али-хана джигит, поздравляет с победой и приглашает в крепость на обед.

Это лишний раз свидетельствовало о бессилии Гулям-Али-хана поднять свое племя на восстание. Момент для его ареста я считал весьма благоприятным, однако находившийся у меня уполномоченный ЦК ВКП(б) Городецкий, явно преувеличивая авторитет Гулям-Али, запротестовал против его ареста. И мне пришлось отказать от своего намерения.

Я передал с джигитом Гулям-Али-хана предложение сдать переданную ему Таганкуром долю от ограбленного текинского каравана. Гулям-Али-хан прислал ответ, в котором писал, что он ничего не знает и никакой доли не получал. Тогда я направил к крепости полк, приказав поставить батарею на соседних барханах.

Когда вместе с командирами полевого штаба я подскочил к крепостным воротам, навстречу нам выбежал сам Гулям-Али-хан. Он был бледен и явно перепуган. Бормоча что-то, он показывал рукой на батарею. Я осведомился о причине его беспокойства и заявил, что прибыл по его приглашению на обед.

Во время обеда Гулям был по-прежнему встревожен. Городецкий просил меня не настаивать на выдаче награбленного имущества, но я твердо решил поставить на своем. Нужно было показать всему племени, что их вождь препятствует планомерному снабжению населения товарами, присвоив себе предназначенный для продажи через кооперацию чай.

Попросив всех посторонних покинуть юрту, я прямо заявил Гуляму:

— Чай, взятый Таганкуром, находится в крепости. Стыдно вождю, который поклялся верно служить Советской власти, пользоваться награбленным. Если вы не хотите с нами ссориться, то верните все, что передал вам Таганкур, а ему самому прикажите явиться сюда,— предложил я.

Гулям-Али позвал двух джигитов, и я слышал, как он по-туркменски приказал им ехать за Таганкуром.

— Чай я верну, — сказал он мне. — Но вы знаете закон — вождь не должен выдавать своих соплеменников.

— Но вождь должен следить, чтобы его подчиненные не занимались грабежом, — возразил я.

К концу обеда в крепость приехал Таганкур с десятком джигитов. Он вошел в юрту и, прижав руку к сердцу, стал жаловаться, что сильно болен, что болезнь разъедает его тело и что нужно много денег, чтобы лечиться.

— Ничего, мы вылечим тебя бесплатно, — сказал я и, повернувшись к Севрюгову, приказал:

— Арестовать его!..

В крепости, где находилось больше сотни джигитов, нас было всего несколько человек. Полк стоял за крепостными воротами и не мог бы помешать расправиться с нами людям Гуляма. Городецкий сидел перепуганный, ожидая нападения. Гулям-Али-хан не поднимал глаз. Севрюгов встал со своего места, подошел к Таганкуру и потребовал сдать оружие.

Таганкур был выше Севрюгова на две головы и физически намного сильнее его. Но этот «храбрый» во время расправы над безоружными людьми басмач оказался жалким трусом. Дрожащими руками он расстегнул пояс, на котором висел маузер, и передал его Севрюгову. Тот приказал ему снять халат, сорвал висевший под ним спрятанный револьвер и, повернувшись ко мне, спокойно доложил:

— Товарищ комбриг, ваше приказание выполнено.

Когда мы вышли из юрты, во дворе уже стояли верблюды, нагруженные чаем. Джигиты Гуляма услужливо раскрыли ворота. Прощаясь с Гулям-Али-ханом, я посоветовал ему поехать в Ашхабад, центр Туркменской ССР, и объяснить правительству свои поступки. Он послушался и поехал. Но в Ашхабаде, около хлопкоочистительного завода, его задержали родственники текинцев, убитых Таганкуром при ограблении каравана, и тут же на месте расправились с ним.

Близкие Гуляму люди его племени покинули аулы и ушли в пески. Я поехал на границу оазиса и, остановившись у Анна-Бала, послал его в пустыню за

бежавшими. Он вернулся в сопровождении приемника Гуляма — Тюря-Сердара.

Я спросил Тюря, что вынудило его уйти в пески.

— Убийство Гуляма, — ответил он. — Джигиты боятся возмездия за учиненные ими грабежи и насилия.

— Передайте джигитам, — сказал я, — что Советская власть не карает за преступления, если люди совершили их, действуя не по своей воле. Гулям-Али-хана мы также не хотели убивать. По законам Советской власти только суд может лишить жизни человека. Гулям-Али-хана убили по звериному закону кровной мести, сторонником которого был сам Гулям-Али-хан и против которого борется Советская власть.

Тюря-Сердар уехал от меня успокоенный, и вскоре джигиты Гуляма вернулись к своим очагам.

* * *

В конце мая 1925 года в Хорезм приехали секретарь Средазбюро ЦК ВКП(б) и И. А. Зеленский, председатель СНК Туркменской ССР К. А. Атабаев и командующий Туркестанским фронтом М. К. Левандовский.

После моего доклада о положении дел в Хорезме и о проведенных операциях Зеленский спросил, не вызовут ли мои действия восстания. Я сказал, что восстание вспыхнуло бы уже давно, если бы не были приняты меры против грабежей, вдохновляемых феодальными вождями.

— Если мы хотим окончательно ликвидировать условия для восстания, мы должны освободить дехкан из-под власти вождей, — закончил я.

— Горяч, горяч, — сказал Зеленский и посмотрел на Левандовского. Тот ничего не ответил, но я понял, что командующий разделяет мою точку зрения.

— Поедьте по области. Посмотрите все своими глазами, — предложил я.

В нашем подшефном кишлаке Ходжа-Кумезе состоялся многолюдный митинг. Дехкане, побросав свои дела, собрались вокруг гостей. Зеленского и Атабаева поразила высокая политическая активность дехкан. Жители кишлака глубоко понимали задачи Советской власти и Коммунистической партии в хозяйственном строительстве Туркмении.

Во время обеда, организованного аульным Советом, председатель Совета сказал:

— Нам нужно еще оружие.

— Зачем? — спросил Зеленский.

— Как зачем? У вождей по сто джигитов, много винтовок, зачем они им?

Зеленский рассмеялся и сказал Левандовскому, что оружие кишлаку надо дать. И отряду самообороны было вручено сорок трофейных винтовок.

Из Ходжа-Кумеза через Ташауз мы проехали в Куня-Ургенч. Весть о нашем приезде далеко опередила нас. В Куня-Ургенче на митинг собралось 300 дехкан и мумудов племени карасалах. Атабаев сделал доклад об очередных задачах Советской власти и сказал, что бедняки должны чувствовать себя хозяевами в своем районе, ибо вся власть принадлежит народу.

— Я не верю, что власть принадлежит народу... — заявил выступивший после Атабаева дехканин Сафар-Куджук. — У нас власть держит Якши-Кельды... Разве он бедняк? Если ты глава народного правительства, то почему ты разрешаешь Якши-Кельды грабить и убивать нас, сажать в тюрьму в своей крепости? Почему Якши-Кельды распоряжается государственными землями и от своего имени сдает их в аренду? Мы освободились от хивинского хана не для того, чтобы попасть в рабство к Якши-Кельды.

Выступление Сафар-Куджука дехкане поддержали криками:

— Не надо нам такого председателя ревкома!

А в это время Якши-Кельды сидел в своей крепости, куда стянул до 600 джигитов. И если у Зеленского и Атабаева до митинга и были какие-то сомнения в необходимости борьбы с племенными вождями, то в Куня-Ургенче для них все стало ясно.

Под вечер в помещение, где мы остановились, пришла делегация дехкан. Они сообщили, что Дурды-Клыч, правая рука Якши-Кельды, убивший комсомольцев туркмен, находится с бандой у озера Ходжа-Кара-су. Делегаты требовали, чтобы Дурды-Клыч был наказан.

Эскадрон, сопровождавший нас в поездке, получил приказ немедленно идти к стоянке басмачей и разгромить банду.

Утомленные длинным переходом бойцы отдыхали. Лошади еще не были накормлены, когда сигнал тревоги поднял всех на ноги. Помощник командира полка С. П. Дмитриев вывел эскадрон из Куня-Ургенча и повел его к озеру.

Занимался рассвет. Местность вокруг была открытая, и Дмитриев торопился. Через шесть часов эскадрон, не замеченный противником, спустился в Дарьялык — старое русло Аму-Дарьи. Отсюда дорога пересекала образуемую Дарьялыком петлю, в двух километрах от которой находилось озеро. По летающим над озером птицам Дмитриев заключил, что басмачи еще там.

Обойти озеро из-за крутых берегов русла было невозможно, поэтому банду решено было атаковать в лоб.

Разомкнувшись повзводно, в одну шеренгу, эскадрон прошел, маскируясь кустарником, метров двести шагом и, выйдя на открытое место, перешел на рысь. Впереди показались и тотчас же скрылись за вершиной холма два джигита: эскадрон заметили.

Прибрежный песок был изрыт черепашьими норами, что создавало большую опасность для конских ног. И все же Дмитриев скомандовал галоп. Через минуту эскадрон взлетел на самую высокую точку местности, откуда шел пологий спуск к озеру. По берегу в панике металась захваченная врасплох банда в 75—80 джигитов.

Командир эскадрона дважды краснознаменец М. С. Зорников бросился в атаку, увлекая за собой бойцов. Командир взвода Горбенко, спешив своих людей, пытался огнем отрезать банде путь к отходу, но атакующий эскадрон помешал ему сделать это и огонь пришлось прекратить.

Эскадрон преследовал банду на расстоянии до трех километров, но из-за крайней усталости лошадей вынужден был прекратить погоню. Был захвачен в плен брат Дурды-Клыча, непосредственно руководивший убийством комсомольцев, — Таган-Дурды.

Дурды-Клыча поймать не удалось. Позднее выяснилось, что он через колодец Дехче и Сары-камыш ушел за границу.

На совещании в Ташаузе, на котором присутствовали Зеленский и Атабаев, Левандовский спросил меня, что я думаю предпринять в ближайшее время. Я ответил:

— Ликвидировать Якши-Кельды.

Никто не возражал, и только Зеленский, помолчав, сказал:

— Но если Якши-Кельды уйдет в пески, то, даже не подняв восстания, он причинит республике много хлопот своими набегами.

— Не уйдет! — заверил я.

— А чем вы это гарантируете? — живо спросил Зеленский.

— Ручаюсь своей головой. От вас я прошу только письменного приказа на его арест.

Такой приказ был тут же написан. Затем Зеленский и Атабаев предложили мне собрать всех вождей и потребовать от них, чтобы грабежи и убийства были прекращены.

После отъезда Зеленского, Атабаева и Левандовского я разослал приглашение вождям прибыть в Тахту.

Тахта — небольшой кишлак, расположенный в песках неподалеку от Ташауза. Я приехал туда вместе с Городецким, командиром полка Дмитриевым (Ежов вступил в командование 82-м кавалерийским полком), комиссаром Гришкялисом и начальником штаба Северюговым (начальник штаба полка Пашкевич уехал на учебу). Из Ташауза и Ильялы пришли 1-й и 3-й эскадроны с конно-горной батареей.

На другой день в Тахту стали съезжаться вожди, каждый со своей охраной. Никогда еще этот затерянный в песках кишлак не видел такого скопления людей. Обстановка была тревожной. Вожди держались настороженно, не отпуская от себя своих людей, а вдали по барханам передвигались большие группы джигитов, готовые по первому знаку своих вождей ринуться на кишлак. Несмотря на это, я решил держаться твердо.

К юрте, где я остановился, один за другим стали подъезжать прибывшие в Тахту вожди. На совещание

явились: Нияз-Бакши, Хаким-бек, Тюр-Сердар, Султан-Мурад-хан, Анна-Бала, Хесен-Кельды. Последним, с пышной свитой, вооруженной до зубов, подъехал Якши-Кельды.

Пустыня начиналась сразу за кишлаком. Всадники, с утра маячившие на горизонте, приблизились к кишлаку и то скрывались между барханами, то вновь появлялись.

Открывая совещание, я даже не взглянул в сторону песков, не обращая внимания на явную демонстрацию, которую организовали вожди. Их в последний раз предупредили, что, если не прекратятся грабежи и насилия, они будут немедленно и сурово наказаны.

— Ни с вашей знатностью, ни с вашим общественным положением правительство Туркмении считаться не будет. Время произвола и бесправия прошло. Отныне имеется власть, которая способна защитить дехкан, — сказал я и тут же объявил, что за неоднократные грабежи и убийства советский суд приговорил к расстрелу Таганкура. — Такая же участь могла постичь и Гулям-Али-хана, если бы с ним не расправились текинцы, — закончил я.

Чтобы показать вождям, что нас нельзя запугать, я подозвал командира эскадрона В. К. Монстрова и приказал ему идти в кишлак Беш-Кыр и арестовать брата Таганкура — Байрам-Юзбаши и главаря банды — Байрам-Коули.

Труба проиграла сигнал «По коням», и вожди видели, как построенный в походную колонну эскадрон на рысях пошел в пески выполнять мое приказание.

Это возымело действие. С лиц вождей слетела заносчивость. Лишенные поддержки народных масс, они и без того чувствовали свою слабость. А тут еще им дали понять, что и нам эта слабость известна.

Один за другим вожди стали заверять нас в своей преданности Советской власти, клялись, что сделают все, чтобы не было грабежей и разбоев. Не молчал и Якши-Кельды. Я сделал вид, что верю ему, так как нужно было попытаться взять его без боя, ибо в случае столкновения он мог скрыться в пустыне. Предложив Якши-Кельды взять на себя строительство казарм в Ходжели, я в качестве задатка вручил ему две ты-

сячи рублей серебром. Жадный на деньги, Якши-Кельды клятвенно заверил меня, что казармы будут построены в срок.

Через несколько дней после совещания я вызвал к себе командира саперного эскадрона Ветцеля и приказал ему с полуэскадром саперов выехать в Ходжели для наблюдения за строительством казарм. Я не посвятил Ветцеля в план ареста Якши-Кельды, да и сам план еще не был разработан во всех деталях. Ветцелю было лишь поручено почаще заезжать в крепость Якши-Кельды и досконально изучить ее устройство и заведенные в ней порядки. В. И. Ветцель был командиром необычайной храбрости, и на него можно было во всем положиться.

После разгрома Дурды-Клыча Якши-Кельды вел себя очень осторожно: вокруг его крепости в радиусе до десяти километров днем и ночью стояли конные дозорные. В самой крепости постоянно находился начальник его конвоя Шалтай-Батыр с двумястами всадников.

Полученное задание строить казармы несколько успокоило Якши-Кельды, но охрану крепости он не ослаблял. Больше того, нам стало известно, что он ведет какие-то подозрительные приготовления, посылает близким ему людям, живущим на границе песков, продовольствие, фураж и одежду, группирует джигитов, ведет переговоры с другими вождями о создании крупных вооруженных отрядов, назначение которых не оставляло сомнения. Через преданных ему баев и мулл Якши-Кельды распространял слухи о закупленных им у англичан винтовках и пулеметах. Каждый день в его крепости шли стросвые учения.

Для проверки хода строительства казарм он всегда являлся с сильным конвоем, хорошо вооруженный. С Ветцелем он пытался установить приятельские отношения, очевидно надеясь выведать через него необходимые ему сведения. Благодаря этому Ветцель был частым гостем у Якши-Кельды.

Крепость Ак-Кала стояла на перекрестке дорог из Куня-Ургенча и Ходжели. В базарные дни дороги эти становились очень оживленными, особенно утром, когда окрестное население ехало на базар, и под вечер, когда люди разъезжались с базара. Вход в крепость преграж-

дали массивные ворота с прорезанными в них бойницами. Бойницы были устроены и в толстых глинобитных стенах. Внутри крепости, прямо против ворот, находилась кибитка для гостей, окруженная со всех сторон юртами, в которых жили хозяин и его конвой. В юртах также были прорезаны щели для ружей. Между воротами и кибиткой лежал ровный плац, вдоль крепостных стен размещались конюшни и кладовые. В задней части крепости был огромный сад.

Через две недели после совещания я передал Ветцелю еще две тысячи серебром, чтобы он вручил их Якши-Кельды. Ветцель должен был сделать это в пятницу, в базарный день, когда большая часть конвоя уедет на базар. А чтобы Якши-Кельды случайно также не уехал, Ветцель должен был предупредить его накануне, что привезет деньги.

План мой состоял в следующем. В десять часов утра Ветцель со своими саперами приезжает в крепость и в кибитке для гостей арестовывает Якши-Кельды. После этого Ветцелю и его людям нужно было продержаться в крепости два часа, пока из Ташауза не подойдут дивизион 83-го кавалерийского полка под командованием Дмитриева с двумя горными орудиями и из Ходжели саперный полуэскадрон под командованием Виноградова. Эти части должны были подойти к крепости не ранее двенадцати часов 12 сентября. Разрыв между появлением в крепости разезда Ветцеля и подходом дивизиона был необходим, чтобы не вызвать подозрений у Якши-Кельды. Дело в том, что дозоры Якши-Кельды, расположенные в десяти километрах от крепости, заметили бы появление нашей конницы и Ветцель с его людьми был бы уничтожен прежде, чем они достигли бы кибитки.

Чтобы сохранить полную внезапность, необходимо было преодолеть еще одно серьезное препятствие.

В Имрали, через который проходила дорога из Ташауза в крепость Якши-Кельды, жил курбаши Анна-Бала, правая рука Якши-Кельды. Вот почему нужно было сделать так, чтобы в то время, когда дивизион будет проходить через Порсу, Анна-Бала не было дома, иначе он мог бы предупредить Якши-Кельды.

Воспользовавшись тем, что Анна-Бала уже давно искал со мною встречи, чтобы заручиться моей под-

держкой, так как его обвиняли в связях с басмачами и в том, что он не платит за аренду базара, я сообщил Анна-Бала, что жду его в доме председателя Ильялинского районного ревкома Хаким-бека днем 12 сентября между часом и двумя.

Накануне вечером я в сопровождении начальника штаба 83-го полка Севрюгова, командира эскадрона Зорникова, уполномоченного особого отдела Станко и четырех красноармейцев приехал в кишлак Имрали к Хаким-беку. Вслед за нами должны были прибыть две группы красноармейцев по пять человек в каждой. Хаким-беку я сказал, что жду донесений. Я был уверен, что Хаким-бек связан с Анна-Бала, и последний, узнав, что со мной прибыл сильный конвой, мог бы заподозрить ловушку.

И вдруг через полчаса после нашего прибытия к Хаким-беку ко мне явился Анна-Бала с тринадцатью джигитами. Теперь я уже не сомневался, что наш хозяин Хаким-бек связан с Анна-Бала. Севрюгов, Зорников и Станко ждали моего сигнала, чтобы схватить Анна-Бала. Но я решил воздержаться от ареста, так как поднялся бы переполох во всей округе. Нужно было дожидаться подкреплений и действовать наверняка.

Поговорив с Анна-Бала о его деле, я предложил ему переночевать у Хаким-бека, обещая утром поехать с ним в Ильялы и урегулировать все волнующие его вопросы. Анна-Бала уклонился от моего предложения и в 10 часов вечера уехал, обещав вернуться в 7 часов утра 12-го, чтобы ехать в Ильялы. Вскоре после его отъезда ко мне прибыли десять красноармейцев, но было уже поздно.

Утром Анна-Бала не появился. Со стен крепости Хаким-бека было видно, как около юрт Анна-Бала суетятся всадники, очевидно собираясь в дорогу. Я послал Севрюгова сказать Анна-Бала, что жду его. Случайно встретив взгляд Хаким-бека, я понял: это он предупредил Анна-Бала.

Через полчаса вернулся Севрюгов и сообщил, что Анна-Бала был в сильном волнении и явно собирался в дорогу, так как рядом с юртами стояли оседланные кони, но на мое приглашение, переданное через Севрюгова, ответил обещанием приехать. Однако вскоре я

сам увидел, как он сел на коня и в сопровождении своих джигитов ускакал в пустыню. В Хорезме Анна-Бала больше не появлялся, он бежал в пески.

* * *

Тем временем в крепости Якши-Кельды события развивались так.

Предупрежденный Ветцелем, Якши-Кельды ждал, когда ему привезут деньги. Ветцеля и сопровождавших его бойцов беспрепятственно пропустили в крепость. У входа в кибитку Якши-Кельды остановился, пропуская гостей. И вот тут-то Ветцель не выдержал и дал сигнал схватить Якши-Кельды, хотя тот еще не зашел в кибитку. Однако и матерый бандит заблаговременно принял меры. В юртах были посажены люди, которые с наведенными винтовками следили через специально прорезанные щели за каждым шагом красноармейцев. И лишь только отделенный командир Венгер схватил Якши-Кельды, из юрт грянули выстрелы. Один красноармеец был убит и несколько ранены. Якши-Кельды был также ранен в живот.

Но Венгер успел втолкнуть в кибитку Якши-Кельды. Другие бойцы втащили туда же ишана и секретаря вождя. Дверь немедленно забаррикадировали и готовились к бою. Басмачи несколько раз бросались в атаку, но осажденные забрасывали их гранатами. Вскоре храбрый командир Ветцель был ранен в висок, и командование принял на себя Венгер. Бой продолжался. Басмачи подожгли крышу кибитки и лезли напролом. Большинство находившихся в кибитке бойцов были ранены.

Наконец на вершинах окрестных дюн показался идущий галопом дивизион. Когда рухнули подорванные ворота и красноармейцы ворвались в крепость, из кибитки вышли, пошатываясь, почерневшие от копоти люди. За проявленную отвагу и стойкость командир и все бойцы разезда были награждены орденом Красного Знамени.

Слух о взятии Якши-Кельды мгновенно разнесся по Хорезму. Грозя восстанием, в пески ушли Султан-Муррад-хан, Шалтай-Батыр, Тюря-Сердар, Джан-Бармак. Но через две недели выяснилось, что им удалось собрать вокруг себя всего по 20—30 джигитов.

Дехкане в кишлаках и аулах, на базарных площадях открыто объявили о своей преданности Советской власти и проклинали вождей. Арыки дехкан наполнились водой, которую так долго держали в своих руках вожди. Обновленные ревкомы сплотили вокруг себя население, давая отпор бандам, выходившим из песков. Многие вожди, потеряв веру в свои силы, приходили в ревкомы с повинной и скромно селились в аулах.

83-му кавалерийскому Бегалинскому полку в течение 1925 года удалось одержать не только военную, но и политическую победу. Трудовое население было освобождено из-под власти феодальных вождей и занялось мирным строительством.

В начале октября 1925 года я получил приказ командующего фронтом Левандовского перевести штаб 8-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригады с конногорной батареей, а также полуэскадронами саперов и связи в Мерв, где стоял 82-й кавалерийский полк. В Хорезме остался 83-й кавалерийский полк под командованием Дмитриева.

Дмитриев был человеком большой личной храбрости, но характер у него был очень мягкий. Эту его слабость хорошо знали троцкисты Красиков и Лезинов, которым он слепо доверял и которые навязывали ему свою волю. В 1927 году ошибками Дмитриева воспользовался и Джунаид-хан. Но об этом я расскажу особо.

В феврале 1926 года я прибыл на самолете в Ташауз. Вокруг Хивы рыскали мелкие шайки узбекских курбашей. Ликвидация этих шаек была поручена командиру эскадрона Андерсону.

16 февраля Андерсон настиг в кишлаке Тамач шайку Джан-Бармака, загнал ее в кибитки и полностью уничтожил вместе с курбашами.

По данным штаба полка, на территории Хорезма в начале 1926 года действовали банды Садулла-Бала, Шалтай-Батыра, Овес-Кули и Тюря-Сердара. Уезжая из Ташауза, я приказал Дмитриеву покончить с этими бандами.

Уже в Мерве я получил сообщение, что 21 февраля эскадрон Монстрова разбил шайку Календар-Ага. 2 марта сводный отряд под командованием начальника штаба полка Севрюгова уничтожил банду Садулла-Бала.

В марте 1926 года я вместе с 82-м и 84-м кавалерийскими полками выехал в Восточную Бухару, где вновь активизировал свои действия Ибрагим-бек. О последующих операциях 83-го кавалерийского полка в Мерве я знал по донесениям.

Летом 1926 года были ликвидированы шайки Шалтай-Батыра, Овес-Кули, Тюря-Сердара и вернувшегося из-за границы Дурды-Клыча.

Последней значительной операцией в Хорезме в 1926 году была ликвидация банды Ахмед-бека.

Ахмед-бек был старшиной рода ушак иомудского племени и старым сподвижником Джунаид-хана. Его резиденция находилась в крепости Ак-Сарай. Ахмед-бек владел 100 гектарами орошаемой земли, имел около 5000 голов скота и собственный конвой из ста пятидесяти всадников.

Осенью 1926 года стало известно, что Ахмед-бек намеревается уйти в пески. Командир полка Дмитриев в это время был болен малярией и поручил начальнику штаба Севрюгову не допустить ухода Ахмед-бека.

Севрюгов принял решение окружить крепость. Из Ташауза под его командованием выступил дивизион в составе 3-го и пулеметного эскадронов, из Ильялы пошел 1-й эскадрон Монстрова, из Тахты — 2-й эскадрон Андерсона, из Хивы — полковая школа Синягина.

В 3-м эскадроне большинство красноармейцев были по национальности татары и башкиры, владевшие туркменским языком. Когда ночью дивизион Севрюгова был уже недалеко от крепости, к Севрюгову подъехали два красноармейца башкира и сообщили, что они разговаривали с местными жителями и те им сказали, что Ахмед-бек из крепости ушел и остановился на окраине кишлака Ак-Сарай. Таким образом, полк окружал пустое место.

На всякий случай Севрюгов послал один взвод к крепости, а сам с главными силами повернул на кишлак. На рассвете дозорные Юнус Султанов, Виталий Стунгур и Ахмет Салиев наткнулись на заставу шайки. Старший дозорный, Стунгур, повел бойцов в атаку, но бандиты открыли огонь. Подоспевший дивизион обрушился на басмачей. В этом бою были убиты брат Ахмед-бека и около двадцати джигитов. Остатки банды были настигнуты у колодцев Казанджик-Кала и почти

целиком уничтожены. Ахмед-бек ушел в пески Кара-Кум к Джунаид-хану.

1925—1926 годы в истории Хорезма явились поворотным пунктом от старого к новому, от феодализма к социализму. Новая Туркменская ССР стала полноправным членом великого Союза Советских Социалистических Республик.

ЛИКВИДАЦИЯ БАСМАЧЕСТВА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В марте 1926 года на станции Термез инспектор кавалерии Красной Армии Семен Михайлович Буденный произвел смотр только что прибывшим в Восточную Бухару 82-му и 84-му кавалерийским полкам. Эти полки, входившие в состав 8-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригады, которой я командовал, должны были сменить 11-ю кавалерийскую дивизию.

После смотра на станции состоялся митинг. Выступая перед бойцами, Семен Михайлович сказал, что нам предстоит нанести решающий удар по басмачеству Восточной Бухары, и от имени Советского правительства выразил уверенность, что мы, старые туркестанцы, с честью выполним эту задачу.

11-я кавалерийская дивизию за три года борьбы с басмачами потеряла две трети конского состава и в результате утратила подвижность, столь необходимую при ведении «малой войны» с конным противником. Дивизию решено было снять с Туркестанского фронта и передать в территориальную систему в Оренбургской губернии.

С начала 1926 года Ибрагим-бек вновь активизировал свои действия. Вынужденный бежать из Локая, он создал базу на левом берегу Вахша, в труднодоступных горах Кара-Тау, Терegli-Тау и Чаль-Тау. Пользуясь малочисленностью наших сил в этом районе, Ибрагим-бек объединил шайки Хурам-бека, Утан-бека, Менгиар-Хальфа, Бай-Сары и многих других курбашей. Всего в этих шайках насчитывалось около 350 джигитов. Спускаясь небольшими группами с гор, они почти безнаказанно совершали налеты на кишлаки и селения.

Командование Туркестанского фронта поставило перед бригадой задачу в три — четыре месяца покончить с басмачеством.

Положение в Восточной Бухаре осложнялось плохим урожаем 1925 года. Во многих кишлаках дехкане совершенно не имели хлеба, и его приходилось завозить из других областей. Постоянные налеты басмачей затрудняли снабжение голодающих районов.

Из Термеза полки походным порядком пошли в Курган-Тюбе, который входил в боерайон нашей бригады. Проводить полки прибыл Семен Михайлович Буденный. Его теплое напутствие согревало бойцов в трудном походе.

И вот я снова в Восточной Бухаре. После песков Хорезма глаз радовала зелень садов, журчанье воды в арыках, лесистые горы с белоснежными вершинами.

6 апреля 1926 года бригада прибыла в Курган-Тюбинский боерайон. В обоих полках было до 700 сабель, что в два раза превышало численность басмаческих сил. Кроме того, мы имели 12 станковых и 35 ручных пулеметов.

В таких благоприятных условиях мне приходилось действовать впервые, и все же задача, поставленная перед бригадой, была не из легких.

Пока басмачи действовали крупными шайками, найти их не составляло большого труда. Остальное решало моральное превосходство наших командиров и бойцов, их боевая выучка и горячее сочувствие и поддержка местного населения.

В новых условиях, когда мелкие шайки басмачей прятались в горах и, постоянно перемещаясь, каждый раз совершали налеты в других районах, напасть на их след было значительно труднее.

Я решил изменить прежние методы борьбы, основанные на окружении и уничтожении банд. Пользуясь численным превосходством, мы расположили в кишлаках, находившихся в предгорьях, постоянные гарнизоны. Таким образом, басмачи сразу были лишены возможности получать продовольствие и фураж. Для уничтожения изолированных шаек были созданы подвижные истребительные отряды, которые должны были вести операции в тесном взаимодействии с гарнизонами.

Кроме того, штаб бригады поддерживал связь с 6-й кавалерийской Алтайской бригадой, действовавшей

восточнее Курган-Тюбе, с 3-й стрелковой дивизией, находившейся севернее Курган-Тюбе, и с 7-й кавалерийской Туркестанской бригадой, расположенной на западе от нас.

Начальнику штаба нашей бригады А. В. Васильеву было поручено разработать план дислокации гарнизонов и сформировать в каждом полку по два истребительных отряда численностью 50 сабель каждый при двух ручных пулеметах. В состав отрядов решено было включить наиболее подготовленных бойцов, обеспечив их хорошими лошадьми. Командирами отрядов были назначены лучшие командиры эскадронов.

Для руководства действиями истребительных отрядов решено было сформировать полевой штаб. Его возглавил вызванный мною из Хорезма и хорошо зарекомендовавший себя С. Н. Сврюгов. В полевой штаб вошли: начальник разведки П. С. Боцулло, секретарь партийной комиссии бригады П. В. Шарыбин и командир взвода серб Геннадий Маркович¹.

К концу апреля Васильев представил детально разработанные схемы и планы. В общих чертах, но достаточно четко в них были определены задачи каждого гарнизона, которым в плане отводилась активная роль.

Однажды ко мне привели пастуха, который рассказал, что его захватил в горах Ибрагим-бек и велел передать мне письмо. Ибрагим-бек в цветистых выражениях, плохо маскировавших насмешливый тон письма, приветствовал меня в связи с моим приездом в Восточную Бухару. Помню такое место из этого письма. Ибрагим-бек писал, что я буду гоняться за ним, как лисица за собственным хвостом, который кусают блохи. И так же, как лисица, кружась вокруг себя, не может ухватить себя за хвост, так и я не смогу поймать его, Ибрагим-бека.

¹ Геннадий Маркович вступил в Красную гвардию в самом начале гражданской войны. Участвовал в борьбе с бандами Антонова и с ферганскими басмачами. В Туркестане он провел несколько лет и хорошо изучил быт и нравы местного населения, природные условия Средней Азии. Человек исключительной храбрости, Маркович еще до начала операций против Ибрагим-бека был награжден за боевые подвиги двумя орденами Красного Знамени. В штабе 8-й бригады Маркович возглавлял отряд туркменских добровольцев, сформированный при штабном эскадроне.

Это был прямой вызов. Ибрагим-бек думал, что, как и раньше, я буду гоняться за ним. Он еще не подозревал, какой сюрприз мы ему приготовили.

12 апреля 82-й Актюбинский кавалерийский полк занял отведенный ему участок на левом берегу Вахша, а 84-й кавалерийский полк согласно плану перешел на правый берег.

Штаб бригады и штаб 82-го полка расположились в Джиликуле, полковая школа встала гарнизоном в кишлаке Курган-Тюбе, взвод 3-го эскадрона — в кишлаке Кайнар-Кала и взвод пулеметного эскадрона — в кишлаке Заргар.

Штаб 84-го полка расположился в Кабадиане, 3-й эскадрон занял повзводно кишлаки Бешкент, Шаартуз и Тартки, взвод 2-го эскадрона встал в кишлаке Шаах.

Одновременно в горы для преследования и уничтожения басмаческих шаек вышли истребительные отряды Бардадина и Денисова (от 82-го полка) и Лучинского и Николаева (от 84-го полка). Я с полевым штабом и добровольческим отрядом Марковича находился в постоянном движении между гарнизонами, чтобы в любой момент оказать поддержку там, где она требуется.

В то время у нас еще не было радио, а телефонный провод был сильно уязвим и потому надежным средством связи служить не мог. Вот почему, чтобы быть в центре событий и иметь возможность своевременно влиять на ход боевых действий, я должен был находиться возможно ближе к месту этих действий.

Правда, начальник штаба бригады Васильев сумел организовать систему гелио-станций, но это средство связи зависело от погоды и от времени суток, поэтому пользоваться им можно было не всегда.

Басмачи очень скоро почувствовали на себе результаты новой тактики.

Истребительный отряд Бардадина в одном из ущелий близ колодца Терекли-Кудук захватил стадо баранов в 1500 голов, принадлежавшее лично Ибрагим-беку. Продовольственной базе басмачей был нанесен чувствительный урон.

Шайки заматались, ища выхода в долины, но везде

наталкивались на наши гарнизоны, отряды и разъезды, которые всякий раз отбрасывали их назад в горы.

14 апреля разъезд истребительного отряда Лучинского рассеял в горах шайку Бай-Сары в 35 джигитов. 25 апреля разъезд командира взвода Берзина в горах Ходжа-Касиан настиг шайку Мулла-Джайлау и разгромил ее. 29 апреля разъезд под командованием Бердникова в кишлаке Баш-Чербак захватил пробирающуюся за границу группу басмачей, у которых было отнято 4500 рублей золотом царской чеканки и 80 килограммов серебра. Эти ценности предназначались для закупки у англичан оружия и боеприпасов. Мы поняли, что басмачи ощущают нехватку патронов.

С участков соседних кавалерийских бригад и 3-й стрелковой дивизии, перенявших нашу тактику, приходили также весьма благоприятные сообщения. Необходимо было усилить военный нажим и не ослаблять его.

Среди местного населения стали формироваться добровольческие отряды «краснопалочников». Отряды эти хорошо справлялись с разведывательными задачами, держа нас постоянно в курсе всех передвижений басмаческих банд.

Английская разведка на востоке предпринимала отчаянные усилия, чтобы облегчить положение Ибрагимбека.

В середине мая я с полевым штабом остановился на привале неподалеку от Ай-Кульской переправы через Вахш. Здесь меня разыскал разъезд, посланный Васильевым. Начальник разъезда сообщил, что два дня назад в камышах левого берега Вахша командир взвода Павленко пытался задержать группу басмачей, пробиравшихся из-за границы в Бабатаг с большим запасом патронов. Но, пользуясь ночной темнотой, басмачам удалось бежать.

Я приказал Марковичу немедленно идти вдоль реки на поиски этих бандитов. Со мной оставался Севрюгов с небольшим конвоем. Шарыбин в это время находился в кишлаке, куда прибыли таджики, эмигрировавшие в 1920 году за границу.

На горы уже ложились предвечерние тени, но солнце еще не зашло, и мутные воды Вахша были окрашены

в малиновые цвета заката. Красноармеец комендантского взвода, собиравший сушняк для костра, крикнул: — Смотрите!..

Все оглянулись. На скатах горы то появлялись, то пропадали солнечные зайчики. Не было сомнения, что это посылала сигналы одна из гелио-станций. Севрюгов расшифровал сигналы. Станция передавала, что к переправе Ай-Куль пробирается шайка.

Севрюгов с разъездом в 12 сабель помчался к переправе. Примерно через час мы услышали перестрелку, а когда я с оставшимися людьми прибыл на переправу, бой уже кончился. Оказалось, Севрюгову удалось перехватить банду Косым-Ходжи. Сам курбаши был убит, а патроны, которые они везли, потонули в Вахше.

Тактика блокады и активные действия истребительных отрядов оправдали себя настолько, что уже в мае Ибрагим-бек вынужден был объединить все свои шайки, чтобы попытаться с боем прорваться в долину.

Предводитель кунградского басмачества — мой старый знакомый Хурам-бек получил от Ибрагим-бека указание объединить несколько шаек правобережья, переправиться на левый берег Кафирнигана и идти к нему на соединение.

Я приказал командиру истребительного отряда Лучинскому идти в горы Ак-Тау и перехватить Хурам-бека.

Александр Александрович Лучинский, командир эскадрона 84-го кавалерийского полка, обратил на себя внимание уже при первом нашем знакомстве. Это был грамотный командир, выгодно отличавшийся от большинства командиров того времени высокой военной культурой.

Лучинский пришел в Красную Армию совсем юношей, из последнего класса гимназии, и начал службу рядовым красноармейцем. Сын генерала русской армии, Лучинский стойко переносил трудности и лишения боевой жизни. Окончив шестимесячные кавалерийские командные курсы, Лучинский был назначен командиром взвода. Вскоре он проявил себя в боях с басмачами и был утвержден командиром эскадрона. Никто из бойцов и командиров не слышал от Лучинского грубого слова, все его приказания и распоряжения выполнялись молниеносно. Он сумел завоевать любовь всего эскадрона. Его выдержка, пренебрежение к личным

удобствам, сознательная отвага являлись примером для командного состава всей бригады.

В борьбе с басмачами раскрылось военное дарование Лучинского, и впоследствии он стал крупным военачальником¹.

Мое приказание идти на перерез Хурам-беку Лучинский получил, находясь в горах. Изменив маршрут, он форсированным маршем направился к горной щели у зимовки Алип. Отряду Лучинского пришлось преодолевать крутые склоны, идти козьими тропами по узким карнизам. Отряд спешил выполнить приказ, и все же был момент, когда все его усилия могли оказаться напрасными. Хурам-бек подошел к ущелью на несколько часов раньше, чем Лучинский. К счастью, один из ближайших к ущелью гарнизонов своевременно получил сигнал гелио-станции, и Хурам-бека встретил у зимовки Алип разъезд помощника командира пулеметного эскадрона 84-го полка Гальцева (семь сабель). Отчаянно смелая атака Гальцева задержала банду, которая в узком ущелье не могла использовать своего численного превосходства.

Услышав выстрелы, Лучинский ускорил движение и пошел в обход ущелья, чтобы запереть в нем Хурам-бека. Командир 84-го кавалерийского полка Борисов, взяв в гарнизонах небольшие подразделения, также спешил к ущелью, чтобы помочь Лучинскому.

Хурам-бек почуял неладное и, быстро покинув ущелье, пошел назад, к переправам Чукурлы-тугай и Ишкабад. Отряд Лучинского преследовал его по пятам.

¹ Накануне Великой Отечественной войны А. А. Лучинский командовал в Ашхабаде 83-й горно-стрелковой дивизией. Когда гитлеровцы подходили к Кавказскому хребту, дивизия Лучинского, переброшенная на Кавказ из Средней Азии, закрыла горные проходы и стойко удерживала их. В боях за Новороссийск дивизии было присвоено звание гвардейской. Лучинский был произведен в генералы и вступил в командование стрелковым корпусом, который принимал участие в боях за Севастополь. Вскоре Лучинского назначили командующим 28-й армией, которая одной из первых пересекла границы Восточной Пруссии, штурмовала Кенигсберг и участвовала в штурме Берлина. За выдающиеся заслуги перед Родиной генерал-полковнику Александру Александровичу Лучинскому было присвоено звание Героя Советского Союза. А. А. Лучинский принимал участие и в разгроме милитаристской Японии. В настоящее время генерал армии А. А. Лучинский работает в Министерстве обороны СССР.

Утомленные длинным переходом кони отказывались идти. Началась гроза. Промокшие до нитки бойцы буквально валялись с седел, и только железная воля командира заставляла отряд продолжать преследование.

При вспышке молний впереди блеснули вздувшиеся воды Кафирнигана. Басмачи на бурдюках уже начали переправу, борясь со стремительным течением.

Хурам-беку удалось достичь гор Бабатага, но здесь, в овраге Ак-Сак, его перехватил истребительный отряд Николаева. В течение шести часов Хурам-бек настойчиво атаковал небольшую группу красноармейцев. Когда подоспевший отряд Лучинского напал на него с тыла, басмачи небольшими группами разбежались по горам. Лучинский принял решение прочесать горные щели и перевалы.

Не дождавшись Хурам-бека и ничего не зная об его участии, Ибрагим направил к нему своего курбаши Ишархан-Мирахура с шайкой в 18 джигитов. Едва Ишархан на рассвете 15 июля начал переправляться через Вахш немного выше Кизыл-Калинской переправы, как из Курган-Тюбе, предупрежденные местными жителями, на него налетели бойцы полковой школы 82-го полка под командой начальника школы Штейна. В несколько минут метким огнем красноармейцев басмачи были сброшены в бешеные воды Вахша.

Несколькими днями позже отряд Николаева окружил на острове реки Кафирниган шайку Менгияр-Хальфа и уничтожил ее.

После этих ударов басмаческое движение резко пошло на убыль. Ежедневно в штаб бригады, в особый отдел и в гарнизон в одиночку и группами стали являться голодные и измученные басмачи. Они в один голос утверждали, что Ибрагим-бек с несколькими джигитами ушел в горы Сарсарьяк, где у него еще оставалось несколько продовольственных тайников.

В одну из поездок в горы мне удалось подстрелить лису. Лиса была старая, с облезлой шкурой и грязным вытертым хвостом. Я отрубил этот хвост и с пленным басмачом отправил его Ибрагим-беку...

В конце июня истребительный отряд под командованием начальника полковой школы 82-го полка Штейна, посланный мною в погоню за Ибрагим-беком, захватил его тайные продовольственные склады. Через несколько

дней Штейн прислал донесение, что Ибрагим-бек с четырьмя джигитами 1 июля переправился через Пяндж и ушел за границу. На месте его последней стоянки красноармейцы нашли лисий хвост...

Такая же участь постигла и Хурам-бека. Неотступно преследуемый отрядом Николаева, раненный в одной из стычек, Хурам-бек вслед за низложенным главнокомандующим войсками ислама бежал за пределы Восточной Бухары.

Успешными были и действия наших соседей — 6-й и 7-й отдельных кавалерийских бригад и 3-й стрелковой Туркестанской дивизии. Уничтожив на своих участках мелкие шайки многочисленных курбашей, они полностью завершили ликвидацию басмачества на всей огромной территории Восточной Бухары.

Задача, поставленная командованием Туркестанского фронта в июле 1926 года, была с честью выполнена.

* * *

Я уже рассказывал, что командир 83-го кавалерийского полка С. П. Дмитриев, будучи под сильным влиянием троцкиста Лезинова, допустил ряд грубых ошибок. Главная из них заключалась в том, что после ухода бригады в Восточную Бухару Дмитриев не принял мер предосторожности, что позволило главарям басмаческих банд вновь активизировать свою деятельность. К тому же начальник окружного отдела ГПУ Лопухов растерял всю свою агентуру, в результате чего Дмитриев вынужден был действовать вслепую. Наконец, наиболее опытная часть командного состава 83-го полка поехала на учебу, а часть его по настоянию Лезинова и Лопухова была демобилизована. Все это сильно сказалось на боеспособности полка.

26 июня 1927 года Лопухов сообщил Дмитриеву, что шайка Шалтай-Батыра, бывшего начальника конвоя Якши-Кельды, замечена у колодца Кизылча-Куюсы, путь к которому лежал через мертвые пески. Лопухов заверил Дмитриева, что в колодце сколько угодно воды и что брать с собой верблюдов с запасом воды — значит замедлить движение.

Дмитриев приказал командиру эскадрона Смирнову

форсированным маршем идти к колодцу и разгромить банду Шалтай-Батыра.

Выполняя приказ командира полка, Смирнов налегке вошел в пески. Сыпучие дюны, от которых веяло нестерпимым жаром, окружили всадников. Дюны сменялись ровными песками, на которых не росла даже колючка. Впереди изредка мелькали силуэты конных басмачей. Уже к полудню люди и кони начали испытывать страшную жажду. Высланный вперед разъезд прислал донесение, что колодца не обнаружено. Вскоре разъезд завязал перестрелку с бандой. В бой постепенно втянулся весь эскадрон. Басмачи, не принимая атак, отходили. Это изматывало силы эскадрона, и к концу дня кони встали. Из головного дозора сообщили, что обнаруженный наконец колодец засыпан песком. С трудом дотащились до него, но все попытки добыть воду не увенчались успехом.

Едва эскадрон расположился на ночлег, как со всех сторон с криком и визгом на него обрушились басмачи. Организованным огнем атаку удалось отбить, но басмачи залегли на гребнях барханов и всю ночь вели по расположению эскадрона огонь, а наутро снова пошли в атаку. В завязавшейся схватке были убиты командир эскадрона Смирнов, политрук и несколько бойцов. От пуль басмачей и от жажды пало 47 лошадей.

Старшина-сверхсрочник Тихон Логачев, приняв на себя командование эскадрона, решил возвращаться назад. Спешенные бойцы, взвалив на себя седла, шли впереди. Конная группа прикрывала отход, задерживаясь на гребнях барханов. Через три дня до предела измученные люди вернулись на границу оазиса.

Старшина Т. И. Логачев был награжден орденом Красного Знамени.

Трагедия эскадрона ничему не научила Дмитриева, он по-прежнему слепо доверял Лезинову и Лопухову. Дисциплина в полку сильно упала.

Не было дисциплины и в национальных отрядах милиции. Не предупреждая гарнизоны, отряды эти разъезжали по всей области, появляясь в местах, где их никто не ожидал. Такая расхлябанность не замедлила сказаться.

Эскадрон Лапкина шел из Ташауза по сухому руслу канала. Насыпные берега до половины скрывали всад-

ников. По своей беспечности Лапкин не выслал ни охранения, ни разведки. Его политрук — москвич комсомолец Яков Ушаренко — при всей своей неопытности и то понимал, что ни к чему хорошему это не приведет. Однако его предложения выслать разведку Лапкин встречал насмешками.

Внезапно впереди эскадрона появилась большая группа всадников. Ушаренко сказал:

— Басмачи...

— Сам ты басмач, — ответил Лапкин. — Милицию от басмачей отличить не можешь...

Между тем всадники приблизились и в упор открыли огонь по эскадрону. Среди убитых оказался Лапкин...

Политрук Ушаренко принял на себя командование эскадрона, и ответным огнем басмачи были отбиты. Как выяснилось, это была шайка Шалтай-Батыра. Потеряв половину лошадей и десятка два бойцов, эскадрон вынужден был перейти к обороне в пересохшем русле арыка.

Лишь на другой день прибывшая из Ташауза полковая школа 83-го полка заставила Шалтай-Батыра отойти. Но Яков Ушаренко этой помощи уже не дождался. За час до прибытия школы он был тяжело ранен и вскоре умер.

Частные успехи басмачей не сыграли бы существенной роли, если бы недалеко от границ оазиса не было «короля пустыни» Джунаид-хана. Прикинувшись стариком, «мирно» доживающим свои дни, он через своих лазутчиков зорко следил за всем, что происходит в Ташаузском округе. Приход к нему курбашей после ликвидации феодальных вождей значительно усилил его банду, а успехи Шалтай-Батыра заронили в нем надежду на успех.

В это время я уже сдал командование 8-й отдельной кавалерийской бригадой Н. В. Медведеву, только что прибывшему в Среднюю Азию, и получил задание Реввоенсовета Туркестанского фронта приступить к формированию Туркменской национальной кавалерийской бригады. Лишенный таким образом возможности принимать непосредственное участие в событиях, я из Ашхабада внимательно следил за их развитием.

19 сентября 1927 года банда одного из крупнейших курбашей — Ахмед-бека, бежавшая в 1926 году к Джу-

наиду, вышла из пустыни в район Куня-Ургенча и в 23 километрах южнее города напала на 5-й аульный Совет. Из Куня-Ургенча на помощь Совету выступил сводный отряд 83-го полка в шестьдесят сабель. Утром 20 сентября у арыка Шах-Мурат-яб отряд обнаружил банду и вступил с ней в бой. На помощь Ахмед-беку, охватывая отряд с флангов и тыла, из песков вышел Шалтай-Батыр. Вслед за тем в бой вступили главные силы Джунаид-хана — 250 всадников под командой его сыновей Ишика и Икдыра.

Окруженный со всех сторон басмачами, сводный отряд стойко оборонялся. К нему на помощь из Куня-Ургенча прибыл добровольческий отряд милиции, а из Ильялы — 2-й сводный отряд 83-го полка в восемьдесят сабель под командованием Дмитриева.

Джунаид-хан, руководивший бандами из крепости Календар-Ишан, находившейся в четырех километрах западнее развалин Ак-Тюбе, решил прервать бой и по частям отвел свои банды в пустыню.

Так начиналось последнее выступление Джунаид-хана против Советской власти в Туркменской ССР.

2 октября банда в 350 всадников под непосредственным командованием Джунаида совершила нападение на подшефный бригаде кишлак Ходжа-Кумез. Этот кишлак, население которого с энтузиазмом встретило Советскую власть, был бельмом на глазу Джунаид-хана. Однако Джунаид-хан просчитался. Отряд самообороны, обученный советскими командирами, был начеку и встретил передовые разъезды басмачей на подступах к кишлаку. Таким образом, взять кишлак с налета Джунаид-хан не смог. Завязался упорный бой.

Из Ташауза на помощь осажденным вылетели два самолета и вышел добровольческий отряд милиции. Один из самолетов басмачам удалось сбить ружейным огнем, и это вселило в них уверенность в успехе. После этого они с еще большим ожесточением атаковали кишлак. Но все их усилия оказались тщетными. Тогда Джунаид-хан сделал вид, что взятие кишлака для него не так уж важно, и снял осаду.

По приказу командующего Туркестанским фронтом 84-й кавалерийский полк был переброшен по железной дороге в Чарджую, а оттуда походным порядком направился в Ташауз. Когда полк прибыл в окружной центр,

разъезды басмачей уже шныряли вблизи города, а обескровленные подразделения 83-го полка были не в силах оказать им серьезное сопротивление. Вскоре 84-му полку с А. В. Борисовым во главе удалось восстановить положение в Хорезмском оазисе и вынудить Джунаид-хана вновь уйти в пустыню.

На повестку дня встал вопрос о полном разгроме хорезмского басмачества и ликвидации коварного хана.

Не останавливаясь на частных операциях внутри Хорезмского оазиса, так как о них достаточно подробно рассказал сам командир 84-го полка А. В. Борисов в своих воспоминаниях, опубликованных в 1932 году¹, отмечу лишь, что к 25 октября 1927 года закончилось сосредоточение конной группы, готовившейся к походу в пустыню. Исходным пунктом для 84-го полка был Куня-Ургенч, для 83-го полка — Ильялы.

По агентурным данным, банда Джунаид-хана (около 300 всадников) базировалась по берегам Узбоя (старого русла Аму-Дарьи) у колодца Дехче. Трудно было в пустыне выбрать для обороны более удачные позиции. Колодец и источник на дне Узбоя обеспечивали самым драгоценным в песках пустыни — водой. Ширина Узбоя в районе колодцев превышала сто метров, а глубина русла достигала тридцати метров. Крутые, почти отвесные берега делали русло похожим на глубокое и узкое ущелье. И лишь вблизи колодца по обоим берегам имелись пологие спуски, которые хорошо простреливались с Усть-Уртской возвышенности, находившейся в руках у басмачей.

Командование конной группой было поручено командиру 84-го полка А. В. Борисову.

27 октября 84-й кавалерийский полк с двухдневным запасом воды выступил из Куня-Ургенча, рассчитывая подойти к становищу Джунаид-хана с востока. Из Ильялы выступил 83-й кавалерийский полк, который должен был охватить банду с юго-запада и отрезать ей путь отхода за границу.

30 октября оба полка прибыли в назначенные им пункты. К этому же времени прилетели выделенные для участия в экспедиции самолеты. Но становище басмачей

¹ См. А. Борисов. Поход конной группы 8-й кавалерийской бригады в пустыню Кара-Кум в 1927 г. Военное издательство. М., 1932.

оказалось брошенным. Как впоследствии выяснилось, Джунаид-хан, узнав о движении наших частей, 23 октября ушел в направлении озера Сары-камыш, а 29 октября колодец покинул и оставленный им заслон.

Отступая в глубь пустыни, ближе к границе, Джунаид-хан был уверен, что наши части дальше Дехче не пойдут, в крайнем случае задержатся на несколько недель для подготовки к дальнейшим действиям.

Авиаразведка обнаружила в районе озера Сары-камыш несколько всадников, и Борисов принял решение идти к озеру.

Вперед был выслан эскадрон Лучинского. Проводником был взят туркмен Кемине-Ших, награжденный орденом Красного Знамени за совместную работу с частями Красной Армии в 1925 году.

Эскадрон Лучинского покинул колодец на рассвете и с этого момента действовал до конца экспедиции в качестве головного отряда, приняв на себя основную тяжесть похода.

В шестнадцати километрах восточнее колодца возвышенность Усть-Урта резко поворачивает на север. Здесь следы Джунаид-хана терялись в песках, и Лучинский направил во все стороны разъезды. Вскоре следы банды удалось обнаружить, и Кемине-Ших установил, что она повернула строго на юг.

Лучинский повел эскадрон переменным аллюром, чтобы уйти от главных сил на положенную дистанцию. Вдали на юго-западе, среди бескрайних песков, засверкало полувысохшее соленое озеро Сары-камыш. Противника у озера не оказалось.

84-му кавалерийскому полку почти все время помогала авиаразведка, которая указывала направление отхода банды. Миновав колодец Чарышлы, полк снова напал на следы банды.

Командир полка Борисов так описывал этот тяжелый переход:

«...Закружились песчаные вихри. С севера налетел острый, пронизывающий ветер. Песок набивался в нос, в уши, в рот. Глаза, залепленные песком, ничего не видели перед собой. То и дело отряд останавливался, отыскивая потерянные следы и возобновляя движение широкой рысью.

Всадники должны были держаться на хвосте, чтобы не потеряться, так как в нескольких шагах уже не было видно соседа. Отряд шел без дозоров, каждую минуту готовый к немедленному бою.

Наступившая темная холодная ночь почти совсем скрыла следы. Появились отстающие: то и дело командиры докладывали по цепи о том, что останавливаются кони. На это следовал приказ: «Отстающим объединиться и поджидать транспорт». Отряд продолжал упорно идти вперед.

Как только следы становились неясными, красноармейцы спешили в вели коней в поводу. Когда следы терялись совершенно, командиры и бойцы, шаря по песку руками, нащупывали углубления от копыт басмаческих лошадей.

Испытанный проводник, житель пустыни — Кеминеших выбился из сил, пал духом и заявил: «Дальше дороги не знаю. В пустыне — это черная смерть. Без воды и верблюда в пустыню ходить нельзя». Отряд остановился... Впереди был обрыв... Следы прервались... Буря свирепствовала».

Когда на рассвете буря улеглась, мы увидели впереди огни костров. Стоянка противника оказалась совсем близко, но басмачи уже покинули ее.

84-му кавалерийскому полку удалось догнать банду лишь 5 ноября.

За эти дни буря изменила рельеф: там, где простирались ровные пески, появились высокие дюны, а там, где были дюны, лежали ровные пески.

Тот, кто не бывал в пустыне, не имеет представления о бесконечности. Когда едешь по пустыне, кажется, что стоишь на месте, так однообразны необозримые пространства постоянно, но незаметно перемещающихся песков.

Басмачи рассредоточились на широком фронте, маскируясь зарослями саксаула. С этой позиции они и обстреляли разъезд головного отряда.

Достигнув удобного рубежа (высокой гряды барханов), Лучинский спешил эскадрон и завязал бой.

От главных сил полка отделился эскадрон Марковича и рысью пошел влево. В это время появились наши самолеты и стали бомбить позиции басмачей.

Лучинский дождался, пока эскадрон Марковича глу-

боко охватит правый фланг Джунаид-хана, и скомандовал: «По коням!» Спустившись с бугра в овраг, эскадрон попал в мертвое пространство, развернулся и, выйдя на противоположный берег оврага, приготовился к атаке.

Под огнем противника эскадрон пошел в атаку спокойным, ровным галопом. Расстояние между эскадронами и противником быстро уменьшалось. Вот уже и позиции басмачей...

Услышав «ура» 1-го эскадрона, бросился в атаку и 3-й эскадрон Марковича. Сбитые с высоты и растерявшиеся, банды Джунаид-хана побежали. Не удалось им долго удержаться и на промежуточных рубежах. Повторный налет авиации — и пулеметный взвод Берзина, зашедший в тыл басмачам, завершил разгром.

Но преследовать Джунаид-хана у полка не хватило сил. Сказалась усталость от более чем 400-километрового перехода по пустыне. Уже во время атаки третьего оборонительного рубежа басмачей много лошадей падало от усталости, голода и жажды. После того как всадники спешили, лошади качались и еле передвигали ноги.

И как было приятно узнать, что командование выслало нам навстречу к колодцу Пеш-Кудук большой продовольственный транспорт.

Когда 9 ноября полк подходил к колодцу, самолет «Ю-13» сбросил вымпел с приказом Реввоенсовета Среднеазиатского военного округа. В приказе, адресованном командиру полка Борису, говорилось:

«РВС и командование Средазво восхищены героическим походом 84-го кавполка в неслыханно тяжелых условиях в безводной пустыне Кара-Кум... По прибытии полка в Ташауз вам предлагается срочно представить к награждению орденом Красного Знамени всех отличившихся командиров, политработников и красноармейцев полка. РВС Средазво желает с полным успехом и с наименьшими лишениями закончить полку этот выдающийся поход. Привет всем бойцам!

Комвойсками Средазво *Авксентьевский*.

Члены РВС *Зеленский, Иппо*».

За выдающийся поход в Кара-Кумы в числе многих бойцов, командиров и политработников были награж-

дены орденом Красного Знамени Борисов, Лучинский и Маркович, получивший третью революционную награду.

84-й кавалерийский полк был награжден почетным Революционным Красным Знаменем.

К началу 1928 года в песках остались лишь небольшие шайки джунаидовских курбашей. В ликвидации этих шаек в 1928 году приняла участие и вновь сформированная Туркменская национальная кавалерийская бригада.

У колодца Чарышлы прочно обосновалась банда Шалтай-Батыра. Для ликвидации этой шайки были посланы два сводных эскадрона Туркменской кавалерийской бригады, которыми командовали Анна-Кулиев и Муратлиев. Общее руководство операцией было возложено на Севрюгова.

Около 240 километров прошли эскадроны по пескам Кара-Кум и неожиданно для басмачей подошли к колодцу Чарышлы. Банда пыталась уйти, но была перехвачена и уничтожена. Жены и награбленное басмачами имущество были переправлены в оазис. Тяжело раненый Шалтай-Батыр ускакал в пески и, как впоследствии стало известно, умер от большой потери крови.

В сентябре 1931 года пастухи показали нам могилу Шалтай-Батыра. На могиле лежал его бинокль.

Наиболее крупной операцией этого периода была ликвидация узбекского курбаши Балта-Шиха.

Познакомился я с ним в 1926 году. Одно время в Ильялинском районе участились случаи грабежей. Ограбления совершались обычно в базарные дни, под вечер. Тщательное расследование показало, что налеты совершала неизвестная банда. Поиски банды привели нас к брату Балта-Шиха, торговцу насом.

Я пришел в лавку, купил нас, который был мне совершенно не нужен, и как бы между прочим спросил у хозяина:

— А где ваш брат?

Хозяин перепугался и стал заверять меня, что никакой связи с братом не имеет. Это лишь подтвердило мои предположения, что грабежами занимается Балта-Ших.

Чем больше узнавал я об этом человеке, тем яснее становилось мне, что он не связан с басмачами. Балта-

Ших во время революционных выступлений в Хорезме был на стороне народа и выступал против Джунаида и узбекской знати. Таким образом, грабежи на дорогах, которые он теперь совершал, носили чисто уголовный характер. Я решил встретиться с Балта-Шихом.

Через несколько дней, зайдя в лавку его брата, я сказал:

— Мне надо видеть Балта-Шиха. Даю вам неделю на организацию этого свидания.

Через неделю хозяин лавки сообщил мне, что Балта-Ших согласен на встречу и будет ожидать меня после полуночи у большого карагача на дороге в Копуклы, километрах в двенадцати от Ильялы. Там меня встретят. С собой я могу взять только коновода.

Ночь выдалась темная. Мы ехали с командиром 83-го полка Ежовым по пустынной дороге. По его молчанию я понимал, что он не одобряет мои действия. Балта-Ших не случайно выбрал для свидания полночь. В это время на небе не было луны, и мы с трудом различали в темноте дорогу. Справа от дороги на нас неожиданно надвинулась черная масса огромного дерева. Мой конь шарахнулся в сторону и захрапел, схваченный под уздцы чьей-то сильной рукой. Неплохо придумано, подумал я, когда словно выросший из-под земли человек молча повел в поводу моего коня куда-то в сторону от дороги. Вскоре впереди проступили очертания небольшой курганчи, мелькнул огонек керосинового фонаря.

У крепостной калитки меня встретил Балта-Ших. Он помог мне слезть с коня и спросил по-узбекски, как это я не побоялся приехать к нему один.

— Человек, который сам боролся на стороне народа, не может сделать зла тому, кто борется за народ, — ответил я.

Мой ответ, видимо, понравился Балта-Шиху.

За ужином я предложил Балта-Шиху кончить с разбоем, приехать в Ташауз и начать честную жизнь.

— Сейчас есть единственная справедливая вооруженная борьба — это борьба с басмачами, — сказал я. — В Ташаузе формируется отряд добровольцев, и этому отряду нужен авторитетный командир.

Балта-Ших обещал подумать над моим предложением.

...Через два дня он явился ко мне в Ташауз.

Лучшего командира добровольческого отряда трудно было и желать. Балта-Ших пользовался огромным авторитетом не только среди узбеков, но и среди иомудов, которые уважали его за храбрость. Басмачи как огня боялись отряда Балта-Шиха, избегая появляться в районе его действий.

После моего отъезда в Восточную Бухару, а затем в Ашхабад, где я занялся формированием Туркменской бригады, кто-то начал провоцировать Балта-Шиха, пугая его тюрьмой за прошлые грабежи. Кончилось тем, что Балта-Шиха сняли с командования отрядом и он убежал в пески, где собрал банду в 200 всадников.

Переход Балта-Шиха на сторону басмачей явился следствием ошибок Дмитриева, назначенного командиром 83-го полка вместо Ежова, который был откомандирован в Восточную Бухару и вступил в командование 82-м полком.

В 1929 году я прибыл в Ташауз с двумя эскадронами 1-го и 2-го Туркменских кавалерийских полков. Мне был подчинен 84-й кавалерийский полк.

Вскоре мне доложили, что в кишлаке Карамазы, в пятнадцати километрах от Ильялы, 1-й эскадрон 84-го полка Лучинского и добровольческие отряды окружили Балта-Шиха с десятью его курбашами.

Я немедленно выехал в Карамазы и, когда подъезжал к кишлаку, услышал сильную стрельбу. Но внезапно все стихло.

Подъезжая к небольшой курганчи, я увидел, как из открывшихся ворот на дорогу вылетела группа всадников. В одном из них я узнал Балта-Шиха и громко окликнул его.

Балта-Ших осадил коня и заявил, что, узнав о моем прибытии в Ташауз, он приехал из песков, чтобы повидаться со мной. Я поверил ему и приказал нашим частям разойтись по своим гарнизонам. Со мной остались только Лучинский и десять человек охраны.

За ужином в курганче Балта-Ших рассказывал мне о нанесенных ему обидах, но явно что-то не договаривал. Когда же я попытался выяснить, кто его провоцировал, Балта-Ших умолк.

Было уже поздно, но мне не спалось, и я вышел во двор курганчи. Под навесом, где стояли кони, кто-то

шептался. Я прислушался. Незнакомый мне голос угро-варивал Балта-Шиха послать в пески за джигитами и расправиться с нами. Балта-Ших молчал. Я с замирающим сердцем ждал, что он ответит.

— Хоп, — после недолгого раздумья сказал Балта-Ших и этим лаконичным ответом решил свою участь.

Я вернулся в кибитку и шепотом предложил Лучинскому приготовить незаметно оружие. Вскоре в кибитку вошел Балта-Ших и принес несколько бутылок вина. Вслед за ним в кибитку вошли курбаши Загир-бала и Бабаджан-бала.

Балта-Ших разыгрывал роль радушного хозяина, усиленно подливая нам вино. Напрасно я пытался встретиться с ним взглядом. Балта-Ших каждый раз отводил глаза в сторону.

Вдруг за воротами курганчи послышался удаляющийся конский топот. Все стало предельно ясным. Тот, кто вступил на путь предательства и решил идти по этому пути, — наш враг.

Я подал команду «Огоны!» и выхватил маузер.

...Кибитка наполнилась запахом пороха и треском револьверных выстрелов. Опрокинулась и погасла керосиновая лампа. Басмачи были убиты.

Банда, узнав о гибели своих курбашей, разбежалась.

ПОСЛЕДНИЕ БОИ

1929 год в республиках Средней Азии был годом большого политического и хозяйственного подъема. В кишлаках и аулах бедняки и середняки организовали первые колхозы. В городах строились хлопкоочистительные и маслобойные заводы. Росли ряды национального рабочего класса, который настойчиво требовал проведения социалистических преобразований.

В этот год воинские части Среднеазиатского военного округа, успешно завершив ликвидацию басмачества как политической силы, на которую опирались контрреволюционные элементы, приступили к мирной учебе.

На территории Туркменской ССР состоялись большие маневры, которые по времени совпали с японской провокацией на КВЖД и потому проходили с особым подъемом. В маневрах принимали участие 8-я отдельная

Туркестанская кавалерийская бригада, которую снова принял мой старый боевой товарищ К. П. Ушаков, и моя Туркменская кавалерийская бригада.

Бригада Ушакова вышла из Мерва и двигалась вдоль нашей государственной границы. Навстречу ей шла моя бригада. Заключительная часть маневров должна была состояться в районе Теджена. Сюда прибыл командующий округом П. Е. Дыбенко.

Посредники затруднялись, какой из двух противостоящих бригад присудить победу в промежуточных действиях. Решить это должно было столкновение главных сил. Оно произошло на равнине, в нескольких километрах от города. Обнаружив друг друга, бригады развернулись и пошли в атаку. Это было незабываемое зрелище. Искусно маневрируя, на полном аллюре производя сложные перестроения, бригады сближались, стараясь охватить фланги «противника». Когда трубы проиграли отбой, посредники опять оказались в затруднительном положении, настолько безукоризненно действовали бойцы и командиры обеих бригад.

Объезжая строй, командующий округом назвал бригады стальными. Эта оценка молодой Туркменской бригады, лишь недавно вступившей в ряды Красной Армии, была наградой за настойчивую учебу.

Еще не успели вернуться в свои гарнизоны полки, принимавшие участие в маневрах, как поступило сообщение, что советскую государственную границу перешел матерый бандит Максум-Фузайль.

Максум приурочил это к III съезду Советов Таджикской АССР, принявшему решение о преобразовании ее в Таджикскую Советскую Социалистическую Республику в составе Советского Союза.

К Максуму примкнули раскулаченные баи, и его банда выросла до 800 всадников. Басмачи захватили Калай-Хумб, Товиль-Дору и Хаит, зверски расправляясь с работниками советского и партийного аппарата. Но надежды Максум-Фузайля на то, что он будет поддержан местным населением, не оправдались. В кишлаках местные отряды самообороны оказали басмачам ожесточенное сопротивление. А тем временем в район действий шайки перебрасывались части Красной Армии.

По приказу П. Е. Дыбенко командир 7-й отдельной кавалерийской Туркестанской бригады (бывшей 1-й)

Т. Т. Шапкин направил из Дюшамбе в Гарм эскадрон 79-го кавалерийского Алайского полка (бывшего 1-го) под командованием А. И. Бенько.

Максум-Фузайль, перейдя снежный перевал Люлю-Харви, также шел к Гарму, разбив по дороге добровольческий отряд Гутовского. К вечеру 23 апреля басмачи осадили Гарм.

По приказу Дыбенко в Гарм самолетом вылетел Шапкин, взяв с собой пулеметчиков Иванова, Тимошенко, Малиновского и Сергеева. Самооборону города возглавлял коммунист Кравчук. По указанию Шапкина пулеметчики быстро заняли удобные позиции и открыли огонь по басмачам.

Находившийся в отряде Максума белогвардейский офицер Пименов увидел в бинокль крупную фигуру Шапкина с двумя ромбами на петлицах и заявил Максуму, что, раз в Гарме комбриг, значит, где-то рядом вся бригада. Басмачи поспешно отошли от города и попали под удар спешившего из Дюшамбе эскадрона Бенько. Банда была разбита, а Максум-Фузайль снова ушел за границу и больше в Таджикистане не появлялся.

* * *

В 1930 году в Таджикистане началось массовое движение за организацию колхозов. Классовая борьба в кишлаках обострилась до предела. За границами Советского Союза на средства английских империалистов формировались шайки из бухарских эмигрантов.

В марте 1931 года государственную границу Таджикистана перешла банда Ибрагим-бека, Утан-бека и Кур-Артыка численностью около двух тысяч человек. «Главнoкомандующему войск ислама» хотелось еще раз испытать свою судьбу.

Ибрагим-бек вторгся в пределы Таджикской ССР, окруженный пышной свитой. Муллы и ишаны встречали его с почестями, достойными святого. Но ничего не помогло.

На разгром банды были брошены части 7-й отдельной кавалерийской Туркестанской бригады, Таджикский стрелковый батальон, 83-й кавалерийский Бегалинский полк и Узбекская отдельная бригада, которой командо-

вал Иван Ефимович Петров. Кроме регулярных частей, против Ибрагим-бека поднялось все трудовое население. 50 тысяч «краснопалочников» действовали в районе своих кишлаков.

Уже во второй половине июня банды Ибрагим-бека и Кур-Артыка были полностью разгромлены. 22 июля два эскадрона 79-го кавалерийского Алайского полка под командованием Лободина и Бенько захватили в районе кишлака Ой-Булак ближайших сподвижников Ибрагим-бека — курбашей Али-Мардана-дотхо, Ишан-Исахана, Азим-бека и Каюм-Гафура. И только самого Ибрагим-бека нигде не могли найти. На поиски были направлены регулярные части Красной Армии и многочисленные отряды «краснопалочников».

В районе Ишкабада прочесывал горы Таджикский батальон. Командир батальона В. Г. Позняк с одним эскадром спустился к переправе через Кафирниган. Стояла холодная темная ночь. На берегу горел костер, возле которого грелся старик перевозчик. Позняк предполагал, что Ибрагим-бек находится за рекой, и, решив на рассвете начать переправу, предупредил перевозчика, чтобы тот приготовил каюк.

— Не надо туда ходить. Ибрагим-бек здесь, — старик подбрасывал в огонь сухие ветки, и руки его дрожали.

Сгрудившиеся вокруг костра бойцы внимательно слушали неторопливый рассказ перевозчика.

Оказывается, часа за два до прихода сюда эскадрона, с того берега скликнули перевозчика и велели ему подать для переправы каюк. Старик ответил, что ночью переправляться опасно. В ответ он услышал брань и угрозы. Человек, требовавший каюк, прокричал, что с ним раненый главнокомандующий войсками ислама.

— Если ты не подашь каюк, то завтра же будешь повешен! — донеслось с того берега.

Старик ответил, что его сын ушел в кишлак, и просил подождать, пока он вернется, так как ему, старику, одному не справиться с быстрым течением реки. На том берегу как будто поверили старику.

Тогда старик тут же велел находившемуся рядом с ним сыну бежать в кишлак Ходжа-Буль-булак и предупредить «краснопалочников» о появлении Ибрагим-бека.

Через некоторое время с того берега снова стали требовать каюк, и в течение часа на голову старика сыпались проклятья и угрозы. Наконец вернулся сын и сообщил, что следом идут «краснопалочники».

Старик с сыном сели в каюк и погнали его на другую сторону реки. Басмач, ожидавший их на берегу, избил старика и его сына камчой. Затем трое других басмачей внесли на руках Ибрагим-бека и уложили его на дно каюка. Когда каюк пересек реку и приткнулся к берегу, на него со всех сторон налетели «краснопалочники» под командованием Муксум-Султана — бывшего батрака Ибрагим-бека.

Пойманный Ибрагим-бек был отдан под суд и по приговору суда расстрелян.

* * *

В 1928 году, убедившись в бессмысленности борьбы против Советской власти, Джунаид-хан ушел за границу. В песках остались банды Шалтай-Батыра, Ахмед-бека и других. Из-за границы к ним приходили контрабандисты Ораз-Гельды. Банды систематически совершали налеты на населенные пункты, пытаясь помешать социалистическому строительству.

В начале 1931 года командование Среднеазиатского военного округа приняло решение очистить пески от бандитских шаяк. В этих операциях активную роль должна была сыграть национальная Туркменская кавалерийская бригада, сформированная из туркмен-добровольцев. Личный состав бригады обладал прекрасными боевыми качествами и рвался в пустыню, чтобы очистить пески от бандитов.

В апреле, до начала общей операции, 2-й Туркменский кавалерийский полк под командованием А. И. Бацкалевича обнаружил у колодца Бахардок шайку Анна-Бала. Схватка была короткой и жестокой. Окружив несколько бойцов во главе с политруком Али Рахимовым, басмачи кричали:

— Вы туркмены, мы туркмены! Сдавайтесь!..

— Туркмены там, — ответил политрук, показывая рукой в сторону оазиса. — А вы — бешеные собаки, которых надо уничтожить.

Окруженные бойцы держались до тех пор, пока на

помощь им не подоспел эскадрон. Ни одному басмачу не удалось уйти от колодца.

В сентябре 1931 года началась последняя операция по очищению песков Кара-Кум от басмачей.

Около двух тысяч хорошо вооруженных басмачей решили обороняться. Укрепив основную линию колодцев Туар, Чагыл, Доунгра, Огламыш, они вырыли в песчаных барханах вокруг этих основных водных источников несколько линий окопов, отлично замаскированных колючкой и саксаулом. Здесь же, в непосредственном тылу, были сосредоточены семьи басмачей и стада скота.

Впереди основной оборонительной позиции, на озера Джамала и Топиантан, была вынесена передовая, также хорошо укрепленная линия обороны. А в тылу основного района, опираясь на колодцы Кум-Сепшен и Дахлы, находилась вторая оборонительная позиция. Наконец, караванный путь из Кизыл-Арвата в Хорезм был перекрыт у колодца Чарышлы оборонительными сооружениями, построенными местными шайками.

Таким образом, был создан ряд оборонительных сооружений, преградивших все караванные пути из Кизыл-Арватского и Красноводского районов в Хорезм и Казахстан. Район этот простирался до 160 километров в глубину и до 90 километров по фронту, что давало басмачам возможность широкого маневра.

Все занятые в этой операции наши части выступили из исходных пунктов одновременно.

Из Красноводска на баржах через Кара-Бугаз плыл отряд курсантов военной школы имени В. И. Ленина под командованием начальника школы А. К. Малышева. По суше наступал мотоотряд пограничных войск во главе с начальником пограничных войск Ламоновым. Со станции Казанджик форсированным маршем шла моя Туркменская кавалерийская бригада. Из Кизыл-Арвата вышел Узбекский кавалерийский полк М. Миршарапова. Из Теджена в пески пошел 82-й кавалерийский Актюбинский трижды Краснознаменный полк под командованием А. И. Бацкалевича, из Мерва — 83-й кавалерийский Бегалинский полк М. В. Самокрутова. Хиву и Ташауз покинули 84-й кавалерийский Краснознаменный полк Хрюкина и кавалерийский полк НКВД под командованием Константинова.

Операцией руководили командующий Среднеазиатским военным округом П. Е. Дыбенко, член Военного совета Г. Г. Ястребов и начальник полевого штаба В. Г. Позняк.

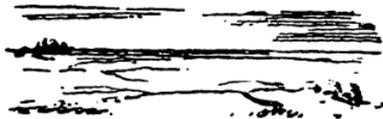
Охватывая огромные пространства пустыни, части медленно сходились к центру, уничтожая встречные банды. Басмачи заметались, ища спасения, но везде натыкались на подразделения Красной Армии.

У колодца Дахлы сгрудилось несколько шаек общей численностью до 800 всадников. К колодцу подошла часть отряда школы имени Ленина. Басмачи организовали круговую оборону, отбивая атаки огнем, но вскоре, используя свое численное превосходство, перешли в контратаку. Был момент, когда они чуть было не опрокинули малочисленный отряд курсантов. Но подоспевший 1-й Туркменский кавалерийский полк Ф. Н. Антонова не дал басмачам уйти. Начальник полковой школы Якуб Кулиев стремительной атакой расчленил банду, а эскадроны добились ее по частям.

За доблесть и мужество, проявленные в боях, орденом Красного Знамени были награждены следующие бойцы, командиры и политработники Туркменской кавалерийской бригады: начальник полковой школы Якуб Кулиев, командир снайперской команды Аббасов Али, командиры эскадронов Анна-Кулиев, Анна-Муратов, политруки Алиханов, Али Рахимов, старшины Токка Чеканов, Чирчак, красноармейцы Худай-Бердыев, Кары-Ниязов, Анна-Чекметов, Нуры-Исмаилов и многие другие.

Все части, занятые в этой последней экспедиции, были награждены правительством Туркмении почетными Знаменами Туркменской ССР.

Пески Кара-Кум были полностью очищены от басмачей. На всей территории Средней Азии больше не оставалось ни одной басмаческой шайки.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В заключение мне хотелось бы кратко рассказать о том, как прославленные полки туркестанской кавалерии действовали на фронтах Великой Отечественной войны. Сам я по не зависящим от меня причинам в этих событиях не участвовал, но десятки бойцов, командиров и политработников продолжали героические дела туркестанцев и в тяжелых боях громили врагов нашей Родины.

Туркменская, 7-я и 8-я отдельные кавалерийские бригады, которыми мне довелось командовать в те далекие годы, были переформированы в 18, 20 и 21-ю кавалерийские дивизии и героически сражались на фронтах Великой Отечественной войны.

Боевой путь 20-й ордена Ленина Краснознаменной кавалерийской дивизии, переименованной в 17-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию, описан в книге полковника в отставке Сергея Николаевича Севрюгова¹.

Недавно я побывал в Средней Азии. Легковая машина мчалась по великолепным дорогам, по тем местам, где некогда с трудом мог проехать всадник.

Я не узнал Дейнау. Когда-то эти места называли «долиной смерти». Теперь здесь раскинулись цветущие поля, окружавшие новые селения. Города Гарм, Сталинабад, Гиссар с их зелеными улицами и большими домами казались мне выхваченными из сказки — так не похожи они были на те, которые я когда-то видел. Лишь остатки крепостных стен напоминали о минувшем.

Особенно потрясли меня изменения в Хорезме. Некогда узкая полоска оазиса на краю пустыни превратилась в огромный цветущий сад. И пустыня за его грани-

¹ См. С. Н. Севрюгов. Так это было... Записки кавалериста. Военное издательство. М., 1957.

цами перестала быть грозной. Она лежала по-прежнему знойная, но во все стороны ее пересекали дороги, и по ним спокойно проезжали машины, доставляя строителям канала продукты и материалы.

Вода, за которую было пролито столько человеческой крови, наполняла арыки, и ею поливали улицы городов.

Но особенно потрясли меня люди. Ведь я знал их, когда грамота только-только проникла в кишлаки и аулы, когда не каждая женщина осмеливалась переступить порог мужской половины дома, если там были гости, когда на полях в лучах знойного солнца поблескивал тяжелый кетмень дехканина...

Я остановился переночевать в знакомой туркменской семье. Дом стоял на краю аула. Не спалось, и я вышел на берег канала. Под чистым небом, усеянным звездами, журча и поблескивая бежала вода. Она текла в пески, в пустыню на 350 километров! И тот, кто не бывал в Кара-Кумах, не знает, что это значит!

Я просидел над водой всю ночь. До моего слуха доносились непривычные в этих местах звуки музыки, передаваемой по радио, смех и пение у колхозного Дома культуры. Постепенно все стихло, аул уснул. Но даже эта тишина была не похожа на ту, которую я знал несколько десятков лет назад. Ее нарушал то звук мотора преодолевающей бархан машины, то рокот самолета, то далекий шум поезда на новой железнодорожной линии Чарджоу — Ташауз — Кунград.

На рассвете за спиной у меня раздались голоса. Туркмен в европейском костюме устанавливал на треноге короткую трубу телескопа. Со всех сторон его окружали подростки — девочки и мальчики, они собирались наблюдать движение второго искусственного спутника Земли. Внук моего старого знакомого спрашивал учителя, скоро ли полетят на Луну. Это спрашивал мальчик-туркмен, дед которого, отправляясь в Кара-Кумы, прощался с семьей...

Мне семьдесят четыре года, и я счастлив, что прожил их не зря...

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
От автора	3
Часть первая. Освобождение Бухары	5
Первая встреча с М. В. Фрунзе	—
Крушение эмирата	10
Бои с Курширматом в Фергане	28
Гиссарская экспедиция	36
В глубь Восточной Бухары	51
Часть вторая. Второй поход в Восточную Бухару	76
Предательство младобухарцев	—
Контрреволюционное восстание в Восточной Бухаре	84
Авантюра Энвер-паши	94
Разгром войск ислама	100
Первые бои с Ибрагим-беком	118
Часть третья. От Матчи до Локая	134
Ликвидация басмачества в Матче	—
В Локайской долине	151
Борьба с басмачеством и укрепление Советской власти в Локае	167
Часть четвертая. В пустынях Хорезма	192
Немного истории	—
Хорезмский оазис	205
Ликвидация туркменских феодальных вождей	222
Ликвидация басмачества в Средней Азии	243
Последние бои	262
Послесловие	269

Яков Аркадьевич Мелькумов — «Туркестанцы»

Редактор *Г. М. Изнатович*

Технический редактор *Р. Ф. Аникина*

Корректор *Л. А. Болдина*

Сдано в набор 17.12.59 г. Г-62256. Подписано к печати 15.2.60 г.

Формат бумаги $84 \times 108\frac{1}{2}$ — $8\frac{1}{2}$ печ. л. = 13,94 усл. печ. л. + 4 наклейки

$\frac{1}{2}$ печ. л. = 0,82 усл. печ. л. + 1 вкл. $\frac{3}{8}$ печ. л. = 0,615 усл. печ. л. =
= 15,253 уч.-изд. л.

Военное издательство Министерства обороны Союза ССР

Москва, К-9, Тверской бульвар, 18.

Изд. № 8/1436.

Зак. 794.

Цена 6 р. 65 к.

1-я типография Военного издательства Министерства обороны Союза ССР
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Командующий
Туркестанским фронтом
М. В. Фрунзе

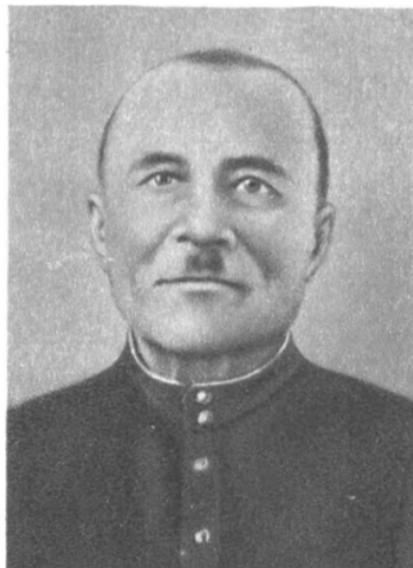

Член Военного совета
Туркестанского фронта
В. В. Куйбышев

**НАЧАЛЬСТВУЮЩИЙ СОСТАВ
1-й ОТДЕЛЬНОЙ ТУРКЕСТАНСКОЙ КАВАЛЕРИЙСКОЙ БРИГАДЫ**

Начальник особого отдела
бригады А. В. Анохин

Командир 1-го Алайского
кав. полка Д. Е. Красильников

Комиссар 1-го Алайского
кав. полка И. И. Жуков

Командир 2-го Гиссарского
кав. полка А. П. Панкеев

**НАЧАЛЬСТВУЮЩИЙ СОСТАВ
1-й ОТДЕЛЬНОЙ ТУРКЕСТАНСКОЙ КАВАЛЕРИЙСКОЙ БРИГАДЫ**

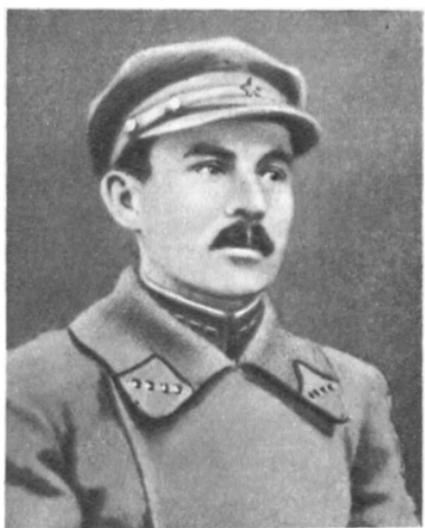
**Начальник
оперативной части
Г. О. Курганов**

**Бывший командир взвода
1-го Алайского кав. полка
А. Н. Первущин (снимок 1943 г.)**

**Бывший старшина 1-го Алай-
ского кав. полка
В. И. Кириченко
(снимок 1940 г.)**

**Бывший командир взвода
2-го Гиссарского кав. полка
В. И. Калашников**

**НАЧАЛЬСТВУЮЩИЙ СОСТАВ
1-Й ОТДЕЛЬНОЙ ТУРКЕСТАНСКОЙ КАВАЛЕРИЙСКОЙ БРИГАДЫ**

Бывший командир 1-й батареи
В. Г. Дьяконов
(снимок 1957 г.)

Бывший командир взвода
3-го Бальджуанского кав. полка
М. Т. Лобов (снимок 1958 г.)

Проводник-разведчик
А. Набиев

КОМАНДИРЫ ОТДЕЛЬНЫХ КАВАЛЕРИЙСКИХ БРИГАД

Командир 8-й бригады
К. П. Ушаков (снимок 1917 г.)

Бывший командир 7-й бригады
Т. Т. Шапкин (снимок 1938 г.)

ВETERАНЫ-ТУРКЕСТАНЦЫ

Командир эскадрона 1-го Алай-
ского кав. полка И. Ф. Куз

Начальник штаба 83-го кав.
полка С. Н. Севрюгов

УЧАСТНИКИ БОЕВ ЗА ХОРЕЗМ

Начальник штаба 8-й отд. кав
бригады А. В. Васильев

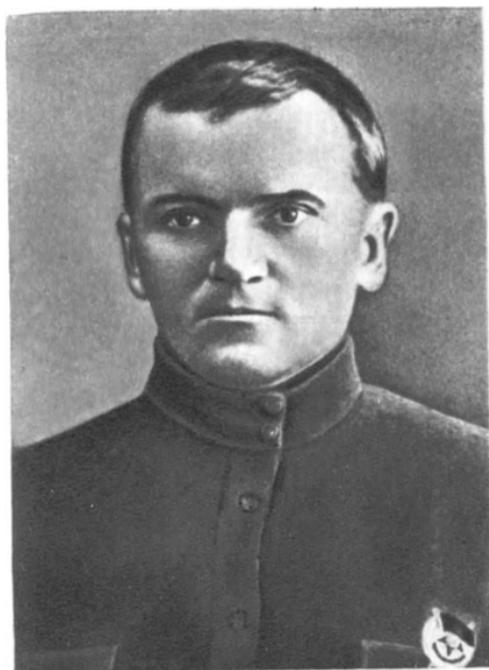
Бывший командир эскадрона
82-го кав. полка Б. В. Штейн

Командир эскадрона
83-го кав. полка
К. Э. Андерсон

Бывший красноармеец 83-го кав
полка В. К. Стунгур
(снимок 1950 г.)

**Командующий Туркестан-
ским военным округом
М. К. Левандовский**

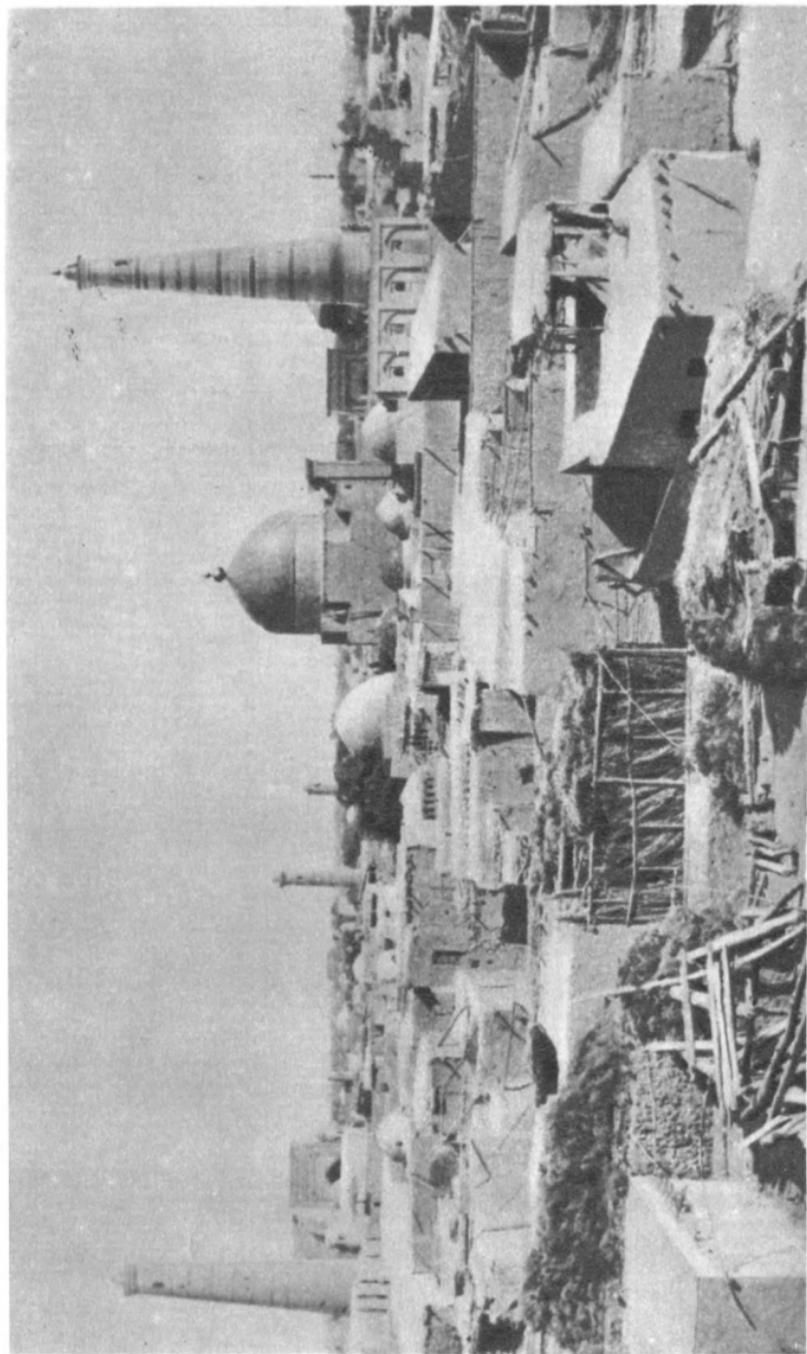
**Председатель Самарканд-
ского ревкома
Д. М. Устабасов**

Командир эскадрона
84-го кав. полка
Геннадий Маркович
(снимок 1926 г.)

В горах Таджикистана

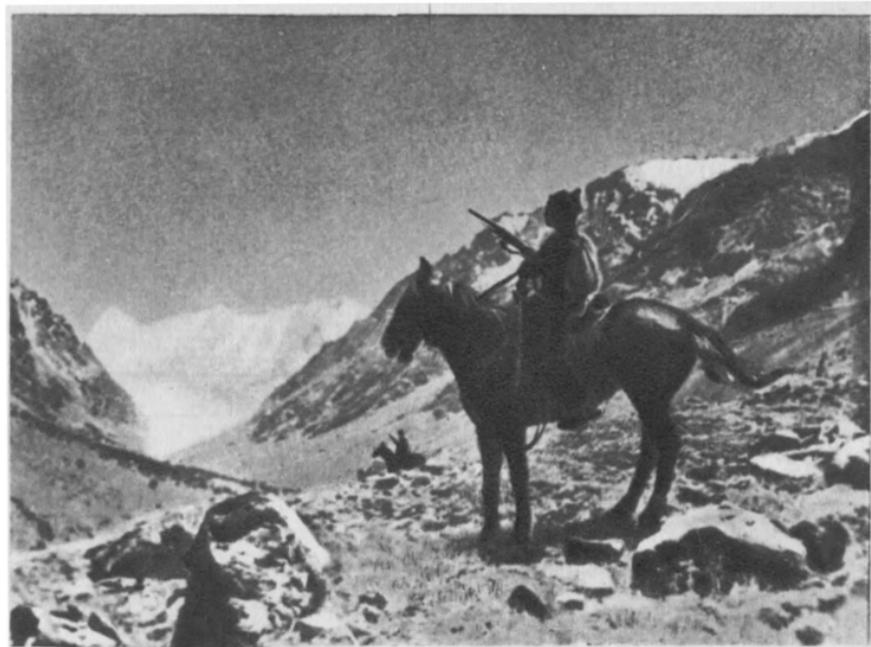
Вид Хивы с воздуха

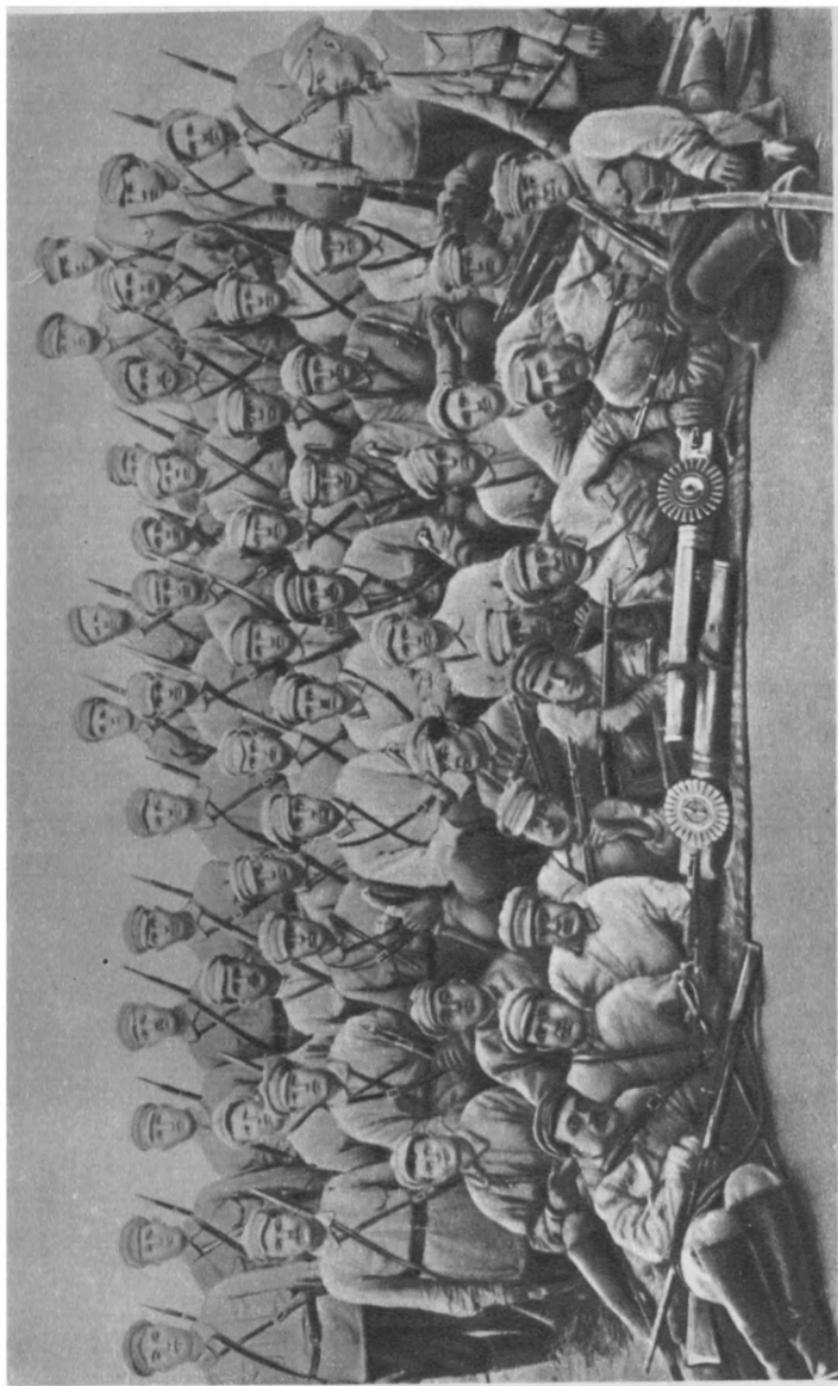
Бывший командир эскадрона
84-го кав. полка А. А. Лучин-
ский (снимок 1940 г.)

Начальник особого отдела
8-й отд. кав. бригады
В. Н. Четвертаков

Дозорный в горах

1-й эскадрон 84-го кавалерийского полка (1926 г.)

Командующий Средне-
азиатским военным округом
П. Е. Дыбенко

Секретарь Ташаузского
окружного комитета партии
Анна-Кули Артыков
(снимок 1950 г.)

**НАЧАЛЬСТВУЮЩИЙ СОСТАВ
1-го ТУРКМЕНСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО ПОЛКА**

**Командир
пулеметного эскадрона
А. Ташлиев**

**Бывший командир взвода
Курбан Палванов
(снимок 1958 г.)**

**Командир эскадрона
Кули Алиханов**

**Командир эскадрона
Анна Кулиев**

**НАЧАЛЬСТВУЮЩИЙ СОСТАВ
2-го ТУРКМЕНСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО ПОЛКА**

**Командир эскадрона
Гуджалов**

**Бывший начальник полковой
школы Я. Кулиев
(снимок 1939 г.)**

**Бывший командир взвода
Н. Бабаев (снимок 1936 г.)**

**Командир снайперской команды
Али Аббасов**

